

РУССКАЯ УСАДЬБА

на пороге XXI века

ХМЕЛИТСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК 3

Настоящий сборник составлен на основе докладов, прочитанных на конференции «Русская усадьба на пороге XXI века. Проблемы сохранения и выживания» (Хмелита, 15-20 июня 2000 г.). Эта конференция была организована по инициативе Государственного музея-заповедника «Хмелита», при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) и Министерства культуры Российской Федерации. В качестве организаторов данной конференции выступили Общество изучения русской усадьбы, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия и ряд других организаций. Особо следует выделить роль «Американских друзей русской усадьбы», которые внесли огромный вклад — творческий и финансовый — в организацию конференции. В конференции принимали участие представители Всемирного Фонда памятников и директор Национального Треста Великобритании Мартин Друри. Большое внимание и помощь в организации и проведении работы конференции оказали администрации Смоленской области, Вяземского, Дорогобужского и Новодугинского районов. Заседания проходили не только на территории Смоленской области, но и в Москве. Это стало возможным благодаря помощи директора Государственного музея А.С. Пушкина в Москве Е.А. Богатырёва. Помощь друзей и людей, заинтересованных в сохранении культурного наследия России, в возрождении русской усадьбы, позволила не только провести конференцию, но и опубликовать данный сборник.

Государственный Музей-заповедник «Хмелита»

Общество изучения русской усадьбы

Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д.С. Лихачёва

РУССКАЯ УСАДЬБА

на пороге XXI века

ХМЕЛИТСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК 3

Смоленск

СПГУ

2001

ББК 83.3(2-рус)5—8

Г 82

Редколлегия: Ю.А. Веденин, В.Е. Кулаков, Г.С. Меркин,
М.В. Нащокина, Л.А. Перфильева,
М.А. Полякова, П.М. Шульгин

Редакторы: Ю.Б. Виниченко, Ю.С. Макаревич

Русская усадьба на пороге XXI века. Хмелитский сборник.
Вып. 3. Смоленск, СГПУ, 2001.— 320 с. с илл.

В сборнике представлены статьи, освещающие актуальные проблемы изучения, сохранения и использования русских усадеб как культурных центров, определявших формирование культурного, социального и экономического пространства России.

Издано при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса)

- © Государственный Музей-заповедник «Хмелита»
- © Общество изучения русской усадьбы
- © Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва

ISBN 5-86443-063-3

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ПРИСЦИЛЛА РУЗВЕЛЬТ

ХМЕЛИТА В ДВАДЦАТЬ ПЕРВОМ СТОЛЕТИИ

*Выступление на международной научной конференции
в Хмелите 13 января 1999 г.*

Я очень рада вновь побывать в Хмелите, увидеть старых знакомых и познакомиться с новыми коллегами. При этом хотела бы воспользоваться этим случаем, чтобы поделиться с вами моими мыслями о будущем Хмелиты и других усадеб России. Четыре года тому назад, в день торжественного открытия этого музея-усадьбы, я выступала с докладом о богатстве усадебной жизни Смоленской губернии во времена Грибоедова. В течение последних двух лет я отложила научную работу, чтобы сделать то, что могла, для настоящего и будущего этих исторических усадеб. Поэтому сегодня я хочу еще раз поговорить об усадьбах Смоленской области, но не об их прошлом, а об их возможном будущем.

Усадебная жизнь в России была уникальным явлением. Вместе с тем она имела общие черты с усадебным бытом других стран. Может быть, ближайшее сходство — это наши плантации, где труд рабов содержал американских землевладельцев точно так, как труд крепостных поддерживал русских бар. Но нельзя забывать, что в то же время в Западной Европе, например в Великобритании, сотни тысяч крестьян трудились для богатых милордов. Их судьба и судьба их семей зависели от воли милорда так же, как судьба русского крепостного от барина. И в большинстве случаев уровень

быта этих свободных крестьян был не лучше, и даже иногда хуже, чем уровень жизни русских крепостных.

Если прошлое русских усадеб имеет что-то общее с прошлым усадеб Европы и Америки, то их будущее, может быть, тоже совпадет. В России всегда был свой путь развития, и Россия должна строить свои собственные планы на будущее. Что край, то обычай. Но в данном случае опыт других стран, мне кажется, может быть полезным. За последние полвека два фактора стимулировали всемирную попытку сохранить провинциальные усадьбы как важные составные элементы культуры быта. Первый фактор — это прелесть усадебной жизни — идеальный образ еще с классических времен, который и сегодня сохраняет свою красоту. В России деревенские усадьбы не только были мощным символом красивой жизни, они оказали огромное влияние на развитие русской культуры. Вследствие этого культурного вклада те русские усадьбы, которые так или иначе пережили все ужасы двадцатого века, особенно важны сегодня как живое наследие минувших дней. Мы все вдохновляемся поэзией Грибоедова или Пушкина, когда читаем «Горе от ума» или «Евгения Онегина». Но ступать там, где эти поэты ходили, глядеть на те виды, которые их воодушевляли, входить в те комнаты, где они писали — все это дает нам более непосредственное, более глубокое понимание мировоззрения этих писателей и их времени.

Другой фактор-стимул в нашей работе по охране старых усадеб — это прямой прагматизм. Культурный туризм сегодня — это один из самых крупных бизнесов в мире. Везде есть города, деревни и люди, которые процветают экономически, потому что они поддерживают и сохраняют прошлое. Вот вам пример. Маунт-Вернон, усадьба Джорджа Вашингтона, или Монтичелло Томаса Джефферсона — обе эти усадьбы раньше

были запущены. А сейчас они — самостоятельные предприятия, одни из самых популярных туристических мест в Вирджинии. В Англии ровно шестьдесят лет тому назад был составлен национальный план спасения запущенных усадеб, владельцы которых были не в силах их содержать. Осуществление этого плана потребовало многих десятилетий, но сегодня прежде обреченные усадьбы в Великобритании вкладывают нужные деньги, чтобы остаться в живых. Они предлагают не только знакомство с имением, но и возможность пожить там в красивых комнатах для гостей. Они устраивают вкусные и торжественные обеды и предоставляют много развлечений для туристов, которые хотят приблизиться на несколько дней к этому почти исчезнувшему образу жизни. В таких странах, как Испания или Португалия, государство предприняло инициативу, превращая запущенные исторические здания в туристические предприятия, которые приносят прибыль государству.

Как это случилось? В большинстве случаев это было бы невозможно без решительных инициатив передовых, перспективно мыслящих государственных деятелей. В Англии были внесены коррективы в законы о налогах, чтобы создать стимулы для реставрации и эксплуатации старинных запущенных имений. В то же время осуществлялся строгий контроль за сохранением их исторической целостности и за тем, чтобы они остались народным достоянием. В Соединенных Штатах благотворительные пожертвования в пользу ремонта исторических зданий не подлежат обложению налогами, и прибыли, которые использованы для содержания исторических имений, тоже освобождаются от налогов (например, нет налогов на продажу вещей в лавках Маунт-Вернона и Монтичелло, поскольку большая часть доходов от продажи идет на содержание этих имений).

Надо привлекать местных жителей к участию в судьбе этих старинных имений. В этом важную роль может сыграть пресса. Кампания в печати нужна, чтобы люди поняли, что возрождение старинного имения означает не возврат к времени угнетения, но наоборот, это даст работу и новые возможности для них и их соседей. Состоятельные местные жители должны помогать и стать благодетелями этих имений. Наконец, надо найти различные способы громко рекламировать эти вновь восстановленные усадьбы на всех возможных уровнях — местном, национальном и международном, чтобы они привлекали внимание посетителей. В восемнадцатом веке в имении Федора Глинки пекли пряники для продажи в Санкт-Петербурге. И сегодня местные продукты могут рекламировать удаленную усадьбу в столице. Несомненно, высококачественный мёд из Хмелиты мог бы быть хорошей рекламой этого имения в Москве, особенно если бы он был красиво упакован в банку с портретом Грибоедова и рисунком этого дома на наклейке.

Я воспринимаю деятельность, предпринимаемую в других странах по охране культурного и природного наследия, как пример для Смоленска и других областей России. Николай Волков-Муромцев мне рассказывал, что в его время Смоленская губерния считалась садовой губернией России. Я высоко ценю Смоленск и убеждена, что эти старые имения, немые свидетели его великой истории, могут стать центрами возрождения традиционной культуры, своеобразными цветущими садами в двадцать первом веке. Такое будущее может теперь казаться более отдаленным, чем до семнадцатого августа этого года. Но все-таки настало время двигаться вперед. Например, важным первым шагом была бы подготовка списка тех имений, которые можно спасти. В этом районе есть Высокое Шереметевых, Васильевское

Граббе и Алексино Барышниковых. Можно добавить Дугино Мещерских. Каждый район России должен иметь свой план развития, который включал бы список исторических имений как часть инфраструктуры для культурного туризма. Даже если в этот момент неясно, когда будет возможно претворить такой план в жизнь, то лучше все-таки иметь его сегодня, чтобы быть готовыми, когда представится удобный случай.

Когда меня спрашивают, что я думаю о будущем России, я обычно отвечаю, что я профессиональная оптимистка. В самом деле, я настоящий оптимист! Россия так много испытала, так много пережила перемен, что просто не возможно не верить в будущее этой страны. И здесь совершенно не нужно вам говорить, что я абсолютно уверена в будущем Хмелиты, потому что эта усадьба — в талантливых руках Виктора Евгеньевича.

С тех пор, как я побывала здесь впервые, моя мечта о Хмелите не изменилась. Мне кажется, что Хмелита могла бы стать русским Вильямсбургом. Это — уникальное окно в прошлое грибоедовского времени. Мне снится чудный сон. Я вижу прекрасный день в двадцать первом веке. Юноша, будущий поэт, влюбленный в стихи Грибоедова, пришел в Хмелиту. Он идет через этот великолепный дом, а потом через конный и скотный двор, оранжерею и разные мастерские и всюду видит людей, которые работают, как работали во времена его героя. Потом он бежит через парк, плавает на лодке по пруду, играет в старомодные игры с другими молодыми людьми. В конце посещения Хмелиты он входит в лавку, где покупает прекрасно изданную биографию Грибоедова и банку хмелитского мёда. Но самый драгоценный сувенир этого чудесного дня — это точная копия того пера и чернильницы, которые он видел на письменном столе Грибоедова. Я уверена, что такие юноши

будут в России двадцать первого века. Они заслуживают того, чтобы Хмелита моих снов сбылась.

В заключение мне хотелось бы еще раз поблагодарить всех присутствующих за внимание и особенно Виктора Евгеньевича за большую проделанную работу, пожелать всем успеха в новом году, а также личного счастья и хорошего здоровья.

М. В. НАШОКИНА

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ УСАДЬБЫ
НА ПОРОГЕ XXI в.

Новые аспекты

изучения культуры русской усадьбы

На первый взгляд кажется, что тема усадьбы извещена и изучена простейшими переменами календарной даты. Однако, эта тема имеет огромный потенциал, но все же в последние десятилетия архаичная традиция невольно заставляет подходить к ней с идеологичностью, а не с объективностью, наметить определенную научную перспективу. К пониманию итогов расползается и тот факт, что усадьбы XX в. она и истории культуры России, по сути, являются важным источником усадеб и, таким образом, увеличивает значимость этой категории.

Если попытаться выделить конкретную область в историографии русской усадьбы, то следует сказать, что самым ранним усадебным описанием XVI-XVII вв. являются тексты иностранной путешественницы, описавшей в дневнике ее поездки в Россию в некоторых случаях, описавшей более или менее, и достаточно полно, эти здания их отделив от остальных построек и включив в свой дневник. Наступание Нового времени не привнесло усадьбы в подобный описательный жанр, который в дальнейшем из истории искусств отечественных бытисловесов. И тем не менее отсутствовало какое-либо обобщение или попытка систематизации (стильские определения, имена родов и т.д.) в отношении

М. В. НАЩОКИНА

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ УСАДЬБЫ НА ПОРОГЕ XXI века

На первый взгляд заявленная тема носит сугубо академический, даже схоластический характер. Ну что, право, меняется от простой перемены календарной даты? Однако, эта, пусть умозрительная, но все же всеми нами ощутимая временная граница, невольно заставляет подвести итоги сделанному, а они, в свою очередь, наметить определенную научную перспективу. К подведению итогов располагает и тот факт, что уходящий XX век был в истории культуры России, по сути, первым веком изучения усадеб и, таким образом, заканчивает значительный этап такового.

Если попытаться наметить краткую эволюцию в историографии русской усадьбы, то следует сказать, что самые ранние усадебные описания XVI-XVII вв. оставили нам иностранные путешественники, обратившие внимание на царские и, в некоторых случаях, богатые боярские имения, и добросовестно отметившие их отличия от остальной застройки и имевшиеся диковины. Наступление Нового времени многократно умножило число подобных описательных текстов, обильно пополнив их характеристиками отечественных бытописателей. В них также отсутствовало какое-либо обобщение или полнота характеристики (стилевые определения, имена зодчих и т.д.) и содержалось

лишь более или менее точное отражение виденного. Особенно много словесных усадебных «портретов» появилось к концу XVIII в., впрочем, относительно однотипных — «знатный дом», иногда «с бельведером», «плодоносный и увеселительный сад с теплицами, оранжереей, увеселительными домиками», а также «аглинский сад, с каналами, прудом, гротами и беседками».¹ Хотя перечисленные усадебные составляющие варьировались от случая к случаю, природная, образная или архитектурная индивидуальность каждой усадьбы за этими текстами чаще всего не вставала. Легкая, «скользящая» описательность присуща и большинству усадебных «портретов» первой половины XIX в., и в «Рассказах бабушки» Янковой, и в «Записках» Ф. Вигеля. Как привычный организующий элемент жизни и быта усадьбы еще не вызвали исследовательского, аналитического интереса, лишь изредка обращая на себя внимание благодаря пышным празднествам с участием императорской семьи или отдельным находившимся в них раритетам.

Судьбу изучения русской усадьбы, как, собственно, и саму ее судьбу резко изменила Великая реформа 1861 г. Первым широкомасштабным каталогом российских усадеб, фактически, стали Приложения к трудам редакционных комиссий по выходу крестьян из крепостной зависимости (СПб., 1860), в которых впервые были добросовестно перечислены все владельческие имения страны накануне эпохи перемен. Реформа, как известно, лишила большинство усадеб экономической и социальной базы; без поддерживавшей их даровой рабочей силы они уже не могли существовать в прежнем качестве. Прежде всего это касалось огромного числа средних и небольших имений, владельцы которых не имели достаточных средств для ведения хозяйства с помощью наемных рабочих. Многие сотни усадеб опустели,

строения их постепенно рушились, сады и парки дичали... Картина запустения, утраты целого пласта русской культуры стала особенно определенной к началу XX в. Как часто бывает в нашей жизни, она и породила первых любителей и подлинных исследователей усадеб.

Попытаемся определить, как понимали русскую усадьбу в начале XX в. Вопрос этот не праздный, между взглядами начала и конца века, несмотря на наше горячее желание в последнее время к ним приблизиться, пролегла дистанция огромного размера. Следует сказать, что интерес к усадьбам в начале столетия был тесно связан с возрождением внимания к искусству русского классицизма в целом, во многом обязанного своим возникновением объединению и журналу «Мир искусства». Первой яркой декларацией нового историко-художественного приоритета стала публикация в 1902 г. статьи А.Н. Бенуа «Живописный Петербург», сопровождаемой литографиями О. Браза и Е. Лансере, а также дивными гравюрами А. Остроумовой. Уже в следующем году появились первые архитектурные проекты в стиле неоклассицизм, причем объектом стилизации на них предстала как раз русская классическая усадьба. В 1904 г. в печати появилась статья И.А. Фомина «Московский классицизм», впервые собравшая и охарактеризовавшая архитектурное наследие Москвы конца XVIII — начала XIX в. Ясно, что усадебные комплексы заняли в ней большое место.

Особым почитанием оказался окружен русский ампи́р и его создатели. Иван Фомин писал: «Еmpire нашел у нас в России «подходящую почву». Empire стал «русским», «московским». Когда мы говорим «старинный русский барский дом» — мы говорим об Empire. С тех пор, как мы, пройдя школу Петра Великого, стали европейцами, нам сделался несколько чуждым

наш русский стиль, и мы, отставши от него, стали постепенно привыкать к ряду сменявших друг друга западных стилей, но ни один не ответил так складу русской природы и характеру тогдашних бар, как стиль Empire — простой, спокойный и величавый, лишенный вычурности и кривлянья».²

Апология классицизма и ампира свидетельствовала о многом. В находившейся на культурном и экономическом подъеме стране чувствовалась необходимость расстановки каких-то новых историко-мировоззренческих ориентиров в собственном прошлом. И вот после довольно долгого периода «усталости» от классицизма в России, отрицания его эстетических принципов, отечественное архитектурное наследие того времени впервые было осмыслено как порождение национального чувства формы, пространства, декора.³ Именно в русле этого понимания формировался и интерес к русской усадьбе. Одним из самых ярких и последовательных приверженцев усадебной темы стал в 1900-х гг. барон Н.Н. Врангель, надолго предопределивший ее изучение. Его сочинения, и прежде всего, «Помещичья Россия», опубликованная в 1910 г., позволяют представить себе, как воспринимали усадьбу он и его современники.

Едва ли не первым среди отечественных историков искусства Врангель наметил временные границы существования усадьбы в русской культуре — «от Петра Великого и до Царя-Освободителя, полтора века особой жизни, культуры...»,⁴ таким образом, сразу поместив ее в достаточно отдаленное прошлое. В самом деле, буквально во всех его работах русская усадьба предстает как давно исчезнувший элемент русской жизни: «И как безумно, до слез жаль этой старой, милой, дорогой и ласковой поэзии помещичьего быта, этих мечтательных времен, как жаль развалившегося, сгнившего ларинского дома и тех

признаков близкой старины, что улетели от нас...».⁵ Чувство утраты чего-то близкого, своего, еще не позволяло дать исчезающему искусству объективную оценку, как доверительно сообщал своим читателям автор: «Трудно порой разобраться в том, что подлинно красивого, вечного в этом ушедшем быте, что только хорошо, потому что безвозвратно ушло».⁶

Врангель, как и многие другие его коллеги, был увлечен желанием соотнести художественную ценность русского усадебного искусства с, одновременным ему, западноевропейским. Это было веяние времени, быстро культурно и экономически развивавшаяся империя должна была занять достойное место не только в европейской истории, но и в искусстве, тогда еще в России практически не изученном. Вот почему первых исследователей усадеб увлекали не столько поиски самобытности русской усадьбы, сколько ее вневременной, очевидной и всемирно признанной ценности. Явление еще не было определено даже в первом приближении, чему отчасти мешало то, что сами исследователи были детьми еще неиссякающей русской усадебной жизни, зная ее не понаслышке (к слову сказать, первое историко-культурное определение усадьбы дал Ю. Шамурин в своих «Подмосковных», вышедших в 1912 г.), а его отдельным составляющим уже пытались найти параллели в искусстве Западной Европы, причем по возможности равноценные. Что, собственно, могли принести такие, в общем-то, поверхностные поиски, кроме разочарования — взгляд на русскую усадьбу как на собрание разрозненных раритетов, во-первых, резко ограничивал число удостоенных внимания имений, а, во-вторых, заведомо, в силу полной неизученности отечественного искусства и его неважной сохранности, приводил к выводам не в его пользу. Несмотря на отмеченные Врангелем взлеты русской усадебной

культуры, в его глазах, в целом, она выглядела средне, хотя и выгоднее, в сравнении с современностью: «...ясно видишь, как высока была культура екатерининского века и как страшно низко пали мы с тех пор. В старой России были моменты, в которые русские люди сумели при помощи своих и чужих рук создать искусство, почти равное западному. Правда, этого нельзя сказать про общий уровень помещичьей России...».⁷

Нетрудно заметить, что тонкие, пионерские для своего времени, сочинения Врангеля заложили основы отношения к искусству русской усадьбы не только до-, но и послереволюционного периода. Советскую историографию вполне устроила трактовка русской усадьбы как ограниченного числа памятников высокого, национального по форме и содержанию искусства, созданного трудом крепостных и исчезнувшего задолго до 1917 г. В рамках этой концепции по истории и архитектуре русской усадьбы было создано несколько серьезных книг, последней из которых стало великолепное издание «...в окрестностях Москвы» В.С. Турчина и других (М., 1979).

Если концептуально в изучении русской усадьбы в 1930 — 1970-е годы почти ничего нового сделано не было, содержательные открытия налицо. Именно в советский период усадьба была осмыслена как *архитектурный ансамбль* и в этом качестве попала во все истории русского искусства и архитектуры. Устоявшийся ряд шедевров усадебного искусства — Петергоф, Павловск, Останкино, Кусково, Архангельское, — убедительно обнаруживал чарующую сложность и многогранность, связь с природной средой, умение создавать садово-парковые композиции. Синтез искусств, по справедливости, стал в этот период едва ли не главной характеристикой русской усадебной культуры.

Важной стороной советских исследований стало последовательное утверждение самобытности усадебного искусства. Некоторый перегиб в акцентировании творчества крепостных, выразившийся и в работах, и в музейных экспозициях (например, в Останкине), в общем-то, вполне извинителен, поскольку позволил все же осветить тему, коренную для русской усадебной культуры и до того просто не исследованную. Постепенно расширялись сведения и о владельцах имений. Две темы-отдушины позволяли даже в годы сталинизма заниматься изучением истории русского дворянства — это Пушкин и декабристы. Вряд ли стоит говорить, сколь много было сделано советскими историками литературы и искусства в этих направлениях.

Ограниченность усадебного изучения, вызванная идеологическими причинами, в 1970-е гг. стала отходить на второй план. Расширявшаяся реставрационная деятельность, распространившаяся тогда на многие усадьбы, вовлекала в научный оборот все новые и новые памятники, имена владельцев и зодчих. Накапливался материал, наглядно показывавший богатство вариаций садово-парковых ансамблей усадеб. Развернувшаяся работа по созданию охранных зон и зон регулирования застройки вокруг усадебных комплексов впервые заставила говорить об окружающем усадьбу ландшафте как неотъемлемой части ее ансамбля.

Постепенно стали сдвигаться и временные рамки существования усадебного искусства, становилось ясно, что феномен русской усадьбы оставался жизнеспособным и после реформы 1861 г. В конце 1970-х гг. советские исследователи впервые обратились к изучению памятников (еще единичных) усадебного искусства конца XIX — начала XX в. Этому способствовал общий интерес к русскому искусству периода капитализма, о котором в конце 1970-х — начале 1980-х гг. появилось несколь-

ко значительных обобщающих трудов Е.И. Кириченко, Е.А. Борисовой, Т.П. Каждан, В.В. Кириллова и других. И хотя в известный каталог «Памятники архитектуры Московской области» (М., 1975) усадебные комплексы и строения этого времени так и не вошли, все же круг исследованных памятников неуклонно расширялся.

Это расширение, само по себе закономерное и объективно отражавшее реалии русской культуры, таило мировоззренческий переворот — усадьба явно перерастала отведенные ей границы локального явления феодальной культуры, незаметно превращаясь в один из самых существенных и неотъемлемых элементов жизни и быта не только «от Петра до Царя-Освободителя», но на протяжении всей русской истории. Симптоматично появление в 1980-е гг. работ, как бы скреплявших разорванные нити отечественной культуры, выявлявших связь усадьбы с другими формами загородного жилья — дачей, загородным домом или виллой. Здесь, прежде всего, следует назвать известные работы Г.Ю. Стернина.

Начало перестройки, отбросив многие идеологические препоны и неизмеримо расширив исследовательские горизонты введением огромного документального и литературного пласта русского зарубежья, вдохнуло в изучение русских усадеб новую жизнь. Последнее десятилетие века, без преувеличения, выдвинуло усадьбу в ряд важнейших исторических, искусствоведческих, литературоведческих и культуроведческих изысканий. Симптоматично, что у истоков этих перемен оказалось воссозданное в 1992 г. (во многом благодаря энергии Л.В. Ивановой и Д.С. Лихачёва) Общество изучения русской усадьбы. Пять научных сборников Общества, изданных с 1994 по 1999 г., и научно-популярное издание «Мир русской усадьбы» (М., 1995),

подготовленное совместно с Институтом российской истории РАН, объединив и отчасти направив разрозненные усилия многих столичных и провинциальных ученых, наглядно отразили динамику усадебных исследований этих лет, становящихся все более тематически широкими и глубокими.

В работах последнего десятилетия можно выделить несколько приоритетных, ранее мало изученных, направлений.

Прежде всего, заметим, что русскую усадьбу теперь, как правило, рассматривают в иных временных параметрах, безусловно, более естественных и исторически правомерных — с периода Средневековья до начала XX в. Так написаны очерки в уже упомянутой книге «Мир русской усадьбы», так построены книги «Архитектура русской усадьбы» (Под ред. Н.Ф. Гуляницкого; М., 1998) и «Дворянские гнезда России. История культуры, архитектура.» (Под ред. М.В. Нащокиной; М., 2000).

Закономерное и все более пристальное внимание привлекает поздняя усадьба, то есть русская усадьба периода капитализма — ей посвящены многие материалы сборников ОИРУ и недавняя монография Т.П. Каждан «Художественный мир русской усадьбы» (М., 1997).

Усадьба теперь все реже рассматривается сугубо как архитектурный ансамбль, и все чаще как мир (неслучайны одноименные названия трех (!) книг 1990-х гг.), микрокосм, полноценная в духовном, хозяйственном, культурном и экономическом отношении частица государства, наделенная почти всеми его чертами.

Заметное место в исследованиях заняла тема просвещенного заказчика, о котором впервые заговорили не только как о владельце, но как о полноправном, а иногда и заглавном создателе усадебного ансамбля. Во многих работах была раскрыта их

значительная роль в создании усадебных коллекций (работы А.И. Фролова), библиотечных собраний.

Приобрела, наконец, необходимый масштаб и внимание исследователей проблема западноевропейских связей и влияний (например, палладианства), участия в создании русских усадеб многих западноевропейских архитекторов, живописцев, декораторов, мебельщиков, резчиков и т.д. В новом ключе, в этой связи, видится сравнительный анализ русских и западноевропейских усадеб (работы М.Б. Михайловой).

Существенно расширились исследовательские горизонты и у историков. Социальная сторона жизни усадеб, их хозяйственный комплекс, принципы ведения хозяйства, законодательное обеспечение усадебной жизни, благотворительность — все эти и многие другие вопросы вошли в капитальный труд по истории русской усадьбы, подготовленный Институтом российской истории РАН (находится в печати).

Чрезвычайно важным аспектом изучения русских усадеб стали исследования их как части культурного ландшафта России. Этому посвящены работы нынешнего председателя ОИРУ Ю.А. Веденина. Перспективность этой совершенно новой темы в изучении усадеб очевидна. В связи с ней находится проблема широкого исследования русского садово-паркового искусства. От многих усадеб сейчас сохранились только остатки парков, причем, как правило, не описанные даже в документах Свода памятников (или описанные совершенно схематично). В этом направлении предстоит еще долго накапливать фактологический материал, чтобы выйти на новый уровень обобщения.

Симптоматично, что усадебная тематика в последние годы уверенно вошла во многие культурологические и литературоведческие труды. Пример — книга В. Цукина «Миф дворянского

гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе». (Краков, 1997). Эта тема стала традиционной на исторических, культурологических, искусствоведческих и литературоведческих конференциях, чему, кстати, способствует наличие немалого числа усадебных музеев-заповедников, организованных в советский период.

Все перечисленные здесь направления изучения русской усадьбы, обозначившиеся особенно определенно в последнее десятилетие, конечно, останутся приоритетными и в новом веке. Однако, они, безусловно, ее не исчерпают. Понятие русской усадьбы в наши дни многократно расширилось и углубилось. Усадьба теперь не только воображаемое вместилище давно растерянных и утраченных раритетов, библиотек, и коллекций, не только архитектурный ансамбль, также, по большей части, уже виртуальный, не только часть утраченной нами высокой садово-парковой культуры, искусства, литературы, она неотъемлемый элемент рукотворного ландшафта России, квинтэссенция ее быта, отражение национальной психологии и даже нашей сегодняшней духовной жизни. Эти темы в усадебной литературе еще почти не раскрыты, но интерес к ним не угаснет — слишком связаны они с нашим национальным самоопределением в мире и культуре.

Сегодня, как и сто лет назад, мы можем повторить вслед за Врангелем: «Страшно, когда рушится веками созданная культура, когда чувствуется разложение родовых основ».⁸ Известный историк искусства, находясь под обаянием художественной завершенности русской усадьбы, уже в начале XX в. сетовал на утрату целостности их художественного мира. Мы же априори имели и имеем дело со случайными остатками усадебной культуры, ее восприятие нами заведомо мозаично. Почти век мы

прожили на фоне усадебных руин, они вошли в наше сознание и нашу современную жизнь уже в этом качестве. К концу XX в. мы вновь находимся на усадебном пепелище, остатки великой национальной культуры, теперь уже действительно последние, исчезают на наших глазах. Это осложняет изучение, но это и само по себе может стать предметом исследования как показатель нашего отношения к красоте и собственной истории.

Князь Сергей Щербатов писал в своих воспоминаниях: «Сроки жизни и гибели, как и само время, относительны, и весь мир полон жалкими остатками бывшей красоты, ожидавшей своего смертного часа. Страшно не это, как ни тяжелы минуты горечи, страшно другое, — что все более иссякают источники, могущие порождать красоту и искусство на развалинах прошлого. Исчезает чувство важной ответственности пред красотой и сознание вины пред уродством, как некоем преступлении пред тем, что веками почиталось за серьезное, ответственное и святое дело. Отмирает пиетет к художественному созданию и любовь, в него вкладываемая...»⁹ Эти слова очень точно выражают взаимоотношения XX века с русской усадьбой. Уродливые остовы, растаскиваемые на щебень и бревна строения, застраиваемые парки, спущенные пруды — все это корнем своим имеет не только преступное равнодушие, но и поразительную глухоту к красоте природы и искусства.

Конечно, сейчас, как и в 1910-е и 1920-е годы, перед нами стоит задача успеть зафиксировать, понять и оценить то, что чудом дошло до нас — это одна из прикладных задач деятельности ОИРУ. Но у усадебных исследований есть и более общие цели — показать мощь и духовное значение усадебной культуры в истории России как коренной части отечественной культуры в целом. Показать, как можно более наглядно, для того, чтобы

затеплить, пусть в немногих душах, стремление к созиданию и красоте, которое так ярко и полно проявилось в наших усадьбах.

В заключение вновь хочется вспомнить слова Н.Н. Врангеля: «И опять длинной вереницей вспоминались из старых книг описания прежних людей, прежней России. Так же как прежде, бежали вдаль дороги и реки, так же шумели леса и на небе смеялось солнце, и мечтала луна, и дрожали звезды — все то же, что было столетия. В нерушимой своей красоте осталась природа великая и вечная; и если сгорели деревья Троицкого (усадьбы княгини Е.Р. Дашковой — М.Н.), то вырастут новые и еще лучше. Но, Бог весть, создастся ли на старых пепелищах новая, радостная и красивая жизнь...»¹⁰ Хочется верить, что продолжение широких исследований усадебной темы, хотя бы отчасти, послужит импульсом к преображению Отечества по законам добра и красоты.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Георги И.И.* Описание столичного города Санкт-Петербурга. Ч.3. СПб., 1794. С.714-716.

² *Фомин И.* Московский классицизм // Мир искусства, 1904, № 7, с.188.

³ *Нащокина М.* Неоклассические особняки Москвы начала XX века // Судьбы неоклассицизма в XX веке. М., 1997. С.67.

⁴ *Врангель Н.Н.* Помещицья Россия // Н.Н. Врангель. Старые усадьбы. СПб., 1999. С.26.

⁵ Там же. С.147-148.

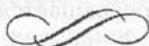
⁶ Там же. С.53-54.

⁷ Там же. С.92.

⁸ Там же. С. 133.

⁹ *Щербатов С.* Художник в ушедшей России. М., 2000. С.385.

¹⁰ *Врангель Н.Н.* Указ. соч. С.169.

Е. И. КИРИЧЕНКО

**О СЕМАНТИКЕ РУССКОЙ ЗАГОРОДНОЙ УСАДЬБЫ
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в. (Грузию А.А. Аракчсва)**

Никакая, даже самая тщательная и заботливая реставрация, а тем более — воссоздание не смогут восстановить всю бывшую некогда реальную полноту и богатство содержания усадебного комплекса, например, воссоздать наполнение парка (с его павильонами, гротами, памятниками, скульптурами) и усадебного дома с бывшими там портретами и мебелью. Все эти второстепенные как-будто «мелочи» гибнут во время социальных потрясений, которыми так богата отечественная история. Исчезают они и при смене поколений, владельцев, при изменении функции усадьбы и усадебного дома. Вместе с тем все они не в меньшей степени, чем архитектура главного здания, пространственная организация придомовой части и примыкающей к дому части парка, выражают общепринятые в определенное время в определенном социальном слое духовно-этические ценности и одновременно — личные устремления и взгляды владельца, которыми он руководствовался при обустройстве родового гнезда. Поэтому всякое дополнительное знание об эпохе и об одном из ее представителей, извлеченное из документов, воспоминаний современников, изобразительных материалов, превращается в драгоценное свидетельство культурно-исторического своеобразия прошедшего времени. Расширяя наши представления, они позволяют, если и не вос-

произвести материально, то хотя бы очертить мысленно элементы, создававшие в совокупности чарующий нас сейчас аромат усадебной культуры. Безвозвратно ушедшего не вернуть. Однако возвращенное из небытия знание, ценное само по себе, как научный факт, расширяя объем сведений об усадьбе и ее владельце, обогащают общую картину усадебной жизни типическими и одновременно — неповторимыми в каждом отдельном случае особенностями.

В последние десятилетия в усадебоведении, как и в других областях, связанных с изучением истории архитектурно-градостроительных объектов, их охраной и реставрацией, наметился поворот. Суть его в переходе от объектного мышления к пространственному и во включении в орбиту исследования, охраны, реставрации и музеефикации не отдельных зданий, а пространственных комплексов, этими зданиями организуемых и составляющих с ними единое художественно-культурное и содержательное целое. Не случайно в научно-исследовательском Институте культурного и природного наследия его директором Ю.А. Ведениным введено в оборот понятие культурного и культурно-исторического ландшафта. Примером реализации его на практике служит хозяйственно и культурно освоенное музеефицированное пространство прославленных усадебно-мемориальных комплексов, связанных с именами, символизирующими величие русской культуры — А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова. Таковы музеи-заповедники Пушкинские Горы, Хмелита, Ясная Поляна, Мелихово.

Для историков архитектуры такое понимание исследуемого объекта представляется особенно ценным. Архитектура — искусство пространственное и временное. Произведения ее обладают реальным объемом и реальным пространством и могут быть

восприняты во всем многообразии и красоте только в процессе восприятия во времени в организованном определенным образом пространстве — городском, усадебно-парковом, природно-ландшафтном, в пространстве интерьера.

Русская усадьба как социально-экономический и культурно-исторический феномен пережила на протяжении своей истории несколько качественно отличных друг от друга периодов. Пик расцвета дворянской усадьбы пришелся, как известно, на вторую половину XVIII — первую треть XIX столетия. В том, как организовано пространство вотчины крупного помещика, в особенностях архитектуры зданий и планировки парка, сочетании открытых и закрытых пространств, водоемов, составе и характере парковых затей, особенностях подбора и включения в парковую среду растений, в наполнении интерьеров барского дома и жизни вещей в пространстве комнат являет себя личность хозяина. Но, оставаясь глубоко индивидуальными, в буквальном смысле уникальными, те же особенности демонстрируют общие черты сословной культуры, обязательные для определенного круга лиц и определенного типа архитектурного творчества, каковой и представляет собой усадьба. Ими определяются характер и состав основных, обязательных для каждой усадьбы компонентов (в данном случае для русской усадьбы первой трети XIX столетия), использование принципов и приемов организации главной по меркам времени парадно-представительной части.

Все входившее в пределы усадьбы, в том числе и организованное по правилам архитектурного стиля определенного времени пространство — пространство частного человека. Этим оно отличалось от городского. В городе иерархии значимого и незначимого, художественно выразительного и выходящего за рамки искусства архитектуры соответствует деление на общественно

значимое пространство улиц, площадей, публичных парков и скверов и частное, внутреннее, находящееся за главными уличными фасадами домов дворовое пространство. Последнее, будучи владением богатого дворянина, также могло оформляться по правилам архитектуры. Однако на него не распространялись обязательные для общественно значимого городского пространства, имевшие характер закона жестко регламентируемые государством правила.

Но дворянин XVIII — первой трети XIX в. не только в городской, но и в загородной сельской усадьбе никогда не ощущал себя только частным или по преимуществу частным человеком. Корпоративная этика русского дворянина и его представления о долге и чести определялись этикой служения государству, Империи, созданной великим Петром. Государственный компонент, хотя и в разной степени и по-разному выраженный, неизменно присутствовал в архитектурно-пространственной организации каждой загородной усадьбы. Вместе с тем, обустривая усадьбу в соответствии со своими финансовыми возможностями, просвещенностью, воззрениями и идеалами, владелец ее предстает творцом идеального мира, материализующим свое представление о мире и о своем месте в этом мире в пространстве усадебного комплекса.

Таким образом, загородная и городская дворянская усадьба второй половины XVIII — первой трети XIX столетия представляли их владельцам различные возможности самовыражения. В городе владелец должен был подчиняться писаным, а отчасти и неписаным правилам расположения зданий на участке, на улице, стилевым особенностям, выдерживая предписанную властями обязательную для определенных районов высоту зданий, сооружая их из разрешенных в этом районе материалов (дерева или

камня), окрашивая дома в предписываемые Строительным уставом цвета. На селе он был свободен от такого рода ограничений.

В самом общем виде программа каждой усадьбы второй половины XVIII — первой трети XIX в. определялась тремя крупными содержательными комплексами. Во-первых, создаваемым там образом мира, определявшимся философскими, нравственными, гражданскими и социальными идеалами владельца.

Второй содержательный комплекс можно обозначить в терминах «столица и усадьба», «столица в усадьбе» или «столичность усадьбы». Сословная этика дворянства петровского (додекабристского) периода как главной опоры государства была тем категорическим моральным императивом, который заставлял воссоздавать в загородной усадьбе тип городского дома — символ и зримое выражение принадлежности к дворянскому сословию с его всепроникающей этикой государственной гражданственности. Городской облик загородного усадебного дома с колонным портиком под треугольным фронтоном восходит к столичным образцам. Ориентация на столичные богатые, в основном, московские усадьбы второй половины XVIII в. и на общественные здания второй половины — первой трети XIX столетия с открытым в сторону улицы парадным двором — еще одна всеобъемлющая особенность центральной части усадебного ансамбля, противостоящая своей регулярностью живописной планировке пейзажной части парка.

Городской характер и регулярная планировка придомовой части усадеб второй половины XVIII — первой трети XIX столетия, сложно связанные с выражением сословной принадлежности и гражданским кодексом дворянина, постепенно исчезают в 1830-1840-е гг., а в 1850-1900-е гг. полностью уходят из практики усадебного и дачного строительства. Новое отношение

к загородной усадьбе как феномену сугубо частному не замедлило сказаться на характере ее планировки и архитектуре главного дома. Во второй половине XIX столетия, безотносительно к сословной принадлежности усадьбы (дворянская, купеческая), получает распространение неизвестный ранее тип загородного дома: асимметричного в плане, с разновысокими и разновеликими объемами, живописным силуэтом, разительно непохожий на сохраняющие верность классическим принципам построения городских дома.

И, наконец, третий, неизменно присутствующий в каждой усадьбе второй половины XVIII — первой трети XIX столетия содержательный комплекс связан с выполнением ею мемориальной функции. Вернее, по сравнению с городской загородная усадьба предоставляла владельцу неизмеримо большие возможности придать ей мемориальный характер. В типичной для загородных усадеб этого времени развитости мемориального комплекса нельзя не увидеть одну из форм выражения самосознания или самоидентификации личности, осуществляемой путем соотнесения себя и сохранением памяти об определенных лицах, с которыми, так или иначе, был связан владелец, о событиях, в которых он так или иначе участвовал. В загородной усадьбе наряду с интерьерами дома мемориальную функцию принимали на себя церковь и парк.

Все три только что описанные содержательных комплекса с редкой полнотой представлены в одной из наиболее известных русских усадеб — в Грузино.

Расположенная в Новгородской области усадьба жестоко пострадала во время Великой Отечественной войны и как самостоятельный архитектурно-парковый организм больше не существует. Однако она заслуживает того, чтобы еще раз вернуться

к ее рассмотрению. И не только из-за ее высоких архитектурно-художественных достоинств. Но и потому, что на протяжении более трех десятилетий ею владел Алексей Андреевич Аракчеев — личность в истории Новой России во многом ставшая нарицательной и до последнего времени оценивавшаяся только отрицательно. Причиной тому наряду с его неприятными личными качествами явилось прямое участие Аракчеева в устройстве печально знаменитых военных поселений. Оно перевесило в глазах и современников, и историков его несомненные заслуги в осуществлении оказавшей решающее влияние на судьбу России и исход первой Отечественной войны 1812 г. реорганизации российской армии и, прежде всего, ее основной технической силы — артиллерии.

Возвышение Аракчеева началось с восшествием на трон Павла I. В 1796 г. вскоре после смерти Екатерины II едва пришедший к власти император пожаловал Аракчееву богатую Грузинскую вотчину с более чем 2000 крепостных душ. В 1799 г. он получил должность инспектора всей артиллерии. Тогда же ему был пожалован графский титул и девиз «без лести предан», собственноручно вписанный императором в герб новоявленного графа. Но подлинный взлет ожидал Аракчеева в царствование Александра I. Именно тогда он достиг вершины своего могущества и превратился во всесильного временщика. Свою карьеру при новом императоре Аракчеев начал в 1803 г. с прежней должности инспектора всей артиллерии. В 1807 г. ему был пожалован чин генерала от артиллерии с назначением состоять при императоре «по артиллерийской части» и издавать от его имени указы, касающиеся артиллерии. В январе 1808 г. последовало новое повышение: Аракчеев стал военным министром и генерал-инспектором всей пехоты и артиллерии.

В 1806-1810 гг., в период своего первого возвышения в царствование Александра I, на посту министра Аракчеев провел реформы в армии. Благодаря им российские войска оказались подготовленными к будущей войне с Францией — к Отечественной войне 1812 г. и заграничным походам.

Следующий период возвышения Аракчеева при Александре I пришелся на 1812-1825 гг. Во время войны с Наполеоном он оказался практически единственным советчиком и секретарем императора. Послевоенное десятилетие (1814-1825 гг.) стало в России временем всевластия Аракчеева и господства «аракчеевщины». И хотя Аракчеев во многом лишь исполнял волю императора, а его действия направлялись императорской рукой, нельзя упускать из виду и другого. Вдохновлявшие Александра I во второй половине его царствования идеалы «аракчеевщины» и их практическое осуществление, прежде всего мысль об устройстве военных поселений, были подсказаны императору порядками, введенными Аракчеевым в его Новгородской вотчине, главным образом, в усадьбе Грузино, где Александр побывал летом 1810 г.¹

Свою вотчину, в состав которой входили села Грузино и Оскуй и более трех десятков деревень, Аракчеев рассматривал как единое социальное, хозяйственное и архитектурно-градостроительное целое. Обустройство центральной усадьбы Грузино он начал в 1799 г. со строительства небольшого деревянного дома в парке. Одновременно со строительством первого жилого дома (вскоре после его сооружения началось сооружение большого каменного) Аракчеев приступил к широкомасштабным, грандиозным по размаху работам по переустройству сел и деревень, «египетским», как характеризует их дореволюционный исследователь феномена Аракчеева. «По приказу Аракчеева целые дерев-

ни были разобраны и снесены с места; в других местах строились новые селения по вкусу владельца и по правилам архитектуры, которую он создавал для своих крестьян».²

Правила архитектуры, которыми руководствовался Аракчеев, он почерпнул из практики своей работы. Одним из образцов предпринятых в усадьбе работ стало для Аракчеева возглавляемое им строительство казарменных городков гвардейских полков Преображенского и Измайловского в Петербурге, которое велось по проектам архитектора Ф.И. Демерцова. Композиционно-планировочная структура петербургских казарменных городков была полностью воссоздана в центральной части усадьбы Грузино.³

Другим образцом для подражания Аракчееву служили планы городов, разработанные в конце XVIII — начале XIX в. в ходе их тотальной перепланировки и перестройки на началах регулярности и ставшее там обязательным строительство жилых домов малосостоятельными застройщиками по образцовым проектам. В результате проведенных в Грузинской вотчине строительных работ принадлежавшие Аракчееву села и деревни приобрели облик, мало напоминавший обычные русские села, жилые дома его крепостных — крестьянские избы и типичную сельскую застройку. Они сооружались по созданным архитектором Демерцовым на манер городских домов типовым проектам в соответствии с нормами эстетики классицизма, позднее — по проектам Стасова. Городской характер носила и планировка домов, рассчитанная на заселение несколькими семьями.⁴

Подтверждением существоваания единой программы обустройства Грузинской вотчины служит и широко развернувшееся в вотчине дорожное строительство, превратившее ее пространство в единую хорошо организованную дорожно-транспортную сеть.

Все дороги были шоссированы, через реки и овраги были переброшены новые мосты, по сторонам дорог посажены деревья: березы и липы, превратившие их в великолепные аллеи⁴ — практика, известная и по другим вотчинам, в частности, вотчинам графа Э.Г. Чернышова, Воронцовых и других крупных вотчинников. Для обеспечения нужд усиленно ведшегося на протяжении более чем трех десятилетий широкомасштабного строительства были построены кирпичные заводы и лесопильни. Нужды вотчины обслуживали многочисленные мельницы.⁵

Однако усилия Аракчеева были направлены не только на обеспечение собственного благополучия. Строгой регламентацией жизни и быта крестьян, приказными и запретительными мерами он стремился создать в вотчине условия, которые бы благоприятствовали созданию равного для всех крепкого, полного довольствия крестьянского хозяйства, повышению нравственности и укреплению здоровья крестьян, укоренению в их быту гигиенических навыков и правил, позволявших воспитать физически крепкое и нравственно здоровое потомство. С этой целью Аракчеев приказал состоятельным невестам и женихам искать пару среди небогатых и наоборот. Он обязал также владельцев относительно больших земельных наделов иметь соответственное их величине число коров; разработал для крестьянок правила по кормлению и уходу за младенцами. Стремясь искоренить пьянство среди крестьян, Аракчеев закрыл в вотчине кабаки. Он требовал от взрослых знания молитв и проверял его, особенно при вступлении в брак. Заботясь о повышении их благочестия, Аракчеев наряду с гражданским строительством предпринял массовое строительство церквей и часовен в селах и деревнях вотчины.⁶

Внешний порядок, регулярная планировка и строгая регламентация застройки, выдержанная в формах классицизма и вос-

создававшая правила городской застройки, выражала средствами архитектуры социально-этический идеал регламентируемого свыше всеобщего благоденствия. «Кто видел тогда Грузино, тот мог увлечься мыслью, что на грузинских крестьянах оправдывается высокая, гуманная цель..., а именно чтобы не было там ни сирот бесприютных, ни старости беспомощной, ни дряхлости оставленной, ни разврата нравов без средств к исправлению».⁷ Александр I, посетивший Грузино летом 1810 г. и восхищенный увиденным, удостоил Аракчеева благодарственного рескрипта. Главным, однако, было другое. Устройство частного владения дало толчок появлению нового типа поселений — военных. Есть предположение, что именно Грузино подсказало Александру I идею их устройства в России.⁸

Восхищение императора воплощенным в Грузинской вотчине идеалом Аракчеева разделяли далеко не все. Дореволюционный исследователь военных поселений П.Г. Щебальский охарактеризовал их как огромные военно-рабочие коммуны, где «человек переставал принадлежать себе и становился вещью той коллективной единицы, которую Фурье называл фаланстерой, а Аракчеев военным поселением». Самого Аракчеева Щебальский отнес к первым в России «сановным коммунистам».⁹ Правомочность уподобления Грузинской вотчины фаланстерам Фурье и любым другим родственным поселениям, рожденным воображением творцов уравнительных утопий, представляется бесспорной. Можно лишь усомниться в справедливости причисления Аракчеева к числу первых благодетелей подобного рода в России. Во всяком случае опыту Аракчеева предшествовал проведенный в неизмеримо меньшем масштабе эксперимент просветителя, вольнодумца и масона Н.И. Новикова в его имении Авдотьино под Москвой, получивший совершенно

тождественные грузинским архитектурно-градостроительные формы выражения.

Второй содержательный комплекс реализованной в Грузине программы — столичность центральной части усадьбы — задан ее структурой и планировкой с широкими аллеями-проспектами, многочисленными площадями, повторявшими стрелку Васильевского острова в Петербурге приемами организации Пристанционной и Въездной площадей. Столичностью пространственной структуры Грузино обязано Демерцову, а В.П. Стасову, который сменил его на посту архитектора, — столичностью, величием и монументальностью перестроенных и вновь возведенных сооружений.

Образ столицы в усадьбе Аракчеева поддерживался и совершенно городской, более того, столичной застройкой гранитной (по подобию петербургских) набережной, тянувшейся по обе стороны Въездной площади вдоль Волхова. Возведенные по ее красной линии здания создавали образ столицы в усадьбе. Грузино — это Петербург и Россия Аракчеева. На петербургских реминисценциях основывалась ее основная общественно-представительная часть. Грузино — усадебный сколок центра северной столицы, «город у моря», выход к морю, «окно в Европу», воссозданный в микромире расположенной неподалеку от Петербурга усадьбы.

Судя по всему обновление облика усадьбы, совпавшее с резким возвышением Аракчеева в 1812-1815 гг. и отразившее пафос победы над Наполеоновской Францией, было задумано до начала войны, в 1811 г. Только этим можно объяснить уникальное в России повышение статуса находившейся в загородном частном имении церкви: «соизволением Государя (она была — Е.К.) утверждена собором».¹⁰ Превращение усадебной церкви в

собор резко повысило наряду с религиозным и его мемориальное значение.

Мемориальность, пронизывающая центральное пространство Грузино, — родовой, неотъемлемый признак усадебного ансамбля XVIII — первой трети XIX в. Как и во всех других усадьбах, она носила двоякий характер или, лучше сказать, имела два уровня. Первый, более высокий, увековечивал память о великих людях или событиях общегосударственного значения, с которыми судьба или свела владельца имения, или сохранение памяти о которых выражало нравственные идеалы и общественные ориентиры владельца; нередко то и другое совпадало. Второй, более низкий, уровень связан с увековечением событий и лиц, значимых лишь для истории самой усадьбы, жизни владельца и его семьи, дорогих и близких ему людей и даже животных.

Уникальность усадьбы Грузино во многом обусловлена разделением ее мемориальностью, условно говоря, первого рода. Общая для усадеб второй половины XVIII — первой трети XIX столетия тема увековечения монархов, установка памятников в честь посещений ими усадьбы или дарованных ими благодеяний, получила в имении Аракчеева гипертрофированное развитие, несопоставимое ни с одной другой из известных в России усадеб. Парадное пространство центральной части Грузино с собором, колокольней, площадью перед домом, самим домом, парком превратилось в памятник трем императорам — Петру I, даровавшему Грузинскую вотчину своему любимцу А.Д. Меншикову, Павлу I и особенно Александру I. В эти главные мемориальные темы вплетаются другие общественно значимые — память о легендарном посещении Новгородских земель апостолом Андреем Первозванным, о первом владельце

усадьбы Меншикове, об учителе, первом покровителе Аракчеева и его предшественнике на посту инспектора всей артиллерии П.И. Мелиссино.

Главный придел собора в Грузино был освящен во имя Андрея Первозванного. В этом посвящении память об отце и великом для истории христианской России событии соединилась с увековечением достигшей апогея своего могущества Российской империи после победы над Наполеоном. Апостол Андрей мыслится в петровской России двойником апостола Петра — небесного покровителя императора Петра I. Перестроенный по проекту Стасова собор приобрел знаменательное сходство с двумя из трех главных петербургских соборов (Исаакиевским и Казанским), строительство которых ассоциировалось с именами трех увековеченных в Грузино императоров — Петра I, Павла I и Александра I, а также с собором святого Павла в Лондоне.

Увековечение памяти о трех императорах превратило собор в Грузино в подлинный храм-памятник. В нем были помещены живописные портреты и бюсты императоров, бронзовые надписи с цитатами из обращенных к Аракчееву рескриптов, памятник императору Павлу работы И.П. Мартоса в Петропавловском приделе собора и памятник офицерам полка имени Аракчеева, павшим в войне с Наполеоном, в Алексеевском приделе, соименном небесному покровителю самого Аракчеева. На Соборной площади был установлен обращенный к главному каменному дому многофигурный памятник Александру I работы С.И. Гальберга; бюсты, мемориальные часы, особым образом оформленные витрины и мебель с памятными вещами сохраняли в барском доме память об императорах Павле и Александре I и членах императорской фамилии, с которыми довелось общаться Аракче-

еву. В парке были установлены бюсты императоров Петра I и Павла I и еще один памятник офицерам полка имени Аракчеева с перечнем всех павших в боях с французами.

Памятники личного свойства в усадьбе Грузино локализованы в основном в парке. В нем были установлены памятник родителям, памятник в честь посещения родительницей усадьбы, памятник-руина первому владельцу усадьбы Меншикову, памятник прожившему 145 лет крестьянину, памятник «высокой воде» — аналог зафиксированного уровня подъема воды в Петербурге во время наводнения 1824 г., «памятник верной службы Настасьи» в честь убитой крестьянами фаворитки и экономки Аракчеева, памятники любимым собакам — «верному Жучку», «милой Дианке».¹¹

Таков в самых общих чертах содержательный комплекс богатой русской усадьбы просвещенного дворянина, получивший в Грузино глубоко своеобразное и высокохудожественное выражение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ячменихин К.М. Российские консерваторы. М., 1997. С. 24, 33-39.

² Отто Н. Черты из жизни графа Аракчеева. III. Сельское хозяйство и порядки, введенные Аракчеевым в Грузинской вотчине // Древняя и Новая Россия. СПб., 1875. Т. 1. С. 377.

³ О творчестве Ф.И. Демерцова и, в частности, о его работе в Грузино см.: Глинка Н.В. Творчество Федора Ивановича Демерцова. 1762-1823 / Дисс... канд. искусств. Л., 1988.

⁴ Отто Н. Указ. соч. С. 377, 380.

⁵ Там же. С. 380.

⁶ Ячменихин К.М. Указ. соч. С.29-30; Атлас села Грузина графа Аракчеева 1806 г. Отдел рукописей Гос. национальной библиотеки в Петербурге. Ф.13. Д. 32. Л. 60, 70, 76-80.

⁷ Отто Н. Указ. соч. С. 390.

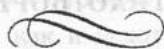
⁸ Ячменихин К.М. Указ. соч. С. 40, 41, 43.

⁹ Щебальский П.Г. Военные поселения и граф Аракчеев // Русский вестник. 1871. № 10. С. 495. Цит. по: Ячменихин К.М. Указ. соч. С. 43.

¹⁰ Бровцын А.П. Опровержение рассказа о кончине графа Аракчеева // Русский архив. М., 1869. № 6. С. 957; Ячменихин К.М. Указ. соч. С. 32.

¹¹ Врангель Н., Маковский С., Трубников А. Аракчеев и искусство // Старые годы. 1908. Июль — сентябрь. С. 461.

М. В. СТРОГАНОВ

УСАДЬБА БАКУНИНЫХ ПРЯМУХИНО: СТИХОТВОРНАЯ ЭКСКУРСИЯ

Усадьба Бакуниных Прямухино в Новоторжском уезде Тверской губернии (ныне — Кувшиновский район Тверской области) является одним из известнейших культурных гнезд дворянской России как по тому, что два поколения Бакуниных составили яркую страницу интеллектуальной жизни с конца XVIII — до конца XIX в., так и потому, что сама усадьба как садово-парковый и архитектурный комплекс является памятником деятельности Н.А. Львова. В настоящем сообщении мы будем исходить из того, что русская дворянская усадьба представляла собой некий замкнутый на себя комплекс натурального хозяйства, причем не только в сугубо экономическом отношении, но и в отношении культурном, поскольку усадьба должна компенсировать замкнутой помещичьей жизни все интеллектуальное богатство городской жизни при сохранении близости к природе.¹ Конечно, в такой семье, как Бакунины, где отец Александр Михайлович с молодых лет был дружен с Н.А. Львовым, Г.Р. Державиным и целым рядом других деятелей русской культуры, а вокруг старшего сына Михаила собирались «люди сороковых годов», в такой семье интеллектуальное самовоспроизводство было развито особым образом и превосходило экономическое, и

в этом смысле имело подлинно натуральный характер. Но именно на такой тип формирования культуры была сориентирована жизнь любой в принципе усадьбы. Поэтому дальнейший материал можно рассматривать и как типологический.

В настоящем сообщении мы остановимся на описательной поэме А.М. Бакунина «Осуга», созданной в 1820-1830-е гг., как на источнике по реконструкции Прямухина. Дело в том, что творчество Бакунина, как и некоторых других авторов начала XIX в., небезуспешно развивало линию описательной поэзии, заглохшей было в «высокой» литературе уже в конце XVIII в. и воспринимавшейся даже в переводческой деятельности А.Ф. Воейкова как анахронизм,² хотя следует помнить, что определенный опыт описательной поэзии был весьма продуктивно использован Пушкиным в поэмах «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан». Это обращение к описательной поэзии служило как раз одной из форм осуществления принципа «натуральности» в ведении интеллектуального хозяйства: мало того, что сама по себе усадьба функционировала как замкнутый, но вполне самодостаточный микромир, — ее описание манифестировало эту замкнутость и самодостаточность как предел желаемого.

Поэма «Осуга» не была закончена Бакуниным. Впрочем, он, видимо, и не стремился к абсолютной ее законченности. Поэма постоянно дополнялась и уточнялась, в нее вводились новые эпизоды. Целый ряд фрагментов существует только в виде набросков и не входит в текст основных пяти списков, которые далеко не соответствуют друг другу в своем составе. Две имеющиеся публикации поэмы имеют сводный характер³ и поэтому не отражают реального описания усадьбы самим ее владельцем и устроителем. В настоящем сообщении мы цитируем текст только одной редакции поэмы, которая, как и

остальные стихотворные сочинения Бакунина, хранится в Пушкинском Доме.⁴

Итак, после описания местоположения поместья относительно крупнейших городов (Осташков и Вышний Волочек) и рек (Мста, Тверца), после некоторых гидрологических и ботанических рассуждений Бакунин непосредственно приступает к описанию своей усадьбы:

Село Прямухино, и в нем
На скатистой холмов вершине
И в зеленом саду мой дом:
Довольно ветхий, с флигелями
И не большой...

Дом и хозяйственные постройки описаны только в этих кратких словах: они очевидным образом не занимают Бакунина, хотя упоминаемые здесь флигели, равно как и не названная ткацкая фабрика, были построены в конце 1790-х — начале 1800-х гг. по проекту Н.А. Львова.⁵ Другое дело — интерьер дома: он описан подробно и обстоятельно: столовая, гостиная, кабинеты хозяйки и хозяина. Но мы не будем сейчас останавливаться на этом материале. Далее Бакунин упоминает лишь одно хозяйственное сооружение, причем вскользь и походя, говоря, что весной

И в сад из комнаты гостиной
Откроется свободный ход,
И шум послышится с плотины
Осуги падающих вод.

На Осуге было две пильных мельницы, и одна из них находилась в самом Прямухине.⁶ Однако Бакунин не описывает технологический процесс: это его не интересует. Основное содержание поэмы и составляет описание сада, что очевидным

образом связано с его особым местом в культурном сознании эпохи. Мы посещаем с автором и его спутниками

Беседки, лавочки, качели,
И Николаев ручеек,
И те шесты, где птички пели,
И розовый любви венок,
И каждой области пределы,
И знаменитый тот острог,
Который бедной Филомелы
От западни спасти не мог.

Упоминание Николаева ручейка весьма важно, поскольку в садово-парковой культуре каждое место было связано воспоминанием с каким-либо лицом, близким владельцу усадьбы. В данном случае имеется в виду Н.А. Львов, которому в 1799 г. Бакунин посвятил стихотворение «Другу моему Николаю Александровичу»:

В близи ручья пустырь в печали
Лежал бесплотно пустырем:
Цветы его не отняли,
И белоус порос на нем, —
Доколь ручей струей живою
Его к добру не растворил;
Пустырь покрылся муравою
И первый цвет произрастил.
Как в сельской он расцвел свободе,
Таков к тебе и провожден;
Прими его: ты друг природе,
А он природою рожден.⁷

Посещая далее вместе с автором и владельцем достопримечательности парка, мы видим вновь памятные его сердцу места:

Посещая далее вместе в автором и владельцем достопримечательности парка, мы видим вновь памятные его сердцу места:

Часовню, рощи, косогор,
И холм, герою посвященный —
Вождю отечественных сил,
Которым в бегство обращенный
Добычу коршун уронил,
И Божий храм, где Сони милой
Земная быль схоронена —
Робкий ангел легкокрылый,
Молился Богу за меня!
Не тяготи, земля сырая,
Сестры, родителей моих —
Ты стала мне земля родная,
Соединяя с прахом их.

«Кутузовская горка» была насыпана в прямухинском парке в честь посещения поместья Бакунина М.И. Кутузовым;⁸ хорошо сохранилась до сих пор, как и еще одна насыпная горка в парке, условно называемая «горкой декабристов». Соня, младшая дочь Бакуниных, умерла в 1826 г. в возрасте двух лет. Семейные захоронения Бакуниных (далее упоминаются родители Александра Николаевича, его сестра) находились в склепе под церковью.

Здесь в тишине новой беседки
Хочу я, дети, отдохнуть,
Где сладко дышат фиолетки,
А птички весело поют.
И сердцу близки все предметы:
Ты этот садик создала,
Сама кусты садила эти
И душу здесь ему дала.

К настоящему времени беседка, конечно, не сохранилась, но ее местонахождение установлено на основании воспоминаний

местных жителей и по мемуарной литературе. Незнакомым адресатом этих строк является жена Бакунина Варвара Александровна, урожденная Муравьева. Мы видим здесь не просто уже память о том или ином месте, но и приуроченность этого места к его создателю.

Усадебный парк, как известно, был маленьким ботаническим садом, поэтому разнообразие древесных пород являлось обязательной его принадлежностью. Бакунин достаточно педантично описывает их:

В румяных осокорь сережках,
Озолотилась ветла
< . . . . . >
Изнемогая ветераном,
Под тополями — славный бот, -
Его же Имберг капитаном
За нами плавал на завод,
С него же, не просяся броду
И потеряв ума компас,
Бросались девицы в воду,
Со страху — утонуть боясь.
Душистый тополь осеняет
Лужайку. Чистая вода,
Журча, на камень упадает
Из-под ракичного куста.
И сей же ключик мне покорно
Прошу особо посвятить
И приходить к нему в день черный
Совета светлого просить.
И далее:
Ветвями ли срослись густыми,
Когда на кедры я смотрю,
Воображаю, что под ними
Я вижу Катеньку — сестру:

< . . . . . >

Прекрасный кедр — сын Сибири,
Питомец сестрин, фаворит,
В зелено-бархатной порфире
Как юный царь лесов стоит.
А там столетними руками
Касаясь липы до земли
И опираясь шатрами
На мягкой мураве легли.
Красавицы моей березы
В кудрях играет ветерок,
То легкие взвивая лозы,
То опуская их до ног.
Пирамидальная направо
Чаща душистых тополей,
И сеянцев моих дубрава
Уже высокая за ней.
Налетом рощи живописной
Гряда венчается холмов,
По скату — поле разнолистных
Акаций, лиственниц, дубов.
Из холодной стороны и дальней,
Где пушки льют из чугуна,
Онеги с берегов печальной
Прислал мне тезка семена
Сих лиственниц; и по уставу
Линнея, где был сестрин сад,
Ее ж супруга в честь и славу
Из них высокий палисад.
Пройдемте берегом в беседку:
И тополь с хрупкою ветлой,
И с ветки хмель вьязь на ветку,
Завесную покрылись мглой
Приют невинности стыдливой,

Когда, когда последний сняв покров,
В Осугу входит торопливо,
Пугаясь собственных шагов
И оробев, стоит в испуге:
Ей шум послышался в кустах, —
Но голос узнает подруги
И погружается в волнах.

Усадебный парк в Прямухине с системой прудов, плотинами, мостиками и павильонами был разбит по проекту Н.А. Львова в то же время, когда строилась и сама усадьба — в конце 1790 — начале 1800-х гг.⁹ Все эти породы деревьев сохранились поныне практически адекватно бакунинскому времени, хотя, разумеется, нам приходится делать поправки из-за отсутствия ухода за деревьями. Но во всяком случае современный экскурсант с поэмой Бакунина может пройти по прямухинскому парку как с путеводителем. Тем более внятным является это описание для исследователя. Другое дело, что деревянное здание купальни, разумеется, не сохранилось, и определить место ее расположения невозможно.

Как давно и вполне убедительно показал Д.С. Лихачёв, для пейзажного парка весьма актуальна была поэтика воспоминаний.¹⁰ Мы уже видели «мемуарный» характер того или иного насаждения, теперь стоит вслед за автором обратиться к «мемуарной» же функции воды:

Под сводом каменным богатый
Родник за недрами шумит
И, падая в бассейн дощатый,
Коней и всадников поит.
На лавочке люблю я сидя
Прошедши годы вспоминать:
< . . . . . >

Сверкают брызги водомета,
Из тесных вырвавшись оков,
Как узник модного жилета
Без смысла много тратит слов.
И мало толку от игрушки,
Но польза временна — играть
В поре, и как-то побрякушки
Мешают делом работать.
Но понапрасну не теряет
Ни капли наш фонтан ума
Но в славу спасших Рим пернатых
Мы лавочку поставим здесь,
И вечером, когда в богатых
Зарях златится темный лес
И легкие парки?, волнуясь,
Рисуют очерк берегов,
Мы, на Костошину любуясь,
Тут будем слушать соловьев.
И, забавляя нас, играет,
Когда поливка не нужна.

Следует учитывать, что парк с течением времени значительно менялся и обновлялся. Мы уже видели новые беседку и цветник. Да и деревья все когда-то были посажены. Далее Бакунин рассказывает об одной вынужденной перемене в своем саду:

Ах, белые мои березы!
Кто вас осмелится подсечь
И сладкие злодею слезы
На белу грудь заставит течь?
Тут на горе был Капитолий,
Но принужден я был сломать,
И перестанут гуси поле
Мое напредь опустошать.

Но в славу спасших Рим пернатых
Мы лавочку поставим здесь,
И вечером, когда в богатых
Зарях златится темный лес
И легкие парки?, волнуясь,
Рисуют очерк берегов,
Мы, на Костошину любуясь,
Тут будем слушать соловьев.

Обязательной принадлежностью всякой благоустроенной усадьбы была близость церкви. Троицкая церковь в Прямухине была построена по проекту Н.А. Львова, но после его смерти — в 1808 г. Она расположена через дорогу от барского дома и чуть ниже его к реке. Вдоль дороги за церковью находится вторая часть парка, спланированная вокруг каскада прудов. Эта часть в настоящее время также достаточно легко прочитывается, хотя дорожек и тропинок, намеченных Львовым и Бакуниным, мы здесь уже не найдем:

В овраг церковный под вязами,
Где тихая, заснув, струя
Снабжает стол наш карасями,
Пойдемте слушать соловья.
Душистее березки стали,
И к западу склонился день,
Но мы его не потеряли,
Отраднa будет ночи тень.
Старик устал — в овраг церковный
Сведите вы его к ключу
Целебному: святой часовни
Воды живой испить хочу.
И под часовней — воскресенье:
На небесах сияет крест.
В кустах малиновки запели,

Кто знает, дети, может быть,
Душа к нам Софьи прилетела
Утешить нас, развеселить.
Противу тех вязов столетних,
Поросших уже мхом седым,
У вод присядемте заветных,
Ископанных отцом моим.
Ручей журчит. Перелетая,
Поет малиновка одна,
И храма Божьего святая
Объемлет душу тишина.

Мы здесь затрудняемся, впрочем, сказать, что за часовня имеется в виду Бакуниным. Но исток ручья, питающего собой пруды, легко читается буквально на уровне дома черед дорогу, поэтому не исключено, что над ним в свое время стояла и декоративная часовня.

Совершив эту небольшую экскурсию по Прямухину, мы хотели обратить внимание исследователей, во-первых, на само существование такого мало исследованного явления в русской литературе, как усадебная поэзия, обслуживающая микромир дворянской усадьбы по принципу натурального хозяйства, и указать на его генетические связи с описательной поэзией, не проявившей своих больших возможностей в других сферах русской литературы. Во-вторых, мы хотели бы привлечь внимание к поэтическому наследию А.М. Бакунина как источнику сведений о его усадьбе. Оно достаточно любопытно и само по себе (но большинство текстов его не опубликовано либо опубликовано крайне небрежно), но оно может быть использовано и утилитарно — как руководство для сохранения и реставрации усадебного комплекса в Прямухине.¹¹

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отдельные подступы к этой теме при несколько иных формулировках см.: Кошелев В.А. О «литературной» провинции и литературной «провинциальности» Нового времени // Русская провинция: миф - текст - реальность. М., СПб., 2000.

² См.: Лотман Ю.М. «Сады» Делиля в переводе Воейкова и их место в русской литературе // Делиль Жак. Сады. Л., 1988.

³ Бакунин М.А. Осуга // Наше наследие. 1994. № 29-30. С. 55-61; фрагменты: Корнилов А.А. Молодые годы М. Бакунина. М., 1915. С. 4-12, 25-32, 70-72. Мы перепечатали текст из «Нашего наследия» (Тверские поэты, современники Пушкина: Избранные стихотворения / Сост., ред. текстов и прим. М.В. Строганова. Тверь, 1999. С. 77-122) еще до знакомства с рукописями поэмы, и поэтому только более обстоятельно прокомментировали текст ее.

⁴ ИРЛИ РАН. РО. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 29; варианты черновых набросков стихов: Д. хр. 16.

⁵ Татаринов А.В. Архитектурные работы Н.А. Львова // Львов Н.А. Избранные сочинения. Кельн; Веймар; Вена; СПб., 1994. С. 392.

⁶ Генеральное соображение по Тверской губернии... Тверь, 1873. С. 113.

⁷ Впервые: Литературный архив: Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб., 1994. С. 99. Публикуется по: ИРЛИ РАН. РО. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 1. Входит в тетрадь, подаренную Н.А. Львову в 1799 г. В оглавлении тетради название «Другу моему NN» Ср., впрочем, стихотворение того же 1799 г. «Ручей» (вариант заглавия «Никольский ручей»), который, судя по примечанию, описывает осушение болота и ручей в Никольском-Черенчицах — имени Н.А. Львова.

⁸ Об этом (не подтверждаемым другими источниками предании) см.: Матюшин Р. Тверские страницы в истории Отечественной войны 1812 года // Калининская правда. 1987.5 сентября.

⁹ Татаринов А.В. Архитектурные работы Н.А. Львова. С. 392. Лихачев Д.С. Поэзия садов. Л., 1982.

¹⁰ Ср.: Чернышев В.И. Усадьбы России. М., 1992. С. 11-17.

¹¹ Там же.

М. К. ГУРЕНОК

**ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ПОМЕЩИКА
Д.М. ПОЛТОРАЦКОГО В УСАДЬБЕ АВЧУРИНО
КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ (конец XVIII — первая треть XIX вв.)**

Статья посвящена усадьбе Авчурино Калужской губернии, которая располагалась в 12 верстах от города Калуги, на берегу Оки. Она не относилась к крупным усадьбам дворцового типа с блестящим архитектурным ансамблем, и владелец ее, Дмитрий Маркович Полторацкий, не был богатым вельможей, близким к императорскому двору. Тем не менее той популярности, которой пользовалось Авчурино в 1820 — 1840-х годах могли позавидовать самые знаменитые усадьбы России. Д.М. Полторацкий был, несомненно, личностью незаурядной. Он принадлежал к числу наиболее образованных и культурных людей своего времени, поддерживал дружеские отношения с целым рядом выдающихся деятелей русской культуры и творческой интеллигенции. Среди них можно назвать Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, Н.А. Львова, А.Н. Оленина, позднее А.С. Пушкина и др. Известный архитектор В.П. Стасов с юных лет был близким другом семьи Полторацких. В Авчурине, как и в Московском доме у Калужских ворот, двери были всегда широко открыты для многочисленных друзей и знакомых. В Авчурине с 1806 г. хранилась знаменитая хлебниковская библиотека, доставшаяся Дмитрию Марковичу по наследству через его жену Анну Петровну (урожденную Хлебникову), значительно приумноженная им самим и особенно его сыном Сергеем Дмитриевичем. Из-

вестно, что сокровищами этого книжного собрания пользовался Н.М. Карамзин, когда писал «Историю Государства Российского». Он считал Авчуринскую библиотеку одной из лучших частных библиотек России.

Все это интересные и важные факты из жизни усадьбы. Однако вовсе не они стали причиной шумной известности Авчурина. Прославилось оно своим рациональным хозяйством, заведенным Д.М. Полторацким. Дело в том, что в этот период (конец XVIII — первая треть XIX вв.) в недрах крепостнической России начинается и постепенно набирает темпы процесс развития капиталистических отношений, формирования всероссийского рынка, внедрения новых передовых методов земледелия и скотоводства с использованием сельскохозяйственных машин и усовершенствованных орудий. Для большинства помещиков этот процесс оказался весьма болезненным: они не смогли приспособиться к новым экономическим условиям, многие усадьбы приходят в упадок и разоряются. Лишь немногим владельцам удается удержать свою усадьбу на достаточной высоте, реформировать ее хозяйство, сделать его доходным. Примером такого «блестящего феномена» в сельскохозяйственном мире крепостной России и была усадьба Авчурино.

Об Авчурине неоднократно сообщала тогдашняя печать, а в «Земледельческом журнале», издаваемом Императорским обществом сельского хозяйства, в 1829 г. была напечатана специальная статья «Описание Авчуринского хозяйства, устроенного Д.М.Полторацким».¹ Отдельные сообщения об Авчурине появлялись и в иностранной прессе. Именно о том, каким образом Дмитрию Марковичу удалось создать рациональное хозяйство, в чем состояло его новаторство и какова была дальнейшая судьба этого хозяйства и пойдет речь в статье.

Документальными источниками, послужившими основой для исследования, стали материалы обширного архива Полторацких, хранящегося в рукописном отделе РГБ, документы Калужского областного архива, отдела письменных источников ГИМ, РГАДА и некоторые отдельные документы из других архивов.

Главным изобразительным источником, позволившим создать зрительные образы усадьбы и ее отдельных уголков, явился альбом «Виды села Авчурина 1792-1868», хранящийся в отделе ИЗО ГИМ.² Он включает 23 акварельных и карандашных рисунка с общими видами усадьбы, изображениями главного дома, парка с различными павильонами, а также построек скотного и конного дворов. В основном это любительские рисунки членов семьи Полторацких, но есть и вполне профессиональные акварели, выполненные неким Ш. Ребу, возможно, служившим учителем рисования в семье Полторацких.

А теперь обратимся к самой усадьбе, к самому ее началу, к трем последним десятилетиям XVIII в. Первые сведения об Авчурине, сохранившиеся в архивах, относятся к периоду генерального межевания Калужской губернии, проводившегося во второй половине 1770-х годов. Усадьба в это время принадлежала князю С.В.Гагарину, обер-камергеру, главному управляющему личными имениями Екатерины II. Из документов можно заключить, что в 1770 — 1780-х годах Авчурино было вполне характерной для своего времени усадьбой, ничем не отличавшейся от других усадеб, — с деревянным господским домом, копаным прудом, фруктовым садом и каменной церковью. Из хозяйственных построек упоминается только водяная мельница.³ Так что, видимо, хозяйственный потенциал усадьбы был минимальным и не составлял предмета особых забот ее владельцев.

В 1792 г. Авчурино было приобретено Д.М. Полторацким. С этого времени начинается новый период жизни усадьбы, связанный с бурным строительством и созданием крупного рационального хозяйства. Новый владелец был одним из сыновей Марка Федоровича Полторацкого, происходившего из малороссийского казачества, мальчиком взятого за свой прекрасный голос в придворные певчие и сделавшего впоследствии блестящую карьеру. Во времена Екатерины II он был управляющим придворной певческой капеллой. К концу жизни он стал известным человеком, имевшим генеральский чин и огромное состояние.

Всем своим детям Марк Федорович сумел дать прекрасное европейское образование.

Д.М. Полторацкий учился в Штутгартском университете, блестяще его окончил, затем много путешествовал по Европе. Он посетил Германию, Швейцарию, Испанию и Англию, несколько лет состоял на службе при русском посольстве в Лондоне. Проявив с молодых лет большой интерес к сельскому хозяйству, он серьезно занимался его изучением за границей. Возвратившись в 1792 г. на родину, Дмитрий Маркович убедился в крайней отсталости сельского хозяйства в России.

Авчурино было избрано для постоянного места жительства его семьи, и он сразу же принимается за дело. Уже в конце XVIII — начале XIX в. здесь развернулись большие строительные работы, о чем свидетельствуют хранящиеся в Калужском областном архиве многочисленные ведомости, подрядные договоры и др. документы.⁴ Известно, что кроме Авчурина, Дмитрий Маркович владел еще рядом имений в Калужской, Рязанской, Тульской и др. губерниях, дававших, очевидно, немалые доходы. Тем не менее, расходы на строительство были столь велики, что он был вынужден обратиться к правительству с просьбой

о предоставлении ему денежной ссуды в 100 тысяч руб. серебром с рассрочкой на 10 лет, которая и была получена в 1803 г.⁵

Приблизительно за 25 лет (с 1792 г.) в основном определились и планировочная структура и весь характер усадебного комплекса Авчурина. Как уже было отмечено, оно не принадлежало к числу роскошных усадеб дворцового типа. Его скорее можно отнести к усадьбам средней руки, каких в то время было немало в различных губерниях России. Однако нельзя не отметить своеобразия и определенных художественных достоинств сложившегося здесь архитектурного ансамбля. Современники отмечали необычайную живописность местности усадьбы, располагавшейся на высоком берегу Оки, и ее замечательно красивые окрестности.⁶ Общее руководство всеми строительными работами осуществлял итальянский архитектор Луиджи Пелли, специально приглашенный Дмитрием Марковичем. Но особенно ценно участие в создании ансамбля усадьбы одного из ведущих русских зодчих первой половины XIX в. В.П.Стасова. По его проекту была построена (точнее перестроена) старая Авчуринская церковь (1819-1833), возведен павильон — ротонда (1817-1818) в одном из самых живописных уголком парка, служивший, очевидно, чайным домиком. Интересен и сам значительно расширенный господский дом с отдельно стоящими флигелями и парадный двор — курдонер, с запада от которого был разбит регулярный парк. А на самом холме, между домом и рекой, был устроен английский пейзажный парк с системой прудов, лодочной пристанью и купальней, с различными беседками, мостиками, скамейками и другими «затейми», бывшими неперменной принадлежностью усадеб того времени.⁷

Но необходимо отметить, что парадное ядро усадебного ансамбля, о котором до сих пор шла речь, было лишь небольшой

частью усадьбы. Одновременно со строительством главного дома и церкви, устройством парка, ведутся широкомасштабные работы по созданию хозяйственного комплекса усадьбы, сведения о котором содержатся в целом ряде документальных источников. В альбоме «Виды села Авчурина...» имеется достаточное число рисунков, запечатлевших хозяйственные постройки усадьбы. Среди них два вида конного двора, два вида скотного двора, виды мельницы и различных флигелей и корпусов служебного назначения.⁸ Объединив документальные и изобразительные источники, мы можем с достаточной убедительностью и полнотой воссоздать картину существовавшего здесь «образцового хозяйства», пользовавшегося в свое время такой большой популярностью. Как следует из «Описания Авчуринского хозяйства»,⁹ составленного опытным агрономом Е. Мином, выходцем из Шотландии, на протяжении многих лет служившим в Авчурине, главное внимание было обращено на усовершенствование земледелия. Вся территория, занятая пашней, была перепланирована, болота осушены, земля расчищена и выровнена специальными машинами. Пар был ликвидирован, и вместо устаревшего трехполья было введено сперва восьмипольное, а затем четырехпольное плодопеременное хозяйство, причем не только на барской земле, но и на земле крестьянской. Интересно, что в Калужском областном архиве хранится статья агронома А. Евстафьева «130 лет назад», напечатанная в газете «Коммуна» Калужского губкома РКП(б) за 18 марта 1924 г., где он убеждает местных крестьян отказаться от рутинного трехполья и рассказывает, как в этих же местах еще в начале прошлого века помещик Полторацкий ввел многополье на своей и крестьянской земле. Но, как пишет автор, «русская косность оказалась настолько велика, что и теперь эта огромной важности задача осталась еще не совсем разрешенной».

Однако вернемся к усадьбе Авчурино времен Д.М. Полторацкого. Для вспашки полей вместо сохи применялся усовершенствованный плуг, получивший впоследствии название «Плуга Полторацкого». Для рыхления земли использовались бороны с железными зубьями. Песчаная земля удобрялась не только навозом, но и мергелем — минералом, залежи которого имелись в окрестностях Авчурина. В севооборот, наряду с привычными культурами, были введены картофель, клевер, люцерна. Полторацкий первым в России ввел в употребление шотландскую молотильную машину, привезенную в Авчурино в 1793 г. С его легкой руки через несколько лет такие машины получили распространение во многих губерниях России. По новому были организованы и полевые работы, во время которых применялся вольнонаемный труд. Но, в основном, на полях работали пахари из других деревень Полторацких, получавшие за это плату подесятинно.

Как пишет тот же Е. Мин, «хозяин Авчурино решил соединить с земледелием отменное скотоводство».¹⁰ Предметом особой гордости для него был конный двор, рассчитанный на содержание 500 лошадей лучших пород, преимущественно арабских и английских. «Из белого камня и кирпича на манер шотландский, конюшня светла, суха и тепла... хороший манеж»,¹¹ — сообщает Е. Мин в своем описании Авчуринского хозяйства. По свидетельству того же автора, Авчуринский конный завод пользовался большой известностью, ежегодно производилась продажа лошадей, что давало хороший доход хозяину усадьбы. Постройки скотного двора, рассчитанного на 300 голов, были также каменными «со всеми удобствами и нужными строениями... ледником, молочными погребями и местом для делания сыра... С помощью подземных труб проведена вода во все помещения конюшни и

скотного двора».¹² Однако были и неудачи. По мнению того же Е. Мина, от такого скотоводства можно было бы иметь бóльшие выгоды, но рогатый скот несколько раз почти весь выпадал, и эти убытки, видимо, несколько остудили энтузиазм помещика, и число голов было уменьшено.

Давая объективную оценку невиданным для тогдашней России сельскохозяйственным экспериментам Полторацкого, надо сказать, что, конечно, успехи его образцового хозяйства в условиях господствовавшей в стране крепостнической системы не могли быть стабильными. Дмитрий Маркович оказался в центре острой полемики по вопросам дальнейшего развития сельского хозяйства в России. Прогрессивные методы ведения хозяйства, которые он отстаивал, вызывали осуждение основной массы консервативно настроенных помещиков, в то время как помещики-рационализаторы составляли ничтожное меньшинство (не более 4%). В печати появилось немало ядовитых статей, пародий и даже басен на эту тему. Примеры таких произведений — брошюра «Плуг и соха», написанная Ф.В. Ростопчиным и вышедшая в 1806 г. без подписи автора, басня И.А. Крылова «Огородник и философ» и др.

Как пишет В. Делийдович в «Памятной книжке Калужской губернии» на 1861 г., «просуществовав четверть века с небольшим при разных переменах счастья и неудач, оно исчезло как блестящий феномен в сельскохозяйственном мире, оставив по себе грустные развалины непрочно затраченных трудов и капитала».¹³

Однако значение созданного Полторацким «образцового хозяйства» трудно переоценить. Это был один из первых смелых опытов рационализаторской деятельности, принесшей большую пользу в деле распространения передовых сельскохозяйственных знаний, а также применения их на практике. В Авчурино при-

езжало немало желающих ознакомиться с его хозяйством, здесь было налажено изготовление усовершенствованных сельскохозяйственных орудий: плугов, борон, даже молотильных машин, которые отправлялись «в разные края Российской империи к разным помещикам».¹⁴ Данью признания сельскохозяйственных успехов Дмитрия Марковича было посещение Авчурин императором Александром I в сентябре 1816 г., который при отъезде из Калуги «благоволил принять от г. Статского советника Дм. Полторацкого подведенную им лошадь своего завода».¹⁵ В конце своей жизни, в 1816 г., Полторацкий активно участвовал в создании «Московского общества сельского хозяйства», был избран начальником его практического отделения и даже успел написать «Примерное положение для образцовой фермы или хозяйства».¹⁶ Сам он хорошо понимал важность своей деятельности для общего подъема сельского хозяйства России. Оценку собственной деятельности и свою гражданскую позицию Полторацкий прекрасно выразил в письме к Александру I (1816): «В заведениях моих все основано на денежной плате, на неусыпном старании и надзоре, а что все идет довольно споро, то не я причиною, но удобные орудия и порядок, заимствованные у просвещенных народов... Отпустив 50 человек на волю и расположенный отпустить еще несколько, нет, кажется, во мне принуждения к притеснению, и совесть меня не укоряет, ни перед лицом Бога, ни перед твоим престолом... Напечатлей меня в памяти своей честным человеком и готовым быть полезным Отечеству».¹⁷

В 1820 — 1840-х гг., при наследниках Д.М. Полторацкого — его жене и сыне — усадьба продолжала какое-то время оставаться в образцовом состоянии. После некоторого перерыва, связанного со смертью хозяина, в усадьбе возобновилась актив-

ная строительная деятельность. Самой значительной постройкой этого периода было сооружение так называемого «Готического дома» на месте сломанного восточного флигеля. Это двухэтажное каменное здание с башней имело декоративное оформление в стиле английской готики, получившей в это время большое распространение. Но строилось оно специально для разросшейся Авчуринской библиотеки, которая и была здесь размещена. Что касается хозяйства усадьбы 1820 — 1840-х гг., то оно представляло собой обширный комплекс, состоявший из многочисленных построек различного назначения. В описании недвижимого имущества Авчурина, составленного несколько позднее, в 1860 г., в связи с объявлением о продаже имения, перечисляются: конный двор, скотный двор, несколько оранжерей и теплиц, каретные сараи, мастерские, кузница, водяная мельница, магазин для хлеба, амбары и погреба, 4 риги, молотильный сарай с двумя молотильными машинами, действующий винокуренный завод и другие постройки.¹⁸ Очевидно, с помощью прежнего управляющего — шотландца Е. Мина, наследникам удавалось поддерживать хозяйство на достаточно высоком уровне.

В 1837 г., во время своего путешествия по России, имение посетил 19-летний наследник престола великий князь Александр Николаевич (будущий император Александр II), в сопровождении своего наставника поэта В.А. Жуковского. На высокого гостя Авчуринское хозяйство произвело большое впечатление, особенно ему понравился конный завод. Он присутствовал на сельскохозяйственных работах и сам пробовал пахать усовершенствованным «плугом Полторацких».¹⁹

С.Д. Полторацкий, ставший после смерти матери (в 1842 г.) единственным наследником Авчурина, первое время пытался активно заниматься хозяйством в своих имениях, но, в отличие от отца,

он не обладал никакими хозяйственными наклонностями, и некогда образцовое Авчуринское хозяйство постепенно приходило в упадок. Были, конечно, и объективные причины этого упадка, связанные с общим кризисным состоянием экономики страны, но можно было хотя бы попробовать что-то предпринять, — однако все интересы Сергея Дмитриевича лежали совсем в другой области человеческой деятельности. Он был известен современникам как человек с прекрасным образованием, отличавшийся своими прогрессивными взглядами, страстный библиофил и библиограф, талантливый журналист, автор более 250 опубликованных брошюр и статей. Увлеченный своими интересами, он не оставлял ни времени, ни сил на все другие дела, а хозяйство тем временем пришло к полному упадку, и хозяину грозило неминуемое разорение. Его имения закладывались и перезаклаывались. В 1861 г. за долги Авчурино подверглось описанию и было назначено к продаже с аукционного торга. И только ссуда, выданная Казенной палатой на его выкуп, позволила удержать имение за Полторацкими. Оно было передано во владение бывшей жене Сергея Дмитриевича — Марии Петровне Полторацкой (урожденной Киндяковой) и его детям.²⁰ Сам же Сергей Дмитриевич в 1867 г. навсегда покидает Россию.

Такова, в общих чертах, история этой интересной усадьбы, которая в период своего расцвета была примером удачного сочетания хорошо организованного хозяйства с эстетически выдержанным архитектурным ансамблем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мин Е. Описание Авчуринского хозяйства, устроенного Д.М. Полторацким // Московский земледельческие журнал. 1829. №26. С.209-246.

² ГИМ. 89704/А-350.

³ РГАДА. Ф.1355. Оп.2. Д.41. Л.13 об.

⁴ ГАКО. Ф.45. Оп.11. Д.117. Л.26,28; Ф.45. Оп.1. Д.70. Л.34.

⁵ РГБ. ОР. Ф.233. Оп.1. Карт.2. Д.41. Л.19.

⁶ Там же. Ф.215. Оп.1. Д.5. Л.46-48.

⁷ Альбом «Виды села Авчурина 1792-1868». ГИМ. 89704/А-350.

Л.1-11.

⁸ Там же. Л.12-18.

⁹ Мин Е.Указ. соч.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Делийдович В. Очерк сельского в Калужской губернии // Памятная книжка Калужской губернии на 1861 г. Калуга, 1861. С.353.

¹⁴ Мин Е. Указ. соч.

¹⁵ «СПб ведомости». №75. 19 сент.1816 г. и «Московские ведомости». №77. 23 сент. 1816 г.

¹⁶ РГБ. ОР. Ф.233. Карт.5. Д.45.

¹⁷ НРБ. Ф.603. Оп.248. Д.25. Л.2-об.

¹⁸ ГАКО. Ф.43. Оп.3. Д.2. Л.7-10.

¹⁹ «Северная пчела». №168. 29 июля 1837 г.; «СПб ведомости». №171. 31 июля 1837 г., «Московские ведомости». №60. 28 июля 1837 г.

²⁰ ГАКО. Ф.43. Оп.3. Д.20. Л.21.

Рис. 1. Портрет Д.М. Полторацкого. Около 1836 г. В.А. Тропинин. Холст, масло. (Выполнен посмертно, по заказу Московского общества сельского хозяйства)

Рис. 2. Авдирино. Никольская церковь. 1840-е гг. М.П. Полторацкая (?).
Бумага, карандаш, акварель. (Лист из альбома «Виды села
Авдирина 1792-1868»)

Рис. 3. Авдирино. Вид старого дома со стороны пруда. 1846 г. Ш. Ребу.
Бумага, акварель (Лист из альбома «Виды села Авдирина 1792-1868»)

*Рис. 4. Авчурино. Павильон-ротонда в парке. 1840-е гг. М.П. Полторацкая (?).
Бумага, карандаш, акварель (Лист из альбома «Виды села Авчурина 1792-1868»)*

*Рис. 5. Авчурино. Скотный двор. 1840-е гг. Бумага, карандаш,
акварель. (Лист из альбома «Виды села Авчурина 1792-1868»)*

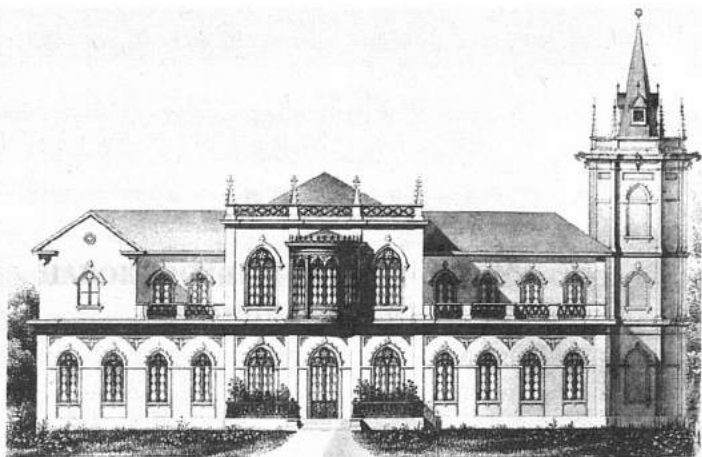

Рис.6. Авчурино. «Готический» флигель. 1840-е-50-е гг. Бумага, карандаш, акварель. (Лист из альбома «Виды села Авчурина 1792-1868»)

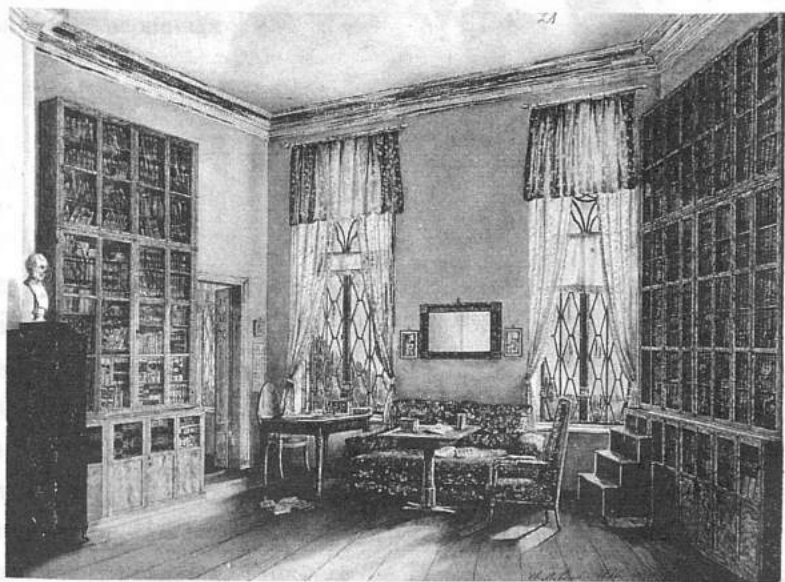
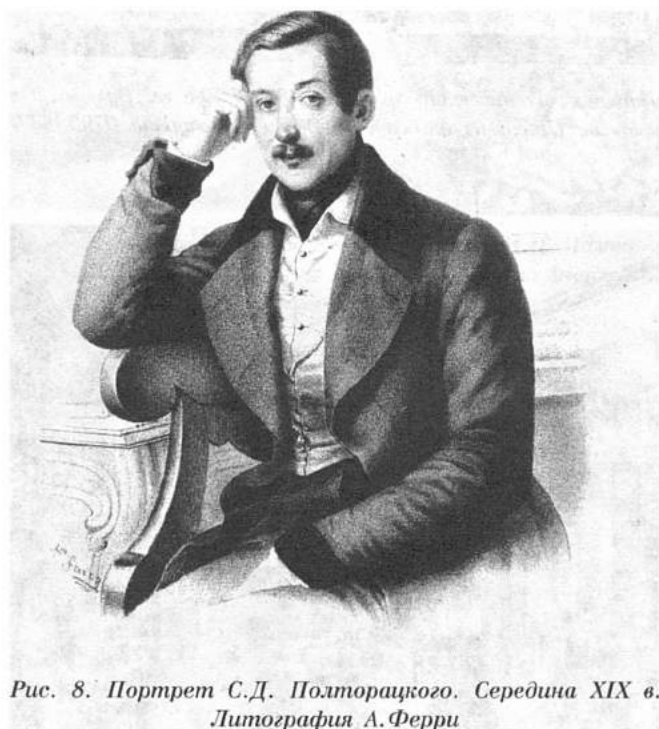

Рис.7. Авчурино. Вид библиотеки. 1846 г. Ш.Ребу. Бумага, акварель (Лист из альбома «Виды села Авчурина 1792-1868»)

*Рис. 8. Портрет С.Д. Полторацкого. Середина XIX в.
Литография А.Ферри*

В. П. СТАРК

НАБОВСКИЕ УСАДЬБЫ В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ

В автобиографическом повествовании «Другие берега» Владимир Набоков скажет о земле своего детства, отрочества и юности: «...дайте мне, на любом материке, лес, поле и воздух, напоминающие петербургскую губернию, и тогда душа вся перевернется». Так и на вершинах Шварцвальда он вглядывался в Россию:

Чем выше темные, сырые
тропинки вьются, тем ясней
приметы с детства дорогие
равнины северной моей.

В начале апреля 1919 г., в канун своего двадцатилетия, будущий писатель на греческом судне с символическим названием «Надежда», отчалившем от берега севастопольской бухты, навсегда покинул Россию, унеся ее в себе, удержав в памяти петербургские усадьбы своего детства — родительскую Вырскую мызу, бабушкино Батово, дедовское, дядюшкино и, наконец, за год до революции, уже собственное Рождествено. В преддверии социальных катаклизмов Владимир Набоков стал последним владельцем исторической усадьбы. Никогда не произошло в реальности того, что мерещилось писателю: «Каково бы было в самом деле увидеть опять Выру и Рождествено, мне трудно представить себе несмотря на большой опыт. Часто думаю: вот съезжу туда с подложным

паспортом, под фамилией Никербокер. Это можно было бы сделать».

Путь к набоковским усадьбам начинается от станции Сиверская Варшавской железной дороги. До революции — это четвертая станция на шестьдесят третьей версте от Петербурга. И годы, и десятилетия спустя в бесконечных снах-возвращениях Набоков как бы вновь и вновь начинал путь со станции:

Была передо мной вся молодость моя:

плетень, рябина возле клена,
чернеющий навес и мокрая скамья,
и станционная икона.

Я со станции в именье
еду, не могу сидеть, стою
в тарантасе тряском, узнаю
все толчки весенних рытвин,
еду, с непокрытой головой,
белый, что платок твой, и с душой
слишком полной для молитвы.

В романе «Дар» Набоков опишет впечатления от приезда в деревню: «Первое чувство сразу по выходе со станции: мягкость земли, ее близость к ступне, а вокруг головы — ничем не стесненное течение воздуха (...) Быть может, когда-нибудь, на заграничных подошвах и давно сбитых каблуках, чувствуя себя привидением, несмотря на идиотскую вещественность изоляторов, я еще выйду с той станции и без видимых спутников, пешком пройду стежкой вдоль шоссе с десятков верст до Лешина».

РОЖДЕСТВЕНО

В XV в. на месте современного села Рождествена располагался Николо-Грезневский погост, упоминаемый впервые в

1499 г. Из писцовых книг явствует, что до XVI в. был в Водской пятине «Погост Николский Грезневский, на погосте церковь Велики Николы» на р. Грезне, с деревнями приходскими, стоящими на р. Оредежи, как например, Заречье, Грезно, Выра и пр. Местоположение церкви уточняется: «Деревянная церковь Николы Святого на погосте на усть Грезны».¹ В настоящее время часто употребляется, прежде всего в популярной литературе, название этой речки как Грязно или, попросту, Грязная. Это наименование происходит от незнания древнерусского наречия. «Грезн» по-древнерусски означает гроздь или купу дерев, кустов. Грязной эта речка никогда не была, в ней даже водилась форель, что было зафиксировано еще в 1780-е гг.: «Оная река в летнее время шириною три сажени, а глубиною в полтора аршина, в ней ловится рыба форели и мелкая прочих родов».²

Погост находился в 100 сажнях, по-старинному, от конца восточной улицы, где р. Грезна пересекается с древнею новгородскою дорогою. В начале XVIII в. переселенцы из-за Луги образовали большую деревню, состоявшую до 1780 г. в Копорском уезде Куровицкой мызы. После Смутного времени по Столбовскому мирному договору 1617 г. по рекам Грезно — Оредежь через село проходит граница между Швецией и Московским государством. Еще и в XIX в. на бывшей шведской стороне сохранялись фундаменты домов того времени. В шведской переписной книге поминается *Grisenschoi Pogost*, разбитый на две части — *Ode* (пустошь) и *Vu* (деревня): *Grasna Ode* и *Grasna Vu*.³

Село расположено при трех дорогах, образовавших три улицы: две — при старинной новгородско-финляндской дороге и при военной времен Иоанна III из Новгорода в Нарву, третья улица находится на Динабургском, как его называли, шоссе, устроенном при Екатерине II и уничтоженном при Николае I. После воз-

вращения в ходе Северной войны этих земель России они были подарены Петром I сыну — царевичу Алексею. Легенды о царевиче Алексее в Рождествено литературно отражены в произведениях двух писателей: незавершенной думе поэта-декабриста, владельца соседней усадьбы Батово К.Ф. Рылеева «Царевич Алексей в Рождествено», и в романе жившего здесь на даче Д.С. Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей». В первом из них по древней традиции село называется Рождествено.

Набоков, также отражая бытовавшие здесь предания, пишет в «Других берегах», что рождественская усадьба деда «была, говорили, построена на развалинах дворца, где Петр Первый, знавший толк в отвратительном тиранстве, заточил Алексея». И хотя В.В. Набоков и в стихах, и в прозе называет село Рождественным, но в письме сестре Елене Владимировне от 6 декабря 1949 г. замечает: «...Рождествено (вот настоящее правописание, между прочим)».⁴

В романе Мережковского запечатлен и пейзаж Рождествена, то, что сохранялось нетронутым, в отличие от вещественных памятников, созданных человеческими руками. Всем, кто хоть раз побывал в этих местах, врезался в память красно-глинистый песчаный обрывистый берег Оредежи, поросший лесом. Героиня романа Мережковского — фрейлина принцессы Шарлотты Вольфенбюттельской, жены царевича Алексея — Алнгейм, записывает в своем дневнике: «Кругом лес. Тихо. Только деревья шумят, да птицы щебечут. Быстрая, словно горная, речка Оредежь журчит внизу под крутыми обрывами из красной глины, на которых первая зелень берез сквозит, как дым, зелень елок чернеет, как уголь». Страницы дневника немки-фрейлины пропитаны явно личным ощущением Мережковского. Рождественская усадьба с ее покоем, книгами, ужением рыбы, прогулками по

лесу, работами в саду царевичу в романе представлялась последним спасительным приютом; он говорит, что «жил бы здесь всегда, и ничего ему больше не надо, только бы оставили в покое». В покое не оставили — отсюда со своей Ефросиньюшкой бежит царевич в Италию, откуда его выманили по приказу отца. В романе запечатлена и стоявшая на кладбищенской горке еще «царевичева» первоначальная церковка, уже обращенная в часовню: «Рядом часовенка с колокольнею и двумя маленькими колоколами, в которые царевич любил звонить».

В 1714 г. над Оредежью на месте старого кладбища была поставлена эта деревянная Рождественская церковь, как раз и давшая месту его новое название. Церковь была освящена 6 октября 1716 г., и служба велась в ней с тех пор до 1785 г., когда была построена новая церковь, а прежняя обращена в часовню. 11 сентября 1837 г. новая церковь сгорела, и служба временно отправлялась в господском доме, принадлежавшем в ту пору семейству Ефремовых. На месте сгоревшей была в 1838 г. поставлена также Рождественская часовня.

1 января 1780 г. указом Екатерины II Рождественно было объявлено уездным городом. О новом городе тогда же писалось: «Он^{ый} город переименован из дворцового села сего имени и по новости своей строение имеет почти все деревянное. Город окружен земляным валом и рвом. Внутри того города церковь деревянная во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, строение обывательское. Вновь проектировано строение каменное, церковь, присутственные места, гостиный двор, магазейны».⁵

Новая однопрестольная Вознесенская каменная церковь строится по проекту архитектора Ф.И. Волкова в 1781 г. В 1845 г. она была обновлена на пожертвованные владелицей с. Батово Евдокией Галченковой 14 тысяч рублей. В этой церкви до

революции числился запрестольный крест, надпись на котором сообщала, что он был взят 14 сентября 1813 г. в окрестностях Нейшлота капитаном Преображенского полка Василием Корчминим. Нынешняя кирпичная трехпрестольная Рождественская церковь была освящена в 1883 г. с главным престолом во имя Рождества Пресвятой Богородицы и боковыми во имя Николая Чудотворца и Св. Кн. Александра Невского.

Сохранился «План Санктпетбургской Губернии Городу Рождеству», утвержденный 12 мая 1784 г., который свидетельствует о том, что существующий ныне господский усадебный дом был срублен как «связ, в котором жительство имеет городничий». На плане этот дом (связ) обозначен под литерой «С». Таким образом, он датируется началом 1780-х годов.⁶

Итак, первоначально это — городская постройка, сочетавшая в себе элементы административной и жилой. Дом, бывший центром города, стал вскоре центром усадебного комплекса, сложившегося уже в следующее царствование. После вступления на престол Павла I город Рождествен был упразднен, присутственные места с чиновниками переведены в Гатчину, городское строение остановлено. Обретшее же вновь статус села Рождествено 26 февраля 1797 г. было пожаловано в вечное и потомственное владение надворному советнику Н.Е. Ефремову, секретарю всесильного канцлера гр. А.А. Безбородко. Просьба о пожаловании исходила от Безбородко, отчего и возникла долгое время бытовавшая легенда, ставшая в наше время и достоянием популярных краеведческих изданий, что владельцем села был именно он. Покровительство графа своему секретарю, затем правителю канцелярии, было связано с тем, что тот выдал за него свою бывшую фаворитку, балерину Эрмитажного придворного театра Ольгу Дмитриевну Каратыгину. Николай Ефремович и его наследники

(вдова, внуки — братья Константин и Яков Савельевы и вдова генерал-лейтенанта Цукато, урожденная Савельева) владели усадьбой до 1857 г., когда она была продана Юлии Дмитриевне Манухиной, после которой владельцем стал ее муж, отставной подпоручик Николай Николаевич Манухин. С 1872 по 1878 гг. усадьба принадлежала купцу первой гильдии Карлу Яковлевичу Бушу, а после него — коллежскому асессору Владимиру Федоровичу Дмитриеву и его наследникам (вдове Любови Федоровне, сыновьям Валериану, Федору, Сергею, Владимиру и дочери Екатерине), которые 19 сентября 1890 г. продают ее действительному статскому советнику Ивану Васильевичу Рукавишникову.

Начался новый период в истории усадьбы, продолжавшийся, несмотря на смену владельцев (от отца к сыну Василию Ивановичу, от него к племяннику Владимиру Набокову), вплоть до революции. При Рукавишниковых прежде всего приводится в порядок парк, устраивается в нем теннисный корт, беседки, мостики, строятся оранжерея, дом садовника, сохранившийся до нашего времени, другие постройки. Дом и парк, ставшие приютом и фоном первой любви юного Владимира Набокова, связываются в нашем сознании с действием романов «Машенька», «Дар», нескольких рассказов. В 1916 г. их будущий автор по завещанию умершего дядюшки В.И. Рукавишникова становится последним владельцем Рождественской усадьбы.

После революции в доме располагалась школа, позднее — краеведческий музей, переросший затем в историко-литературный и мемориальный музей В.В. Набокова. Случившийся 10 апреля 1995 г. пожар почти полностью его уничтожил. В настоящее время дом внешне восстановлен, но предстоят еще значительные отделочные работы, его оборудование, создание современной экспозиции.

ВЫРСКАЯ МЫЗА

Для матери писателя Елены Ивановны Рукавишниковой, выросшей в Рождествено, создается особая усадьба — Вырская мыза, ныне административно входящая в состав села Рождественна. Гора с фундаментом первой Рождественской церкви петровского времени расположена на осях, организующих пространство сразу двух усадеб — рождественской и вырской. Вырский парк граничит со старым рождественским кладбищем, фактически сливаясь с ним. Река Оредежь связует также два парковых ансамбля и определяет во многом ландшафт того и другого. Со стороны села к ней ведут две дороги, обсаженные березами, — одна от слияния рек, огибая гору с местом старой Рождественской церкви; вторая от новой Рождественской церкви, мощенная булыжником; третья, подъездная, идет от Сиверской, пересекая сельцо Выру со знаменитым «Домиком станционного смотрителя». Для отличия от сельца Набоков Вырскую мызу называет «наша Выра». К «Другим берегам» писатель даже приложил план, по памяти фиксирующий топографию местности с дорогами и реками, связующими усадьбы.

Первым хозяином вырских земель был Петр Федорович Малютин, друг семьи Рылеевых, генерал-лейтенант, командир лейб-гвардии Измайловского полка, которому их подарил Павел I. В 1817 г. он продал Выру в составе шести деревень действительной тайной советнице Марии Федотовне Донауровой — вдове Михаила Михайловича Донаурова, одного из приближенных Павла I, его личного секретаря и библиотекаря. При ней и создается Вырская усадьба со Старым парком, как его называет и Набоков. На картах пушкинского времени усадьба значится как «мыза Донауровой». К Вырской мызе было

приписано пять селений: Поддубья, Грезна (поминаемая, как мы помним, еще в старых новгородских и шведских писцовых книгах), Домищи (ныне Даймище), Ляды и Парушино. В 1838 г. при мызе числится «дворовых мужского пола 9, женского 8, управитель и конторщик, медноплотильный завод, лесопильный завод, мукомольная мельница»⁷.

Сын М.Ф. Донауровой, Петр Михайлович Донауров, становится следующим владельцем мызы, которую он в 1860 г. продает тайному советнику Василию Михайловичу Быкову, умершему на другой год. Его вдова Мария Антоновна в 1865 г. выходит замуж за сенатора Марка Николаевича Любоцинского. В «Дневнике» литератора и цензора А.В. Никитенко в 1866 г. сделана следующая запись о поездке в Выру: «Завтра в шесть утра еду к Марку в имение его жены Выру, за Гатчиной».⁸

В 1874 г. владелицей Вырской мызы становится Ольга Николаевна Козлова, бабушка писателя, на имя которой она была куплена ее отцом лейб-медиком, президентом Медико-хирургической Академии Н.А. Козловым. Она владела усадьбой вплоть до смерти, потом усадьба переходит ее дочери Елене Ивановне Рукавишниковой, в замужестве Набоковой, которая фактически была владелицей усадьбы со времени свадьбы с Владимиром Дмитриевичем Набоковым.

При Рукавишниковых значительно расширяется парк, неслучайно и Набоков делит его на Старый и Новый. При Рукавишниковых строится и новый дом, отдельные детали которого представляются по «Другим берегам»: «... посреди дома, выростая из длинного, залоподобного помещения или внутренней галереи, сразу за вестибюлем поднимается на второй этаж, широко и полого, чугунная лестница; паркетная площадка второго этажа, как палуба, обрамляет пролет с четырех сторон, а наверху стек-

лянный свод и бледно-зеленое небо». Этот самый зал-холл или галерея служил вместе с тем и библиотекой: «... стены внутренней галереи, посреди которой поднималась лестница, были уставлены полками с книгами; добавочные залежи находились в одном из чуланов верхнего палубообразного этажа». Северо-восточный угол первого этажа занимала «многооконная, орехом обшитая столовая». Ее местоположение определяется указанием на расположение окон: «Одно из восточных окон выходило на край села у парадного подъезда...»

Этот дом сгорел в 1944 г., когда в нем находился ветеринарный техникум. Сохранился фундамент, остатки оранжереи, молочный погреб, скотный двор, прослеживается планировка парка. Фотографии зафиксировали все фасады дома. Описания же, которые дает Набоков в романах и рассказах, позволяют представить себе обстановку дома, его интерьеры, «топографию», если можно так выразиться, сориентироваться в расположении комнат, уточнить их назначение. Прежде всего это комнаты, памятные автору. Особенно подробно описана классная во втором этаже: «Вижу нашу деревенскую классную, бирюзовые розы обоев, угол изразцовой печки, отворенное окно: оно отражается вместе с частью наружной водосточной трубы в овальном зеркале над канапе... Зеркало насыщено июльским днем. Лиственная тень по белой с голубыми мельницами печке. Влетевший шмель, как шар по резинке, ударяется во все лепные углы потолка и удачно отскакивает обратно в окно».

Пользуясь описанием комнаты Ганина в романе «Машенька», нетрудно представить себе комнату его создателя в Вырском доме: «Лежишь точно на воздухе. Постель слева отгорожена от двери камышовой ширмой, сплошь желтой, с плавными сгибами. Направо, совсем близко, в углу — киот: смуглые образа за

стеклом, восковые цветы, коралловый крестик. Два окна — одно прямо напротив, но далеко; постель будто отталкивается изголовьем от стены и метит в него медными набалдашниками изножья... Второе окно, в правой стене, выходит на зеленоватую косую крышу: спальня во втором этаже, а это — крыша одноэтажного крыла, где людская и кухня. Окна запираются на ночь белыми створчатыми ставнями».

И далее: «Направо от постели, между киотом и боковым окном, висят две картины: черепаховая кошка, лакающая с блюдца молоко, и скворец, сделанный из собственных перьев на нарисованной скворешнице. Рядом, у оконного косяка, приделана керосиновая лампа, склонная выпускать черный язык копоти. Есть еще две картины: литография — неаполитанец с открытой грудью — над комодом, а над рукомошкой — нарисованная карандашом голова лошади, что, раздув ноздри, плывет по воде.

<...> Когда привстанешь, то видишь верхушки лип, круто прохваченные желтым солнцем, <...> и часть деревянного навеса над мягкой красной дорогой перед парадным крыльцом. Оттуда доносятся изумительные звуки: щебетанье, далекий лай, скрип водокачки».

Соотнесение этих описаний позволяет идентифицировать местоположение комнаты Набокова в Вырском доме. На фотографии восточного торцевого фасада с навесом над подъездом левое окно второго этажа угловой комнаты и есть то, что расположено против его (или Ганина) кровати. Подобный сопоставительный ряд может быть продолжен. Этот ряд дополняет и по-своему расцвечивает картину, которая складывается на основе сохранившихся материалов, фотографий, обмеров фундамента. Все это вместе может лечь в основание реконструкции первоначального облика дома в случае его восстановления. Безусловно, поскольку

речь идет в данном случае о том, что называется «новодел», то о воссоздании цельной картины прошлого облика не может быть и речи. Однако, при том, что в восстановленном доме, доминанте местности, может быть расположен, к примеру, музейно-культурный центр, отдельные помещения, прежде всего комната Набокова, могут быть представлены в мемориальном виде. К подобному варианту склоняется и сын писателя Д.В. Набоков, о чем уже несколько лет ведутся соответствующие переговоры. При поддержке наследника многие проблемы могли бы быть решены, если бы существовала для того законодательная почва, если бы был решен вопрос о реституции.

БАТОВО

Казенное селение Батово Дворцовой Рожественской волости Софийского уезда Петербургской губернии в 1796 году в числе других деревень было пожаловано вступившим на престол Павлом I поминавшемуся выше подполковнику Петру Федоровичу Малютину, который стал вскоре генералом и командиром лейб-гвардии Измайловского полка. В 1800 г. он по-родственному подарил Батово Анастасии Матвеевне Рылеевой, матери будущего поэта и декабриста К.Ф. Рылеева. В семействе Рылеевых Батово называли не иначе как Петродар. На памятной стеле в Батово значится, что здесь родился Рылеев, тогда как ему исполнилось уже пять лет, когда он впервые был привезен сюда, а в 1801 г. определен в Первый кадетский корпус, закрытое учебное заведение, которое и закончил в 1814 г. Только по пути в действующую армию он на несколько дней заезжал сюда. Более основательно Рылеев обустраивается в Батово в 1819 г., когда, выйдя в отставку, переезжает в Петербург с молодой женой Натальей Михайловной, урожденной Тевяшевой.

На рождественском кладбище и ныне можно видеть памятник на могиле скончавшейся в Батово 2 июня 1824 г. матери декабриста А.М. Рылеевой с эпитафией «Мир праху твоему женщина добродетельная».

В думе Рылеева «Царевич Алексей в Рождествене» отражены не только местные предания, но и окружающий пейзаж:

Страшно воеет лес дремучий.

Ветр в ущелиях свистит,

И украдкой из-за тучи

Месяц в Оредежь глядит.

Там разбросаны жилища

Угнетенной нищеты,

Здесь стоят средь высоты

Деревенского кладбища

Деревянные кресты.

Между гор, как под навесом,

Волны светлые бегут

И вослед себе ведут

Берега, поросши лесом.

О красоте здешних мест писал один из гостей Батова Александр Бестужев: «Местоположение там чудесное, тихая речка вьется между крутыми лесистыми берегами, инде расширяется плесом, инде подмывает скалы, с которых сбегают звонкие ручьи. Тишь и дичь кругом...»⁹

В письме к жене, уехавшей на время к матери на Украину, Рылеев пишет 27 января 1825 г.: «В деревне продолжают возить лес: уже привезено до 200 бревен. Весною съезжу на неделю и займусь поправкою дома и флигеля к твоему приезду».¹⁰

Имение было заложено, и нужно было выплачивать проценты, о чем Рылеев, уже узник Петропавловской крепости, заботясь о будущем материальном благополучии дочери и жены,

напоминает последней: «Между тем не позабудь, что 2-го июля должно будет внести в Ломбард около 700 руб. Об этом относись в Ломбарде к чиновнику Уткину: он всегда мне услуживал. В деревне прикажи овес и сено продать».¹¹ Батово решено было продать. Прося о «деревне пропечатать в газетах», Рылеев пишет, чтобы жена не забыла упомянуть, что «кроме 700 десятин земли, показанных на плане, при деревне 200 десят[ин] строевого лесу особняком, на который плана не взято от Сената. (...) Я долго обдумывал и полагаю, что в твоём положении деревню непременно надобно будет продать, хотя с убытком...»¹²

Согласно его воле, жена договаривается о продаже имения соседке, владелице Вырской мызы М.Ф. Донауровой за 43 тысячи рублей. Однако после казни Рылеева были объявлены торги и владельцем Батова стал коллежский асессор Василий Семенович Тимофеев, купивший его за 52,5 тысячи рублей. По описи, составленной при этом, в Батово числится 4 «белых» и 14 «черных» изб, господский дом — деревянный, одноэтажный, обшитый досками и выкрашенный масляной краской, разделенный сенями на две половины: на четыре комнаты с печью и на две с печью. Земли числится более 900 десятин, большая часть под лесом. Опись отмечает, что имение «состоит на выгодном местоположении, по случаю протекающей мимо реки Оредежи».¹³

До середины XIX века имение еще дважды меняло владельцев, пока в 1854 г. его владелицей не станет Нина Александровна Корф, урожденная Шишкова (1817-1895), жена генерал-лейтенанта Фердинанда Николаевича Корфа (1805-1869), прабабушка писателя В.В. Набокова. В 1875 г. Батово перешло во владение ее дочери Марии Фердинандовны (1842- 1925), продавшей его в конце 1913 г. обществу «Строитель». В «Других берегах» В.В. Набоков вспоминает «прелестное бабушкино Ба-

тово». Получив в 1967 г. присланные с родины фотографии дорогих ему мест, он пишет стихотворение «С серого севера» («С серого севера / вот пришли эти снимки...»), закончив его словами:

Вот это Батово.

Вот это Рождествено.

Другой внук Марии Фердинандовны, С.С. Набоков, родившийся в Батове, вспоминал: «Последней владелицей Батова была наша бабушка, Мария Фердинандовна, рожд. Корф, которая продала его в 1913 г. (или 1912?). Куплено оно было (если не ошибаюсь, в 1860-х годах) ее матерью, бар. Ниной Александровной Корф, рожд. Шишковой, из Самарских Шишковых, Булгаковых и т.д. (см. «Багров внук» и т.д. С.Т. Аксакова, чей сын был женат на сестре Нины Александровны)».

Относительно самого барского дома он сообщает, комментируя одну из его фотографий: «Предполагаю, что башенка над домом и полукруглый двухэтажный балкон «ротондой» были пристроены позднейшими владельцами (бар. Ниной Алекс[андровной]. Корф, рожд. Шишковой, либо Дмитрием]. Ник[олаевичем]. Набоковым)».

Остальная часть (двухэтажная с крыльями) считается современной первым владельцам (Эссенам; если не ошибаюсь, мать Рылеева была рожд. Эссен) и это от нее он унаследовал Батово.

На фотографии первые четыре окна слева от полукр[уголого]. балкона — это была столовая. Направо от нее два следующие окна, из которых второе — под балконом — не видно, была гостиная; за ней, вправо, следовала зала, а вправо от нее, вдоль всего крыла, упирающегося в парк — жилые комнаты и спальни.

На втором этаже угловая комната — могла бы быть спальней, либо кабинетом Рылеева.

За ней, вправо, была большая комната с выходом на балкон, неопределенного назначения (могла бы быть частью его личных апартаментов), за ней — спальня для гостей (в наши дни)».¹⁴

К своему описанию С.С. Набоков прикладывает им нарисованный план усадьбы с обозначением дома, служб, сохранившейся до нашего времени подъездной аллеи, а также якобы любимой рылеевской, которая известна со слов Набокова как «Le Chemin du pendu» («тропа висельника»).

Поскольку усадебный дом сгорел в 1923 г., то в настоящее время не представляется возможным устранить очевидные противоречия в описании дома 1826 г. и сделанного С.С. Набоковым в отношении того, что же от рылеевского сохранилось в нем. Это одна из многих проблем, которые возникают при размышлении о прошлом, настоящем и будущем всех трех усадеб.

Вышедший в 1999 году, когда отмечалось 100-летие со дня рождения Набокова, выпуск 3-й «Набоковского вестника», так и озаглавленный «Набоковские родовые гнезда», был, прежде всего, посвящен набоковским усадьбам, включив материалы специальной конференции, поддержанной Институтом «Открытое общество». Авторы сборника — филологи, искусствоведы, реставраторы — посвятили свои статьи историческому прошлому усадеб, тем художественным и книжным собраниям, которые в них хранились, современному их состоянию и предложили свои подходы видения их будущего, представили уже существующий проект восстановления рождественской усадьбы. Отсылая читателя к этим работам, хочется высказать лишь несколько соображений.

Прежде всего хочется выразить несогласие с позицией реставраторов и авторов проекта восстановления дома в Рождественские внесли в него коррективы после пожара и, как они пишут, «сочли целесообразным на фасадах восстановить первую обшивку из гладких досок (под каменную архитектуру), то есть воссоздать здание на 1-ю половину XIX в., когда оно использовалось уже как усадебный дом». Абсолютно ясно, что, так как для нас этот дом в первую очередь памятник, связанный с именем Набокова, и располагается в нем музей Набокова, то и восстанавливать его следует придерживаясь «допожаровой документации» (выражение авторов), когда «усадебный дом предполагалось реставрировать на рубеж XIX и XX вв., то есть на Рукавишниковский период».¹⁵

Что же касается Вырской мызы, то необходимо продолжить начатые в юбилейном году переговоры местных властей и сына писателя Д.В. Набокова о передаче территории усадьбы наследникам с дальнейшим использованием ее после восстановления в качестве их владения и одновременно набоковского музейно-культурного центра. В этом смысле следует согласиться с одним из авторов упомянутого сборника, так высказавшегося по этой проблеме: «В этой связи представляется, что восстановление для наследников Владимира Владимировича Набокова Вырской мызы могло бы стать даже не столько памятником великому писателю, сколько продолжением, казалось бы, навсегда прерванной жизни усадьбы».¹⁶

Наконец, в Батове следует провести комплексное научное исследование территории усадьбы, включающее в себя раскопки и изучение фундамента дома, архивные поиски проектов его перестройки, фотографических материалов и т.д. Только после этого можно будет решить вопрос о будущем усадьбы — стоит

ли восстанавливать дом или ограничиться памятными знаками, а если восстанавливать, то в каком виде и как его использовать.

Одно ясно: рассматривать будущее каждой из набоковских усадеб следует во взаимосвязи, на базе уже существующего музейного образования, формируя единый историко-литературный, мемориальный и ландшафтный заповедник, для чего есть все основания в их историческом прошлом и реальном настоящем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Неволин К.А. О пятинах и погостах новгородских в XVI в. // Записки Императорского Русского географического общества. Кн. VIII. СПб., 1853. Приложение I. С.36.

² Краткое экономическое примечание к генеральному Атласу Российской империи. РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Ед. хр. 127. № 19.

³ Писцовые книги Ижерской земли. Т. I. Отд. 1. 1618 — 1623. СПб., 1859. С. 123.

⁴ Владимир Набоков. Переписка с сестрой. Ardis, Ann Arbor, 1985. С. 58.

⁵ ЦГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 127. Л. 19.

⁶ РГИА. Ф. 1293. Оп. 168 — СПб. губ., № 37.

⁷ Описание Санктпетербургской губернии по уездам и станам. СПб., 1838. С. 38.

⁸ Никитенко А.В. Моя повесть о себе самом: Записки и дневник. Т. 2. СПб., 1905. С. 299.

⁹ Памяти декабристов. Вып. I. Л., 1926. С. 48.

¹⁰ Сочинения и переписка Кондратия Федоровича Рыльева. СПб., 1872. С. 286.

¹¹ Там же. С. 310.

¹² Там же. С. 313.

¹³ Звенья. Сб. материалов и документов по истории литературы и искусства. Т. 9. М., 1951. С. 202.

¹⁴ Набоков С.С. Письмо А.В. Волкову. Публикация А.А. Семочкина // Набоковский вестник. Вып. 3. Родовые гнезда. СПб., 1999. С. 176-178.

¹⁵ Коляда М.И., Яковлева Г.Г. Рождественская усадьба. Новое об историческом прошлом и проблемы реставрации // Набоковский вестник. Вып. 3. Родовые гнезда. СПб., 1999. С. 122.

¹⁶ Шатилов Д.А. О перспективах восстановления усадебного комплекса Вырской мызы // Набоковский вестник. Вып. 3. Родовые гнезда. СПб., 1999. С. 138.

А. Н. РОЗОВ

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СЕЛЬСКОГО СВЯЩЕННИКА И ПОМЕЩИКА

О роли церкви, ее служителей в духовной и повседневной жизни основной массы сельских прихожан — крестьян можно узнать из разнообразных источников. Это историко-статистические и этнографические описания приходов, отдельных населенных пунктов, сделанные священнослужителями по заданиям и программам разных комитетов, прежде всего Русского географического общества.¹ Это сведения о состоянии православного вероисповедания по всем епархиям России, которые становились основой ежегодных отчетов обер-прокурора Священного Синода.² Это тексты проповедей, отражающие особенности местного быта и обличающие суеверия, предрассудки, чуждые духу христианства обычаи и обряды. Это разные церковные документы, имеющиеся при любой церкви: записи о крещении с датой рождения младенца, с указанием его родителей и восприемников, записи о венчании, смерти, списки исповедовавшихся и принявших причастие, сведения о пожертвованиях в пользу храма и т.д. Это очерки, заметки, дневники, воспоминания, напечатанные в различных изданиях, главным образом, начиная со второй половины XIX в. Наконец, это литературные произведения, рассказывающие о деревенском быте.

Все перечисленные материалы должны способствовать разрешению важной, практически неизученной темы о роли духовен-

ства в традиционной крестьянской культуре. Однако, кроме крестьян, среди сельских прихожан были купцы, служащие из земских и волостных управ, учителя, врачи, помещики. Количество прихожан-некрестьян заметно увеличилось в ходе церковной реформы, осуществлявшейся после отмены крепостного права, когда в России повсеместно осуществлялось укрупнение приходов.

В данной статье будет рассмотрена, с одной стороны, роль сельского священника в жизни русского барина, с другой, — роль помещика в церковной и внецерковной деятельности настоятеля храма. При анализе этих ролей необходимо, во-первых, иметь в виду определенные временные рамки, так как взаимоотношения священника и барина в эпоху крепостничества, особенно в XVIII и в начале XIX вв., и после его отмены существенно различались. Во-вторых, часто неодинаков был характер общения служителя церкви со знатными, богатыми дворянами, которые лишь на короткое время приезжали в свою усадьбу, и с бедными, мелкопоместными помещиками, которые почти безвылазно жили у себя в имении. В-третьих, надо учитывать разное отношение дворян к православию: от искреннего всестороннего благочестия (ср., например, образ отца гр. Д.Н. Толстого, выведенного им в автобиографии³), соблюдения лишь всей внешней церковной обрядности (ср. отношение к православию в семье героя «Пошехонской старины»⁴), до равнодушия к церкви, отчетливо проявляющегося в мемуарах А.Т. Болотова,⁵ или полного неприятия религии, либо предпочтения католицизма.

Следует отметить сложность выявления источников для изучения означенной темы. В основном это лишь мемуарно-автобиографическая литература, созданная как дворянами, так и священно-церковнослужителями, которая далеко не всегда объективна. В качестве источников можно назвать и юбилейные заметки, и

некрологи, посвященные духовным лицам, но и данная информация также не отличается объективностью (в статье они не учитываются).

Проблема взаимоотношений духовного и дворянского сословий еще не стала предметом анализа исследователей. Некоторые этнографы, краеведы⁶ только обнаружили материалы, обнаруженные в епархиальных архивах. Однако подобные документы, состоящие главным образом из жалоб и доносов, отражают исключительно факты недостойного поведения как помещиков по отношению к служителям церкви, так и, гораздо реже, наоборот. Неслучайно А.Н. Минх сетует на то, что архивные дела не содержат никаких сведений о наиболее ревностных священниках.⁷ Добавлю, что нет там и сведений о благочестивых дворянах. В работах О.В. Кириченко⁸ роль священников в жизни дворян не рассматривается. В статье А.Ф. Белоусова приводятся примеры неприязни дворянства к духовенству.⁹

Это вызвано несколькими взаимосвязанными причинами. В первую очередь — сословными различиями. Состоятельные и сановные дворяне даже в послереформенное время «смотрят на священника свысока и говорят с ним всегда покровительственным тоном».¹⁰ Еще более негативной была оценка сельского пастыря до реформы. «Церковь (для крепостника — А.Р.), как и все остальное, — писал М.Е. Салтыков-Щедрин, — была крепостная, и поп при ней — крепостной. Захочет помещик — у попа будет хлеб, не захочет — поп без хлеба насидится».¹¹ Действительно, многие дворяне или их предки строили на свои средства храмы, заботились об их украшении¹² и содержании. Они же жертвовали на церковь иконы, служебные книги, утварь или давали деньги на приобретение этих необходимых атрибутов. Такие помещики относились к церкви и к ее имуществу как к

своей собственности и считали себя вправе диктовать свою волю настоятелю. В частности, назначать удобное для себя время начала обедни, созывать прихожан колокольным звоном только при выходе бар из усадьбы,¹³ сокращать богослужение, находиться в храме на самых почетных местах, ожидать от священника и прочих причетников оказания им знаков особого уважения. Некоторые владельцы усадеб даже позволяли в храме действия, неположенные церковным уставом. Так, один из пензенских помещиков в течение многих лет в день своих именин после молебна выслушивал многолетие позволяли действия в храме, неположенные церковным уставом. Так, один из пензенских помещиков в течение многих лет в день своих именин после молебна выслушивал многолетие «болярину Григорию Александровичу». Когда же новый дьякон отказался провозглашать многолетие, сославшись на устав, то это, в конце концов, стоило ему многих унижений, даже порки, после чего он был вынужден перевестись в другой приход.¹⁴ Одна барыня всякий раз перед крестинами присылала священнику (отцу И.А. Розанова) записку, в которой сообщалось, как следует назвать младенца. Делалось это для того, чтобы батюшка не дал ребенку имя кого-либо из членов помещичьей семьи.¹⁵

Священник, действительно, чаще всего ощущал себя всецело зависимым от воли барина или барыни, которые могли прекратить щедро платить за требы, уменьшить средства, выделяемые на содержание церкви, запретить крестьянам принимать батюшку в их избах и т.д. Пастырь, попавший в опалу по жалобе помещика архиерею, мог лишиться обжитого места и быть переведенным в новый приход, что всегда было сопряжено с огромными материальными затратами. Наконец, по той же жалобе можно было по приказу епархиального начальства попасть

в виде наказания на какой-то срок в монастырь или даже лишиться сана. Подобные наказания особенно характерны для XVIII — начала XIX вв.¹⁶ В тот же период чрезвычайно распространены избиения всех членов причта, в том числе и священников, не только дворянами, но и представителями всех других слоев общества.¹⁷ Видимо, это явление стало настолько распространенным по всей России, что неоднократно выходят в свет указы, постановления правительства, запрещающие помещикам «чинить побоев и оскорблений духовным лицам» (указ Сената от 28 апр. 1769 г.).¹⁸ Однако телесные наказания для членов церковного клира были отменены лишь при Павле I.¹⁹

С другой стороны, священно- и церковнослужители всячески старались заслужить покровительство влиятельных прихожан, способных помочь своим любимцам сделать карьеру. Это было сделать довольно легко, т.к. знатные дворяне, презрительно относясь к низкому, белому духовенству, считали возможным для себя общаться с духовенством черным, начальствующим. Например, одна помещица, построившая в селе церковь, воспользовавшись своей близостью к епископу, добилась того, что настоятелем храма и протоиереем стал ее протеже, хотя он был слишком молод для подобного сана.²⁰ Другой помещик убедил архиерея, что раз он вложил свои деньги в строительство храма, то может сам отбирать причетников. В результате дьяконом в новой церкви стал дьячок — «негодяй и пройдоха».²¹

Подобное протежирование в какой-то степени является отголоском тех времен (по XVIII в. включительно), когда прихожане могли сами выбрать себе священника и дьякона. Конечно, самым весомым здесь всегда являлось слово помещика. Владельцы поместий могли способствовать назначению в священники

кого-либо из писарей, лакеев или крестьян, причем дети такого батюшки-крестьянина оставались крепостными.

Хозяева усадьбы могли мешать исполнению священником одной из своих важнейших ролей: воспитательной, наставнической. Помещик мог запретить служителю церкви открыть в селе школу для крестьянских детей.²² Заставить крестьян работать в воскресные и праздничные дни²³, нарушая тем самым правительственный указ 1818 г., запрещающий использовать крестьян на барщине по воскресеньям и праздникам, что мешало им посещать церковь. Следить за соблюдением данного указа было поручено беспорядочному духовенству. Некоторые крепостники запрещали священнику венчать молодые пары по их желанию, или, наоборот, заставляли батюшку насильно венчать молодых только по воле их хозяина, что противоречило церковному обряду. Только отдельные, наиболее сильные верой и духом служители церкви, как будет показано ниже, осмеливались противоречить помещикам, вступать с ними в борьбу, защищать свое достоинство и достоинство прихожан-крестьян.

Еще одной причиной неравноправных взаимоотношений сельского клира и дворянства являлась полная материальная зависимость причта от всех слоев общества и в большей степени от помещиков, которым к тому же принадлежало самое главное в деревне богатство — земля. Только от воли помещика зависело, сколько земли получит от него священник, какие луга будут выделены под сенокосы, будет ли позволено иметь лес для строительства, ремонта и обогрева жилища. Именно поэтому, имея в своих руках экономические рычаги давления на сельское духовенство, помещики были для него, перефразируя И.К. Смолича, властью, гораздо более близкой и осязаемой, чем две другие власти: государство и епархиальное начальство.²⁴

Священник, в дореформенный период совсем не получавший казенного жалования, а затем получающий его в явно недостаточной мере, должен был идти на все формы унижения, чтобы обеспечить семью, как правило многодетную, заплатить за обучение сыновей, подготовить приданое дочерям. Из-за нехватки средств почти все сельское духовенство вынуждено было, в ущерб своему пастырскому предназначению, заниматься всеми видами сельского хозяйства: пахать, сеять, косить траву, разводить домашний скот и птицу, убирать урожай. Имеется масса материалов, свидетельствующих о том, что на всем протяжении XVIII столетия и до первых десятилетий следующего столетия своими домами, их обстановкой, внецерковной одеждой, обувью, пищей священники почти ничем не отличались от крестьян. Более того, наблюдались случаи, когда из-за крайней бедности священники были вынуждены жениться на крестьянках, а дочери духовных лиц выходить замуж за крестьян.²⁵

Далеко не всегда раболепие перед состоятельными прихожанами приносило свои плоды. Некоторые богатые дворяне, даже будучи людьми набожными и не жалеющими средств на храм, могли не любить причетников. Это негативное отношение к ним выражалась, в частности, в чрезвычайно скудной оплате за совершенные требы (даже крестьяне платили за то же больше). Например, одна пензенская помещица в первой половине XIX века накануне храмового праздника решила, чтобы в ее доме была отслужена всенощная. Она послала за причетниками, которые ходили по крестьянским домам с молебнами. Те, прекратив свой обход, который длился уже несколько часов, немедленно пришли к барыне и до полуночи служили всенощную с двумя акафистами. За это барыня дала на всех 10 копеек. Здесь впервые в жизни безумно усталый священник, обычно

смиранный и кроткий, не выдержал и попросил большую сумму. Старуха разъярилась, выгнала всех, пообещав «попишке» отомстить за дерзкую речь. Через два месяца священник был вызван к архиерею, который спросил его, почему он обидел барыню. Убедившись в невинности о. Сергия, архиерей посоветовал ему искать новый приход. Сергей отслужил в селе 40 лет, здесь были могилы его отца и деда, также священников, поэтому он решил повиниться перед помещицей, которая не сразу, но все-таки приняла его извинения. Однако в дальнейшем она в наказание за «жадность» даже уменьшила плату за требы.²⁶ Данный пример показывает, насколько субъективным, несоответствующим истине, может быть распространенное и в крестьянской среде представление об алчности духовенства. Еще одной формой унижения причетников, также встречающейся не только у дворян, но и у крестьян, было наделение требоисправителей старыми, стертymi, специально подобранными монетами.²⁷

Обычно в приходах в течение долгого времени действовал определенный «тариф» за те или иные требы, к которому прихожане должны бы были привыкнуть. Однако мог найтись «переживающий» за крестьян их хозяин, заставляющий священника снизить положенную сумму (за причетников, потерявших немалую сумму, и за их семьи никто не переживал).

Наблюдались и противоположные случаи, когда священники удостоивались дружбы с кем-либо из мелких помещиков. При этом служители церкви получали двойную выгоду: «помещики уболагодворяли их сами и в то же время приказывали крестьянам побольше жертвовать причту».²⁸

Наконец, третьей причиной нерасположения дворянства, особенно высшего, к духовенству являлось чрезвычайно низкий

образовательный уровень последнего, который наблюдался вплоть до первой половины XIX в. Как известно, в течение всего XVIII столетия духовное сословие формировалось, в первую очередь на окраинах России, например, в Поволжье, за счет выходцев из простонародья, которое в большинстве своем было неграмотным.²⁹ Например, по данным А.Н. Минха, в 1786 г. в Казанской епархии 381 священник не умел читать, писать, петь по нотам. Такие священники могли из года в год повторять в храме одно и то же Евангелие, вы зубренное наизусть,³⁰ были неспособными произнести проповедь. Кроме того, следует отметить недостаточное количество духовных учебных заведений. Когда же их число, начиная с первых десятилетий XIX в., увеличилось, и правительство взяло курс на повышение образовательного ценза духовного сословия, сельские причетники по разным причинам, в том числе и из-за невозможности платить за учебу, крайне неохотно отпускали своих сыновей на учебу. По свидетельству А.Н. Минха в 1811 г. в Вольском уезде Саратовской губернии у 274 причетников лишь 32 сына находились на учебе, а 207 жили при отцах.³¹ Отправка на учение часто напоминала рекрутский набор. «Детей духовенства ловили с помощью земской полиции, — пишет известный профессор Петербургской Духовной Академии Д.И. Ростиславов, — связывали, заковывали в кандалы и так отвозили в семинарии. Брели и детей-подростков 10 — 15 лет и даже женатых уже отцов».³² Из-за нежелания учиться, из-за тяжелых условий в духовных учебных заведениях наблюдалось массовое бегство учащихся.

Сан священника можно было получить, сдав экзамен либо в архиерейском доме, либо в семинарии, причем, судя по некоторым воспоминаниям, испытание это часто носило формальный характер.³³

Некоторые дворяне знали церковную службу лучше священника и могли прямо в храме поправлять священника, например, во время чтения Евангелия.³⁴ К тому же духовные лица, как и крестьяне, не сомневались в существовании леших, домовых, боялись колдунов, ведьм, верили в приметы, при болезнях пользовались теми же дедовскими средствами. Все эти обстоятельства также не способствовали росту авторитета сельского духовенства.

Однако следует отметить, что отсутствие у служителей церкви училищного или семинарского образования не всегда свидетельствовало об их малограмотности. Сыновья причетников могли получать домашнее образование, постепенно проходя в храме все ступени низшего клира: от чтеца до дьячка. Участь чтению по богослужебным книгам, овладевая нотной грамотой, приобретая большой практический опыт, они, получив свой сан после испытания у епархиального начальства, гораздо успешнее исполняли пастырские обязанности, чем выпускники духовных учебных заведений.³⁵ Такие священники, получив у церковных и мирских авторов со второй половины XIX столетия название «старые» или «неученые», противопоставляются приходящим им на смену «новым» или «ученым», окончившим полный семинарский курс. Первые прекрасно знали характер и привычки каждого прихожанина, им были известны все суеверия и предрассудки, распространенные в приходе, не один десяток лет служили они Богу рядом с другими членами причта. Они действительно часто были духовными пастырями для своей паствы и главой церковного клира. «Новым» же священникам, людям образованным, нередко имевшим городские манеры, трудно было найти общий язык не только с прихожанами-крестьянами, но и с младшими причетниками. В мемуарах второй половины XIX — начала XX вв. появляется совершенно не известный до того времени образ

настоятеля храма, совершенно раскованно, на равных чувствуя себя в дворянском обществе. Он франтовато одет, сам пишет стихи и читает сочинения знаменитых поэтов, играет на гитаре и поет новейшие романсы, открыто курит и не прочь во время домашнего маскарада нарядиться в платье хозяйки. Он презирает мужиков и баб за грязь и грубость, равнодушен к церкви, хотя и служит там «исправно и благочинно». В конце концов, уже не дворяне, а прихожане-крестьяне, причетники жалобами и доносами добиваются его перевода в другой, бедный приход.³⁶

Говоря о низком образовательном уровне сельского духовенства XVIII — первой половины XIX вв., нельзя не отметить подобного же явления среди помещиков, особенно средне- и мелкопоместных. Многие из них, в первую очередь женщины, были полуграмотными или совсем неграмотными, сохраняя при этом свой гонор. А.Т. Болотов, И.С. Беллюстин, И.А. Розанов, В.А. Гольцев, И.И. Дубасов, А.Н. Минх, Д.Д. Солодовников,³⁷ А. Терентьев³⁸ приводят массу фактов о пустой, безнравственной жизни бар, наполненной одними развлечениями, об отсутствии у них книг, об одинаковой с крестьянами вере в заговоры, колдунов, приметы, суеверия и предрассудки. Например, при трудных родах просили священника открыть в церкви царские врата, для того, чтобы не умирали младенцы, отбирали особым способом крестных родителей, считали, что встреча со священником не к добру, верили в счастливые и несчастливые дни, не сомневались в существовании основных персонажей народной демонологии и т.д., и т.п.

Три названные выше причины нерасположения дворянства к сельскому духовенству, не всегда оптимальные отношения священнослужителей с другими сословиями приводили к возникно-

вению несоответствия между высокой общественной миссией священничества и его реальным положением в обществе. Священник, как посредник между Богом и человеком, должен был объединить все разрозненные и обособленные слои общества под воздействием основных догматов христианства. В действительности же, он, совсем не получающий жалованья, либо получающий в недостаточной мере, оказался материально зависимым от всех слоев общества, что во многом снижало возможность воздействовать на паству, усиливало негативное отношение к служителям церкви. Такое униженное состояние духовенства и возможные пути выхода из него активно обсуждались в церковной и светской литературы с середины XIX в. и по 1917 г.

Несомненно, такое отношение к церковникам, как будет показано дальше, во многом влияло на характер взаимоотношений двух сословий, однако в целом не мешало настоятелям храмов занимать значительное место во внеусадебной и усадебной жизни помещиков.

Церковь³⁹ в сельской местности играла большую консолидирующую роль в жизни каждого прихожанина, чем в городе. В двенадцатые, а чаще в храмовые праздники здесь вместе со своими семьями, родственниками и знакомыми собирались все дворяне,⁴⁰ жившие в границах прихода, богатые и сановитые, а также небогатые мелкопоместные помещики, их крепостные, а впоследствии вольные крестьяне, дворяне, купцы, чиновники, учителя, врачи, фельдшеры и т.д.⁴¹ Присутствующие в храме сообща крестились, слушали и пели хором молитвы, припадали к кресту, жертвовали на церковь в общую кружку.⁴² На клиросе бок о бок исполняли церковные песнопения дворяне и сельчане.⁴³ В одинаковой мере строительство нового храма было благочестивым делом как для барина или барыни, целиком соорудивших цер-

ковь на свои средства, так и для сельской общины, собиравшей с каждого своего члена посильную сумму.

Для большинства прихожан, независимо от сословности, храм — это место, где крестили, венчали, исповедовали, причащали их самих или их детей, отпевали родственников или знакомых. Здесь каждый мог заказать молебен за здоровье или упокой, поставить свечку и помолиться перед образами.

Во многих мемуарах, в автобиографической литературе авторы, описывая свои детские годы, с особым чувством описывают то необычайно радостное событие, каким был в их довольно скучной и однообразной жизни выезд всей семьи в приходскую церковь в праздники.

Обычно в храме строго соблюдалась определенная субординация: наиболее именитые дворяне стояли ближе к алтарю или клиросу, и им первым священник давал целовать крест, благословлял, поздравлял с праздником, раздавал просвирки.⁴⁴ Писатель А. Верещагин (брат художника), вспоминая детство, писал, что незадолго до конца обедни отец Мефодий посылал дьячка, который первую просвирку давал дяде, жившему около церкви, затем отцу, приехавшему из другой деревни и женам братьев. Помещики получали самые большие просвирки, их жены поменьше, а барчукам доставались накрошенные кусочки. После обедни настоятель храма сначала давал приложиться к кресту дяде, кропил его святой водой, здоровался и поздравлял с праздником. Затем ту же процедуру проходили отец и супруги братьев. Во время кропления господ и закончив его, священник долго беседовал с помещиками, не обращая внимания на других прихожан. Всем же другим, находившимся в церкви, в том числе и барчукам, о. Мефодий давал крест не глядя и кропил сухим кропилом.⁴⁵

Иногда за обладание самым почетным местом мог возникнуть спор. Один священник первым поднес крест стоявшему рядом генералу. Находившийся по соседству богатый помещик и члены его семьи отказались приложиться после генерала. При этом помещик пригрозил, что запретит священнику ходить с праздничными молебнами по избам своих крестьян и не будет принимать его в усадьбе. На счастье священника генерал согласился уступить свою очередь.⁴⁶ Из приведенных примеров, а число их можно легко умножить, видно, что отношение священников в храме к помещикам, особенно к богатым и знатым, отличалось от отношения к другим прихожанам.

Особый ритуал, схожий по торжественности с приездом архиерея, существовал при встрече приехавших в село его владельцев. Священник с крестом в руках, причетники с иконами и хоругвями ожидали бар за оградой храма. Здесь же несколько поодаль стояли крестьяне. Затем в церкви служился благодарственный молебен с многолетием.⁴⁷

Наконец, еще одним проявлением особого почтения к дворянам было погребение их либо прямо в храме (чаще всего здесь хоронили человека, внесшего свой значительный вклад в его строительство), либо в пределах церковной ограды. Очевидно, подобные похороны стоили дорого: об этом косвенно свидетельствует значительная сумма, необходимая для захоронения богатых сельских прихожан в церковной ограде, называемая корреспондентами Тенишевского бюро (Архив Российского этнографического музея).

В данной статье были выявлены причины, мешавшие гармоническим контактам сельского священника и помещика, рассматривалось их взаимоотношение в храме. Остается лишь проанализировать наиболее типичные случаи внецерковного общения

представителей этих двух сословий во время посещения дворянами пастырского дома и священнослужителями помещичьей усадьбы.

Помещик и члены его семьи могли быть гостями священника, во-первых, тогда, когда церковь находилась на значительном расстоянии от имения. Поэтому, чтобы не ехать ночью к ранней заутрене, выезжали из дома накануне с целью переночевать у священника.⁴⁸ Во-вторых, сюда могли заходить после службы для того, чтобы отметить праздник за общим столом, который навсегда оставался в памяти будущих мемуаристов.⁴⁹ В-третьих, помещик во время своих разъездов мог сделать остановку в священническом доме как в самом чистом, ухоженном в деревне, отдохнуть там, перекусить, пообщаться с хозяином.⁵⁰

Следует отметить, что визит в дом священника наиболее почетных прихожан, и не только из числа дворян, был традиционным для самых важных церковных дат: Рождества Христова, Пасхи, престольных праздников. В ряде случаев гостями пастыря становились почти все взрослые прихожане-мужчины. Одного священника, жившего около города, буквально разорили гости как из местных дворян (в приходе их было 20 человек), так и из городских. Кроме них визит наносили и чиновники консистории.⁵¹

В усадьбу помещика священник приходил один или с причтом для совершения различных треб, в качестве визитёра, гостя и, наконец, учителя.

Среди треб следует, прежде всего, назвать служение всенощных накануне двенадцатых и престольных праздников. Такое богослужение осуществлялось не только причетниками во главе с настоятелем храма, в нем участвовали и певчие. Его свидете-

лями, участниками становились как вся семья владельцев имения, их родственники и знакомые, заполнявшие комнату с образами (ее нередко так и называли «образная»), так и дворня, а также наиболее почетные крестьяне, заполнявшие коридоры, соседние помещения. «Всенощную (в рождественский сочельник — А.Р.), — пишет М.Е. Салтыков-Щедрин, — служили чинно с миропомазанием, а за нею следовал длинный молебен с водосвятием и чтением трех-четырех акафистов. Служба кончалась поздно, не раньше половины десятого (начиналась около семи часов — А.Р.)». ⁵² Сам набожный хозяин мог принимать активное участие в службе, например, во время водосвятного молебна, обходя все комнаты впереди священника с чашей со святой водой. ⁵³

Священника могли приглашать в дом для служения всенощных в течение всей страстной (предпасхальной) недели, что наносило ущерб основной, главной службе в церкви и, по словам И.С. Беллюстина, противоречило Духовному Регламенту, гласившему: «великое суеверие и тщеславие неких мирских лиц есть попы в дом звать на пение вечерни или заутрени и прочая». ⁵⁴

Кроме предпраздничного молебна дворянин, приехав в свое имение, мог пригласить пастыря для совершения благодарственной молитвы с водосвятием всего дома или накануне свадьбы позвать его для служения всенощной тоже с водосвятием, ⁵⁵ наконец, для чтения молитвы у постели только что разрешившейся от бремени барыни. ⁵⁶ Не только радостные, но и тревожные, печальные события в усадьбе, как и в домах других прихожан, не обходились без духовных лиц. По свидетельству С.Т. Аксакова, во время болезни его матери, помимо приглашения докторов, из церкви приносилась местночтимая икона Иверской Божьей Матери, и прямо в спальне причт служил молебен. ⁵⁷

Священник обязан был исповедовать, причащать и соборовать больных.

Из всех внецерковных обрядов наиболее значимыми были обходы прихода, совершаемые клиром в Рождество Христово, Крещение, на Пасху или в храмовый праздник.⁵⁸ Этот обход обычно начинался с дома помещика,⁵⁹ жившего в данном селе,⁶⁰ и славление Христа, Богоматери, того или иного святого происходило особенно торжественно, без всяких сокращений.⁶¹

После славления, заканчивающегося, как правило, многолетием всему семейству, причт приглашался к столу.⁶² И тут часто священники опять подвергались унижению, к которому они, впрочем, привыкли за долгие годы службы. «Очень немногие из помещиков, — пишет П.П. Семенов-Тянь-Шанский, — <...> сажали их за один стол с собою, остальные отсылали попов за особый стол, угощая их простым вином и простыми закусками».⁶³ В имени Верецагиных стол для «попов» был накрыт в девичьей, куда в конце трапезы заходил хозяин усадьбы и спрашивал причетников: довольны ли они угощением? Те благодарили барина и уходили продолжать обход домов прихода.⁶⁴ Конечно, как будет показано дальше, всегда были священники с чувством собственного достоинства, умевшие стать желанными гостями в барском доме.

Наконец, настоятель храма мог быть приглашен в усадьбу за свадебный стол после венчания или на поминки.

Священник, особенно тот, который только что прибыл в приход, должен был нанести визит для представления каждому из приехавших в усадьбу помещиков и с просьбой чем-то помочь. Здесь, в передней, его могли унижить долгим ожиданием окончания барского завтрака, выходом помещика «в растегнутом халате, в туфлях на босу ногу, с чубуком в зубах»,⁶⁵ отказом в просьбе о помощи.

В небогатых, мелкопоместных семействах священник часто становился своим человеком, особенно для барынь. Например, о. Иларион для матери А.Т. Болотова, а потом и для него, был самым лучшим собеседником, «приятным гостем», рассказывающим обо всех новостях в приходе, дающим подробнейшую характеристику соседним помещикам. Он же лучший советник и наставник в наиболее сложных случаях жизни.⁶⁶ Другой пастырь, о. Алексей, образованный и начитанный; он употребляет латинские фразы, выписывает газету «Северная Пчела», что было в 1830-х гг. редкостью не только для духовных лиц, но и для помещиков, читает иностранные романы, произведения Вольтера. Ему одинаково комфортно и в крестьянском, и в «благородном» обществе. О. Алексей дружит с бабушкой М.И. Венюкова, часто бывает у нее в гостях и также выступает в роли советчика, предлагая старой барыне отдать внука не в кадетский корпус, а в дворянский пансион.⁶⁷

Не следует забывать и еще об одной важной роли как городского, так и сельского духовенства: роль домашних учителей барчуков. У многих из них первыми наставниками были духовные лица: семинаристы, дьячки, дьяконы и священники. Державина с четырех лет читать и писать учили «церковные»,⁶⁸ М.И. Венюкова учит дьякон, а «экзаменует» священник⁶⁹ и т.д.

В заключение необходимо отметить, что всегда, и в XVIII и XIX столетиях, находились служители храма, умные, образованные, обладающие чувством собственного достоинства, ревностно служащие Богу и всем прихожанам, самоотверженно выполняющие миссию духовного наставника своей паствы. Всегда были истинно благочестивые дворяне, которые не только неукоснительно придерживались церковных норм и обрядов, но и беско-

рыстно помогали ближним, в том числе и духовенству. Так, о. Петр из Симбирской губернии, получивший прекрасное домашнее образование благодаря усилиям отца и местного помещика, служил в течение сорока лет (с 1780-х гг. до 1828 г.). Он был поборником просвещения и благочестия. В 1822 году, что было в то время большой редкостью, он на свои деньги построил школу, купил школьные принадлежности, книги. Сам нанимал учителей из числа грамотных дворовых людей и платил им. Для многих дворян о. Петр был интересным собеседником, настоящим духовным отцом. Не боялся осуждать модного тогда Вольтера, утверждал, что для истинно верующего человека недостаточно пожертвований на храм, а следует еще заботиться «о сознательном усвоении истин христианства и приложения их к своей жизни».⁷⁰

В 1810 — 1820-х гг. о. Тихон Тихомиров сумел сплотить вокруг церкви и себя, настоятеля храма, всех прихожан. Одинаково почетный гость в бедной избе и в усадьбе, он всегда получал помощь от крестьян и помещиков.⁷¹

Другой священник в самом начале XIX в. не побоялся вступить в борьбу с помещиком, который не позволял крепостным свободно посещать церковь и совершать там требы. Пастыря не остановили жалобы и доносы барина епархиальному начальству. В конце концов он одержал победу.⁷²

Властный и честолюбивый помещик, заставляющий старика священника часами ждать его у церкви для служения обедни, добившийся перевода в новый приход двух новых пастырей, не смог уговорить И.А. Розанова служить здесь на самых выгодных условиях. Очередной же настоятель храма стал служить обедню всегда в 9 часов, не ожидая появления барина. Тому пришлось подчиниться новому порядку.⁷³

Протоиерей Андрей Альбицкий, приглашенный на свадебный обед в общество знатных дворян, вступает за незнакомого священника, которого один из гостей презрительно называет Степкой. О. Андрей говорит, что нельзя унижать своего духовника, а если он не всегда ведет себя надлежащим образом, в чем-то слаб, то надо поговорить с ним, в крайнем случае обратиться к его начальству.⁷⁴

Все эти примеры, а число их можно увеличивать до бесконечности, показывают, что сельский священник играл немаловажную роль в жизни владельцев усадеб. Значимость этой роли во многом зависела от личности пастыря, от его отношения к своей непростой миссии — духовного наставника своей паствы, а также от личности каждого прихожанина, от простого крестьянина до самого богатого и знатного дворянина.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Одни из подобных описаний публиковались в изданиях РГО, в церковной и светской периодике. Другие хранятся в архивах, например, в архиве РГО, в Российском этнографическом музее и пр.

² Отчеты обнародовались в церковных изданиях, например, в журнале «Церковный вестник», в епархиальных ведомостях и т.д.

³ (Гр. Д.Н. Толстой). Автобиография обыкновенного человека // Русский архив. 1912. Кн. 1. Вып. 3. С. 333 и след.

⁴ Салтыков-Щедрин М.Е. Пошехонская старина // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. в 20 т. Т. 17. М., 1975. С. 36 (Далее: Салтыков-Щедрин). Отмечу, что восприятие лишь обрядовой стороны православия было характерно не только для большей части дворянства, но и для мещанства, купечества, чиновничества, и особенно для крестьянства.

⁵ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. М., 1993 (Далее: Болотов).

⁶ Дубасов И.И. Из тамбовских летописей // Исторический вестник. 1880. Т. III. № 9. С. 120 — 133 (Далее: Дубасов-1880); Он же:

Тамбовский край в конце XVIII и начале XIX столетия // Там же. 1884. Т. XVII. № 8. С. 313 — 339; № 9. С. 551 — 583 (Далее: *Дубасов-1884*); *Минх А.Н.* Быт духовенства Саратовского края в XVIII и начале XIX столетий // Тр. Саратовск. ученой архивн. Комиссии. 1908. Вып. 24. С. 55 — 73 (Далее: *Минх*).

⁷ *Минх*. С. 65.

⁸ *Кириченко О.В.* Православный храм в жизни русских дворян XVIII в. // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. С. 92 и след.; его же: Традиции православной религиозности у русских дворян XVIII столетия Автореф. канд. дисс. М., 1997.

⁹ *Белоусов А.Ф.* Образ семинариста в русской культуре и его литературная история (от комических интермедий XVIII века — до романа Надежды Хвоцинской «Баритон») // Традиции в фольклоре и литературе. СПб., 2000. С. 159 — 176.

¹⁰ (*Розанов И.А.*) Записки сельского священника. Быт и нужды православного духовенства. Записки пересмотрены и исправлены автором. СПб., 1882. С. 263. (Далее: *Розанов-1882*).

¹¹ *Салтыков-Щедрин*. С. 36. Неслучайно, что сельский батюшка Матусевич, служивший в конце XVIII в., так и называет каждого помещика своего прихода «баринном». Для И.С. Беллюстина даже во второй половине XIX столетия городской священник «нечто среднее между «своим» дворником и подоконным нищим», а священник сельский находится «в положении лакеев блаженных времен крепостничества» (*Беллюстин И.С.* Что сделано по вопросу о духовенстве // *Беседа*. 1871. Кн. XI. Нояб. С. 73. Далее: *Беллюстин-1871*).

¹² Женская половина многих дворянских семей занималась рукоделием, произведения которого затем отдавались в церковь. По свидетельству мемуариста гр. Д.Н. Толстого это были: расшитые золотом, блестками и стеклярусом церковные облачения, воздухи и пелены (/гр. *Д.Н. Толстой*/. Автобиография обыкновенного человека // *Русский архив*. 1912. Кн. 1. Вып. 3. С. 346).

¹³ Для того, чтобы не пропустить этот момент, на колокольне дежурил кто-либо из низших причетников (Дома и на войне. 1853 — 1881. Воспоминания и рассказы Александра Верещагина. СПб., 1886. С.75; Далее: *Верещагин-1886*).

¹⁴ *Сацердотов М.* Из рассказов духовного ветерана // Пензенск. епарх. введ. Ч. неофиц. 1891. 1 окт., № 19. С. 733 (Далее: *Сацердотов*).

¹⁵ (*Розанов И.А.*). Записки сельского священника // *Русская старина*.

1880. Т. 27. № 3. С.472 (Далее: Розанов-1880).

¹⁶ Дубасов-1884. С. 573.

¹⁷ См.: Минх; Дубасов-1880; Дубасов-1884; Соловьев С.И. История России с древнейших времен. М., 1964. Кн. XII. Т. 23. С. 32.

¹⁸ Гольцев В.А. Законодательство и нравы в России XVIII в. Изд. 2. СПб., 1896. С.98.

¹⁹ Титов А.А. Павел Пономарев, архиепископ Ярославский и Московский // Русский архив. 1905. Кн. 2. Вып. 7. С. 441.

²⁰ Записки протоиерея Певницкого // Русская старина. 1905. Т. 123. № 7. С. 121.

²¹ Титов А.А. Из записок архиепископа Саввы // Русский архив. 1908. Кн. 2. № 6. С. 242.

²² Смирнов Н. Обстоятельства, расстраивающие благотворное влияние пастыря на паству // Пензенск. епарх. ведом. Ч. неофиц. 1882. 1 апр., № 7. С. 2. До сих пор, по свидетельству Смирнова, некоторые помещики устраивают в эти дни так называемые «помочи», отвлекая прихожан от церкви.

²³ Даже сельские старосты без ведома помещиков могли заставить крестьян работать в эти дни (Аксаков С.Т. Детские годы Багрова-внука. Л., 1984. С. 34. Далее: Аксаков).

²⁴ Смолич И.К. История русской церкви. 1700 – 1917. Т. 8. Ч. 1. М., 1996. С.371 – 372.

²⁵ Минх. С. 61 (Саратовская губерния, 1788 г.)

²⁶ Сацердотов. С. 738 – 739.

²⁷ Салтыков-Щедрин. С. 37.

²⁸ Дубасов-1884. С. 579.

²⁹ Минх. С. 56. В 1778 году англичанин У. Кокс, посетивший Россию, также указывает на низкий уровень приходского духовенства (Россия сто лет назад. 1778. Путешествие Уильяма Кокса // Русская старина. 1877. Т. 19. № 5. С. 46).

³⁰ Сацердотов. // № 23. С.798.

³¹ Минх. С. 61. Не менее впечатляющие данные приводятся и по другим уездам (см. с. 62).

³² (Ростиславов Д.И.) Записки Д.И. Ростиславова // Русская старина. 1880. Т. 27. № 1. С. 14 – 15.

³³ Свящ. П.Е. П-в. Воспоминания бывшего семинариста // Духовный вестник. 1865. Т. 10. Янв. С. 189.

³⁴ Салтыков-Щедрин. С. 37.

³⁵ Альфа. Неученый священник (Биографический очерк) // Пензенск. епарх. ведом. Ч. неофиц. 1884. 1 янв. № 1. С. 13 – 14. (В очерке речь идет о начале XIX в.). В другом селе под Пензой все священники, служившие здесь до 1846 года, учились лишь дома (Пензенск. епарх. ведом. Ч. неофиц. 1870. 16 мая. № 10. С. 315). Любопытно, что в благочестивых дворянских семьях барчуки получали такое же домашнее образование. Д.Н. Толстой в детстве прочел Часослов, Псалтырь. Под руководством отца серьезно изучал Новый завет, во время всенощных, служившихся в усадьбе, исполнял роль псаломщика. В результате, к 14 годам он был знаком со всем кругом церковных книг, прекрасно знал церковнославянский язык, а устав богослужений и церковный чин знал не хуже дьяка (С. 350).

³⁶ Из воспоминаний Н.А. Малевского-Малевича // Русский архив. 1911. Кн. 3. Вып. 10. С. 278. Здесь как бы реализуется грустно-иронический вывод И.А. Розанова о том, что для удовлетворения дворянского общества сельский священник должен быть «баринном» и не знаться с мужиками (Розанов-1882. С. 10).

³⁷ Солодовников Д.Д. Рязанские помещики XVIII в. // Тр. общества исследователей Рязанского края. Вып. 20. Рязань. С. 6.

³⁸ Терентьев А. Некоторые черты из повседневной жизни помещиков Бирюченского уезда прошлого и настоящего времени // Воронежская беседа на 1861 г. СПб., 1861. С. 196-214.

³⁹ В статье не рассматриваются домашние церкви, нередко со своим причтом, имевшиеся в некоторых богатых усадьбах в XVIII – начале XIX вв. Подробнее о них см. в статье О.В. Кириченко. С. 94 – 95, 97.

⁴⁰ Один из мемуаристов писал, что церковь для всех помещиков и помещиц «служила для них духовной и вместе с тем родственной связью» (А.Л. Воспоминание о трех русских православных священниках (Из пережитого, но не забытого прошлого) // Душеполезное чтение. 1871. № 1. С. 2).

⁴¹ Если церковь принадлежала какому-то влиятельному роду, то на храмовый праздник могло приезжать губернское или уездное соборное духовенство, которое вместе с сельским причтом совершало особо торжественную литургию (См. автобиографию гр. Д.Н. Толстого. С. 345). В том случае, когда село располагалось не слишком далеко от города, сюда на службу и приуроченную к празднику ярмарку съезжались и горожане.

⁴² Уникальным примером нарушения консолидации прихожан являлась церковь, построенная генералом Саловым в Саранском уезде Пензенской губернии. Она состояла из алтаря и двух частей для молящихся: холодной для крестьян и теплой с удобствами, нехарактерными для православного хра-

ма — двумя широкими диванами. Здесь молились помещик, его родня и приятели (*Жемчужников Л.М.* Мои воспоминания из прошлого. Вып. 2. В крепостной деревне 1852 — 1857 гт. М., 1927. С. 200).

⁴³ В дореформенное время некоторые состоятельные владельцы усадеб позволяли себе иметь и гордиться хором из своих крепостных, и опытным регентом, тоже из крепостных или вольных людей. Имеются свидетельства о любви некоторых помещиков к пению и чтению на клиросе (*Аксаков. С.* 187; *Баратынский А.* Отец Петр, священник села Беклемишева // *Странник.* 1861. Т. 2. Июль. С. 91).

⁴⁴ Строго определенным было и расположение простых прихожан: справа от входа вставали мужчины, слева женщины; впереди стояли мальчики, девочки — в конце церкви. Кроме того, сельское начальство и богачи занимали наиболее почетные места.

⁴⁵ Дома и на войне. 1853 — 1881. Воспоминания и рассказы Александра Верещагина. СПб., 1886. С. 76 — 77.

⁴⁶ *Розанов-1880.* С. 472 — 473.

⁴⁷ Там же. С. 65.

⁴⁸ *Болотов.* Т. 1. С.145.

⁴⁹ *А.А.* Воспоминания о трех русских православных священниках... С. 2; *С.Б.* Из недавнего прошлого. (Бытовые очерки) // *Русская старина.* 1910. Т. 14. № 8. С. 246 — 264.

⁵⁰ *Болотов.* Т. 3. С. 58

⁵¹ *Розанов-1882.* С. 80.

⁵² *Салтыков-Щедрин.* С. 458.

⁵³ *Верещагин-1900.* С. 43.

⁵⁴ Цитирую по: *Беллюстин-1871.* С. 61 — 62. Тем не менее не только всенощные, но и заутрени, заказные обеды служились не только в XIX, но и в XVIII в. (*Болотов.* Т. 1. С. 130).

⁵⁵ *Болотов.* Т. 2. С.198; С. 194

⁵⁶ Из воспоминаний М.И. Венюкова. Кн. 1. 1832 — 1867. Амстердам, 1895. С.2. (Далее: *Венюков*).

⁵⁷ *Аксаков.* С.144 — 145.

⁵⁸ О важности подобного обхода особенно в деревнях свидетельствует тот факт, что отец А.И. Герцена, который в Москве почти никогда не принимал причетников или просил их служить в пустой комнате, приезжая в свое имение, всегда выходил к пришедшим к нему духовным лицам (*Герцен А.И.* Былое и думы // *А.И. Герцен.* Собр. соч. в 8 т. М., 1975. Т. 4. С. 50 -51).

⁵⁹ Если престольный праздник посвящался святым, покровительствующим домашнему скоту, например Косме и Дамиану (Кузьме и Демьяну), то причт сразу после обедни шел с иконами на барский скотный двор, где устраивался молебен с водосвятием. Там же причетников угощали праздничными яствами, приготовленными помещичьем поваром. Затем клир отправлялся к другим прихожанам, а к полудню приходил в усадьбу (*Верецагин-1900. С. 33 - 43*).

⁶⁰ В том случае, если в одном селе, либо поблизости жило несколько помещиков, то сначала приходили к самому знатному и богатому, который, во-первых, щедрее одаривал причетников, а, во-вторых, мог обидеться, что христославение началось не с него. Впрочем, иногда первым посещался дом самого (самой) старшего (старшей) среди дворян (*Венюков. С. 28*).

⁶¹ Многие корреспонденты церковных изданий осуждали священников за то, что они совершали богослужение у знатных и богатых прихожан с большим вниманием, усердием и полнотой, чем у бедных (*Х.О. Об угождении христиан // Руководство для сельских пастырей. 1870. Т. 3. 11 окт., № 41. С. 202*).

⁶² Дом помещика причт посещал и в те праздники, в которые обход прихода не совершался. Обычно это происходило после обедни.

⁶³ Мемуары П.П. Семенова-Тян-Шанского. Т. 1. Детство и юность (1827 - 1855). С. 51.

⁶⁴ *Верецагин-1886. С. 78.*

⁶⁵ *Розанов-1882. С. 73 - 75.*

⁶⁶ *Болотов. Т. 1. С. 130; 228; Т. 2. С.197 - 198.*

⁶⁷ *Венюков. С.1; 47.*

⁶⁸ Записки из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающая в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина // *Г.Р. Державин. Избранная проза. М., 1984. С. 24.*

⁶⁹ *Венюков. С. 35 - 37.*

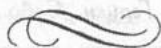
⁷⁰ *Баратынский. С. 90 - 99.*

⁷¹ *А.Л. Воспоминания о трех русских православных священниках... С. 3-5.*

⁷² *С.Н.С. Три священника села А-ки // Руководство для сельских пастырей. 1864. Т. 1. 19 янв., № 3. С. 100-101.*

⁷³ *Розанов-1880. С. 76.*

⁷⁴ *Альбицкий А. (прот.). О нареканиях на приходское духовенство за его поборы с прихожан // Руководство для сельских пастырей. 1882. Т. 3. 19 дек., № 51. С. 452 - 460.*

М. А. ПОЛЯКОВА

**УСАДЕБНАЯ КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПОТЯСАЕНИЯ В РОССИИ
(двадцатые годы XX века)**

«В 1917 г. обозначилась обреченность русской усадьбы и всего с нею связанного. Опустили дома, белые колонны рухнули. В десять лет создан грандиозный некрополь. В нем — культура двух столетий. Здесь погребены памятники искусства и быта, мысли и образы, вдохновлявшие русскую поэзию, литературу, музыку, общественную мысль» — так писал А.Н. Греч, определив с беспощадной точностью значение грандиозного социального взрыва 1917 г. для русской усадебной культуры, подчеркнув ее агонию.¹ Не точен он был только в одном — создание грандиозного некрополя в первые десять послереволюционных лет только началось, этот процесс — долгий и противоречивый, не закончился и по сей день. Всестороннее исследование этого процесса — дело будущего, но уже сейчас, опираясь на многочисленные источники, прежде всего, архивные, можно с уверенностью сказать: многое из того, что происходило с усадебным наследием в первое послереволюционное десятилетие, имеет самое непосредственное отношение к культуре наших дней.

Главный вопрос, который с особой остротой стоял в те годы, — как сохранить усадебное наследие и максимально использовать его в новых социально-экономических условиях. Экономические реалии сегодняшнего дня — коммерциализация,

жесткий расчёт — опять выдвинули на повестку дня все тот же вопрос — как использовать чудом сохранившиеся до наших дней подлинные усадебные ансамбли, которых с каждым днем становится все меньше. Русская усадьба умирает, этот неоспоримый факт настойчиво требует выбора той формы использования усадьбы, которая бы позволила с наименьшими потерями сохранить уникальные объекты. И опыт 20-х годов, несомненно, интересен и полезен.

Конечно, прямых аналогий между 90-ми и 20-ми годами быть не может. И вместе с тем, сегодня многие проблемы изучения и сохранения русской усадьбы уходят корнями в первое послереволюционное десятилетие. В данной статье сделан акцент на некоторых, актуальных и сегодня, проблемах бытования русской усадьбы в 20-е годы. Это, прежде всего, проблемы использования и сохранения целостности усадебной культуры.

Итак, что же происходило с усадьбой после 1917 года, когда из социально-экономической ячейки общества она превращается просто в архитектурное сооружение, которое необходимо как-то использовать? Ответить на поставленный вопрос нам помогут материалы тех учреждений, которые занимались усадьбами в те годы — Музейного отдела Н.И. Троицкой, созданного 28 мая 1918 г. (планы и отчеты, переписка, доклады эмиссаров), Управления государственными музеями-усадьбами и музеями-монастырями, созданного в 1926 г., и непосредственно отчеты и переписка музеев-усадоб.

С 1917 года, после отмены частной собственности и отъезда многих владельцев из России, остро встала проблема использования оставшихся без хозяев земельных угодий, дворцов и особняков. Первые же законодательные документы нового правительства коснулись и усадоб. Это, прежде всего, Декрет о земле, принятый

на II Всероссийском съезде Советов 26 октября 1917 года, в котором подчеркивалось, что конфисковывались все помещичьи, монастырские земли «...со всем живым и мертвым инвентарем, со всеми постройками и принадлежностями». Ответственность за сохранность усадеб возлагалась на местные советы, которые должны были печатывать дома и пресекать всякое расхищение усадебных ценностей. В ряде усадеб элементарная охрана была создана — опечатаны комнаты с художественными ценностями, нанят сторож. Вместе с тем, именно с первых послереволюционных дней мы можем начинать отсчет первых потерь в усадебном наследии. Крестьяне, наивно полагая, что вся бывшая помещичья усадьба принадлежит им, распоряжались по своему усмотрению барским имуществом. Устраивались аукционы, усадьбы разорялись и часто сжигались. Документы тех лет (отчеты губернских отделов народного образования) пестрят сведениями о том, что местное уездное и губернское начальство принимает экстренные меры по розыску похищенного, часто прибегая к помощи народной милиции.² Особенно трудно было сохранить художественные ценности в тех районах, которые были отмечены сильными волнениями крестьян, недовольных новой властью. Это, например, касается центрально-черноземного региона, где розыск похищенных усадебных ценностей стал одним из направлений деятельности местных советов. Некоторые усадебные ценности так и не были найдены. Так, коллекцию декабриста К. Рылеева (архив, рисунки, библиотека) из острогожского имения его жены музейные работники Острогожской картинной галереи так и не сумели выкупить у местных крестьян.

Ощутимые утраты в усадебном наследии выдвинули на повестку дня первостепенную задачу — зафиксировать и спасти художественные ценности. Именно эта задача была поставлена

перед Музейным отделом Н.И. Троцкой, в частности, перед подотделами провинциальной охраны и провинциальных музеев. Эмиссары, направлявшиеся в различные усадьбы, должны были составлять инвентаризационные описи и вывозить культурные ценности в Национальный музейный фонд или местный музей. Эта работа, представленная в определенном романтическом ореоле, отражена в ряде известных научно-популярных изданий, а также в научных исследованиях.³ В данной статье хотелось бы заострить внимание на тех проблемах, которые имеют, на наш взгляд, принципиальное значение в развитии усадебной культуры сегодняшнего дня.

Во-первых, очень важно понять, какими критериями руководствовались эмиссары при обследовании усадеб. Задача, поставленная перед ними Декретом от 5 октября 1918 г., была достаточно четкой: «Взять на учет находящиеся во владении обществ, учреждений и частных лиц монументальные памятники, собрания предметов искусства и старины» (под «монументальными» памятниками в данном документе подразумевались архитектурные сооружения и усадьбы).⁴ Практически все архивные документы (отчеты эмиссаров, планы и отчеты Музейного отдела) свидетельствуют о том, что регистрация «монументальных», или, используя современную терминологию, «недвижимых» памятников, была задачей вторичной, подчиненной другой, более приоритетной задаче — учету и вывозу художественных ценностей. При анализе докладов эмиссаров обращает на себя внимание то, что в них сделан акцент на «внутреннем содержании» усадеб — художественных ценностях, книгах, мебели, исторических раритетах. Об архитектуре усадебных ансамблей, даже уникальных, сказано очень сдержанно (о Дубровицах, Введенском, Братцеве). Усадьбы среднепоместного и мелкопоместного дворянства,

как правило, не обладавшие ни выдающимися архитектурными сооружениями, ни уникальными коллекциями, получали однозначную оценку «ничего интересного».⁵ Заметим, что именно таких усадеб было подавляющее большинство.

Таким образом, в первые послереволюционные годы сохранность усадебных ансамблей во многом зависела от наличия в них высокохудожественных ценностей. Нельзя забывать, что объем вывоза художественных ценностей был огромен. Вполне понятно, что специалисты стремились выявить «самое-самое», высокохудожественное и уникальное. Но таких «уников» было не так много. Основной поток был из вещей второстепенных и третьестепенных, т.е. тех, которые, в лучшем случае, навечно оседали в музейных запасниках, в худшем — шли на оформление интерьеров местных учреждений или на продажу. Уместно вспомнить одно из высказываний специалиста, имевшего самое непосредственное отношение к атрибуции художественных предметов, заведующего подотделом столичной охраны Музейного отдела М.М. Хуссида. «Национализация, — писал он, — среди безбожной массы хлама не дала нашим музеям ни одной первоклассной вещи, обогатив лишь несколькими десятками вещей среднего достатка».⁶ А этот-то «хлам» и составлял тот средний пласт усадебной культуры, который включал в себя подавляющее большинство предметов из имений среднепоместного и мелкопоместного дворянства, купечества. И как раз этот-то «хлам» и был основой культурного фонда страны, который, к сожалению, не смогли в то время ни оценить по достоинству, ни уберечь и сохранить. А сейчас, по прошествии многих лет, мы изучаем осевшие в фондах музеев, чудом сохранившиеся вещи, свидетельствующие о бытовой усадебной культуре, отмечая их своеобразие и непосредственность.

При таком подходе, основой которого была «уникальность» усадебных коллекций, целостность многих архитектурных комплексов нарушалась — перестраивались дома, хозяйственные постройки, вырубались парки. Особенно это касалось небольших усадеб, которые не обладали ни ценнейшими коллекциями, ни обширными библиотеками, ни выдающимися архитектурными постройками. Вот только несколько строк из отчетных материалов Музейного отдела Н.И.Троцкой: «В доме красноармейцы. Внутри дома все испорчено, изломано и вывезено. От библиотеки осталась одна рвань» — об усадьбе Акатьево Желтухина; «Дом обезображен. Требуется ремонт» — об усадьбе Романцево; «Дом полуразрушен» — об усадьбе Спас-Котово Юсуповых.⁷

Итак, в самые первые послереволюционные годы решались неотложные, «спасательные» задачи. Причем, касались они, прежде всего, художественных и библиотечных усадебных собраний. «Спасение» производилось путем вывоза усадебных ценностей в различные музеи, Национальный музейный фонд, различные учреждения. Этот процесс был противоречивым — с одной стороны, это, пожалуй, был единственно возможный в то время путь сохранения раритетов. С другой стороны, целостность усадебного собрания нарушалась, «уники» отправлялись в центральные музеи, вещи второго сорта пополняли запасники провинциальных музеев или шли на оформление интерьеров местных административных учреждений. Архитектурные ансамбли перестраивались, разрушались, особенно это касалось небольших усадеб «средней руки».

Новым этапом в развитии усадебной культуры стали двадцатые годы. Переломным во всех сферах народного хозяйства — страна перешла к новой экономической политике с ее жесткой экономией

и четким хозяйственным расчетом — стал 1921 год. Ранее единый бюджет был разделен на государственный и местный. Все это самым непосредственным образом отразилось на культуре, охране культурного наследия, в том числе и усадеб. Бюджетные ассигнования на культуру резко сократились. В 1922 г. сеть учреждений Главполитпросвета в целом сократилась на 75%⁸, штат Наркомпроса РСФСР уменьшился в три раза. Естественно, что и штаты Музейного отдела Н.И. Троицкой и губернских музейных учреждений резко сократились. И поставленная перед ними задача изучения зафиксированных после революции памятников была далека от реализации. Отсутствие финансирования очень скоро стало главной причиной сворачивания практически всех работ в сфере охраны наследия. Обследование усадеб и вывоз из них культурных ценностей должны были закончиться к 1920 г., но из-за отсутствия средств этот процесс растянулся до 1928 г. Судя по отчетам Музейного отдела, еще в 1927 г. не были вывезены уникальные предметы из Отрады, Поречья, Кораллова и Чашникова.

На повестке дня остро стоял вопрос использования усадебных ансамблей. В усадьбах открывались школы, народные дома, рабфаки, дома призрения, детские колонии («Лопасня» Гончаровых, «Поречье» Уваровых, «Красково» Орловых, «Сафоново» Кублицкого-Пиотух). Нередко такие усадьбы перестраивались, интерьеры в особняках менялись, парки вырубались. Немногим лучше было положение с усадьбами, в которых открывались санатории. Усадебные дома приспособлялись для нужд отдыхающих, в парках строились новые корпуса (достаточно вспомнить Михайловское, Марфино, Архангельское). И даже в тех усадьбах, где уже были открыты музеи, стоял вопрос о практическом использовании некоторых усадебных помещений. Яркий

пример — Покровское-Стрешнево, которое использовалось одновременно как музей и санаторий. Причем, перестройки в знаменитом Ванном домике «Елизаветино» были столь велики, что специалисты, приехавшие в эту усадьбу, констатировали: «Мы увидели полное разрушение... недалеко то время, когда от Елизаветина останутся, как недавно от знаменитой Ахтырки, одни трубы да печи».⁹

Нередко в усадьбу въезжала солидная организация, имевшая финансовые возможности поддерживать исторически сложившийся облик усадьбы. Но далеко не всегда такая усадьба становилась исключением на мрачном фоне гибели усадебной культуры в целом. Так, в знаменитую усадьбу Кузьминки в августе 1918 г. въехал Институт экспериментальной ветеринарии, который на выделенные ему 500.000 рублей начал переустройство уникальных построек усадьбы. После вмешательства Музейного отдела, пытавшегося остановить строительство, Институт созвал специальное техническое совещание, на котором постановил: «...для устойчивости народного хозяйства, для утилитарно-экономических задач необходимо пренебречь мелкими требованиями красоты и отрешиться от взгляда на красоту как на нечто самодовлеющее»¹⁰ (подчеркнуто мной — М.П.).

Таким образом, утилитарность, практицизм в отношении к культурному наследию и, в частности, к усадьбам, стал основной тенденцией 20-х годов. Особенно отчетливо это проявилось в решении проблемы учета усадеб, или, вернее, переучета всего того, что уже удалось зафиксировать в первые послереволюционные годы. В планах Музейного отдела середины 20-х годов стояла задача «...разобраться в учтенных памятниках, дифференцировать отношение к ним»¹¹, выделить из общего числа наиболее выдающиеся, которые должны были содержаться на

средства республиканского бюджета. Эта задача была признана приоритетной. Был создан специальный Межведомственный комитет, для которого готовился список, основанный на региональных материалах. В губернии и уезды Музейный отдел выслал специальный вопросник о состоянии усадеб. Как же шел этот процесс «ранжирования» усадебного наследия, что было положено в его основу?

Как уже упоминалось, первое, и, пожалуй, самое главное, на чем концентрировалось внимание — это «внутреннее содержание» усадебного дома — коллекции, библиотеки, архивы. Так, в отчете Тамбовского Губмузея середины 1925 года подчеркивалось: «... из многих усадеб, лежащих ближе к городам и музеям, удалось вывезти к себе предметы музейного значения. В виду этого большая часть усадеб утратила всякое историко-художественное значение» (подчеркнуто мной — М.П.).¹²

Уникальность архитектурного решения как критерий определения ценности усадебных ансамблей стояла на втором месте. Здесь действовал общий критерий определения ценности архитектурного объекта. Причем, в основе его лежал хронологический принцип. Выделялись 1613 год как «переломный в эволюции архитектуры после смутного времени», 1725 год — «время решительного преобладания западно-европейских влияний» и 1825 год как расцвет стиля ампир.

Выделялись четыре категории памятников архитектуры — «уники», первая, вторая и третья. Последняя включала в себя каменные постройки от 1725 года, деревянные от 1825 года; охрана предусматривалась «в характерных частях», в случае перестройки планировалась фиксация.¹³ Таким образом, усадебные ансамбли, подавляющее большинство которых было построено в конце XVIII — XIX веках, чаще всего не уклады-

вались в предложенные жесткие рамки. Они снимались с государственного финансирования и переводились на местный бюджет. Заметим, что последний был крайне скудным и расходовался, в основном, на решение неотложных хозяйственных задач — памятники и музеи, увы, не входили в число таковых.

Справедливости ради необходимо отметить, что в приведенных выше методических материалах по определению критериев оценки памятников архитектуры, подготовленных Центральными государственными реставрационными мастерскими, присутствовала фраза о повышении категоричности памятника, если он входил в ансамбль, имел ценные интерьеры и особое историческое значение. Очевидно, что это непосредственно относилось и к усадьбам. Но это важное положение не было детально разработано, а «особое историческое значение» памятника в контексте новых идеологических установок резко меняло свою ориентацию. Как известно, большинство усадеб как раз и являлись историческими памятниками, поэтому критерии их оценки как таковых имели принципиальное значение. Вначале определение этих критериев ограничилось расплывчатой фразой «об относительной важности исторических событий, связанных с данным памятником»,¹⁴ впоследствии само понятие «исторический памятник» все чаще отождествлялось с историко-революционным объектом. На государственный учет ставились памятники, связанные с единичными и коллективными действиями, направленными против крепостного права, царского самодержавия и капиталистического строя.¹⁵ Богатое историческое прошлое страны в значительной степени подменялось историей революционного движения, а помещичья и купеческая усадьбы, в соответствии с этими критериями, историческими памятниками уже не считались.

Обратившись к конкретному материалу, интересно проследить, как менялись оценки одних и тех же усадеб в зависимости от определенных идеологических установок и от тех задач их учета и сохранения, которые диктовались данной социально-экономической ситуацией. Так, некоторые усадьбы Тамбовской губернии в начале 1918 г. определялись как ценные исторические памятники. Усадьба Ю.А. Зиллоти в Козловском уезде была объявлена неприкосновенной, так как была связана с «историческими воспоминаниями» (усадьба принадлежала известному роду Зиллоти, из которого вышли знаменитые актеры, музыканты, в том числе А.И. Зиллоти, основавший в 1903 г. в Петербурге симфонический оркестр. В этой усадьбе в разные годы бывали многие музыканты, в том числе С. Рахманинов). Недалеко от нее находилась усадьба Ивановка Рахманиновых с «... домом старинной постройки, со всеми художественно-историческими ценностями в нем находящимися, как-то: библиотекой XVIII века, семейным архивом, рукописями С.В. Рахманинова, старинной мебелью и проч». Подобная же оценка как историко-мемориального памятника была дана в это время и усадьбе Мара поэта Баратынского.¹⁶

В 1925 г. появилась новая, более краткая, но менее конкретная, оценка достоинств этих усадеб — «памятник старины, искусства и природы».¹⁷ К этому времени усадьба Зиллоти уже была исключена из охранных списков. В августе 1925 г. Мара Баратынского также была снята с учета. В 1927 г. Ивановка Рахманиновых определялась как «ничего не представляющая такого, что могло бы иметь значение как ценная древность или памятник, имеющий значение в истории».¹⁸ Заметим, что все три усадьбы не сохранились до нашего времени.

Если обратиться к цифрам по Тамбовской губернии, то динамика их такова: из 52 учтенных в 1920 г. памятников

архитектуры (из них 22 усадьбы) в 1927 году осталось 8, причем, усадьба оставалась на учете только одна — «Караул» Чичерина.¹⁹

В целом по России цифры следующие: из 540 усадеб, признанных ценными в первые послереволюционные годы, на 1 октября 1926 г. оставлена на учете 221 усадьба (53 — по Московской губернии, 168 — по другим губерниям).²⁰

Таким образом, в 20-х и начале 30-х годов большинство усадеб как историко-мемориальные объекты, не обладавшие уникальными архитектурными постройками, были сняты с учета и лишены финансирования. Такие усадьбы, использовавшиеся в самых разнообразных хозяйственных целях, на фоне отсутствия законодательной основы, регулирующей отношения местных органов власти с арендаторами, перестраивались и разрушались. А усадьбы, оставшиеся без хозяина, чаще всего сгорали. Многие декреты того времени, касавшиеся культурного наследия, в целом были декларативны — реализация их была затруднена из-за отсутствия финансирования. (Это касается, например, подготовки государственного списка памятников по республике в целом. Эта задача, впервые поставленная в Декрете 1918 года, была решена частично лишь в 1935 г.).

Необходимо подчеркнуть, что все это происходило на фоне фактического отсутствия государственной системы охраны культурного наследия. Эта система, созданная в мае 1918 года (центральное учреждение — Музейный отдел Н.И. Троицкой и сеть региональных подразделов), к концу 20-х годов перестала существовать. Такой была ситуация в 20-е годы.

Очевидно, что многие проблемы сохранения усадебного наследия тех лет не потеряли своей остроты и сегодня. Ныне необходимо сберечь чудом еще уцелевшие усадьбы. Но сделать

это необычайно трудно из-за социально-экономической нестабильности, а главное — из-за общего правового вакуума. Пока не будет принят закон об охране культурного и природного наследия, не будут четко проработаны отношения государственных органов охраны, арендаторов и собственников, русская усадьба будет неуклонно разрушаться.

В настоящее время в «усадебоведении» наметилась тенденция изучения усадьбы на стыке экономических, исторических, искусствоведческих и архитектурных знаний. Это дает основание для оптимистических надежд на сохранение малоизвестных, небольших усадеб с интересной историей. Так как знание о памятнике — это основа для его защиты, необходимо уже сейчас приступить к созданию доступного исследователям и краеведам Банка данных об усадебном наследии.

И последнее — для сохранения того, что еще можно сохранить, необходима гласность о состоянии усадеб, т.е. широкое информирование населения о разрушении уникальных памятников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Греч А.Н. Венки усадьбам // Памятники Отечества. 1995. № 32.

² Погромы и волнения // Известия губернского Тамбовского совета. 1917 г. 19 ноября; Волчковская волость Козловского уезда // Там же. 1918 г. 24 апреля; Расхищение б. частновладельческого имущества (Борисоглебск) // Там же. 1918 г. 16 ноября; См. также: ГАВО (Государственный архив Воронежской области). Ф.1. Оп.1. Д.592. Л.11 об, 12; ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф.1404. Оп.1. Д.280. Л.38 об.

³ См. например: Кончин Е.В. Эмиссары восемнадцатого года. М., 1986; Он же. Революцией призванные. М., 1988; Жуков Ю.Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры. 1917-1920. М., 1989, и др.

⁴ Сборник узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства. 1918. № 73. Ст.794.

- ⁵ ОПИ ГИМ.Ф.54.Оп.1.Д.375.Л.98-99.
- ⁶ Хуссид М. Разочарование // Среди коллекционеров. 1921. № 5. С.1.
- ⁷ ОПИ ГИМ. Ф.54. Оп.1 Д.68. Л.277.
- ⁸ Ремизова Т.А. Культурно-просветительная работа в РСФСР (1921-1925). М., 1962. С.33.
- ⁹ ОПИ ГИМ. Ф.54. Оп.1. Д.504. Л.21.
- ¹⁰ Там же. Д.392. Л.30.
- ¹¹ ГАРФ. Ф.2307. Оп.1. Д.112. Л.1.
- ¹² Там же. Ф.2306. Оп 70. Д.47. Л.108.
- ¹³ Еженедельник Наркомпроса РСФСР. 1928. № 3.
- ¹⁴ Там же. С.16.
- ¹⁵ Там же. 1928. № 23. С.27.
- ¹⁶ ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф.1414. Оп.1. Д.116. Л.9; Д.75. Л.4.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф.2307. Оп.9. Д.64, Л.11 об, 12, 12 об.
- ¹⁸ ГАТО. Ф.1. Оп.1. Д.1323. Л.20.
- ¹⁹ Тамбовская правда. 1927. 24 июля.
- ²⁰ ОПИ ГИМ. Ф.54. Оп.1. Д.539. Л.137, 201.

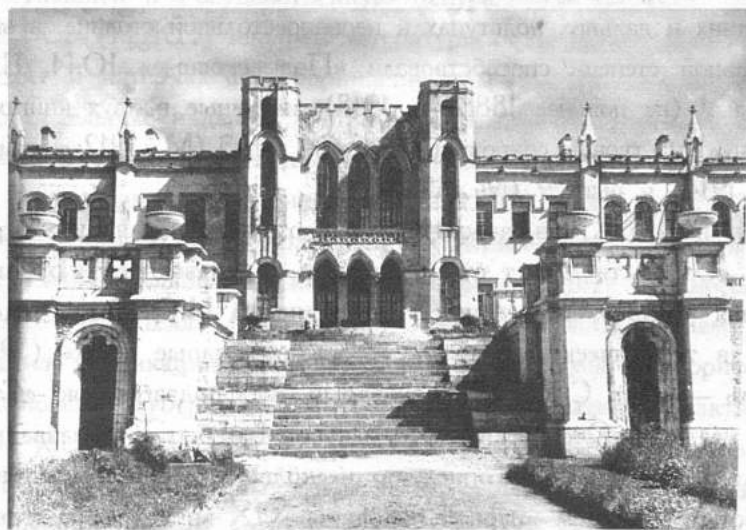

Иллюстрации к статье М.А. Поляковой

Рис. 2. Кузминки, 1920-е гг.

Рис. 2. Марфино, 1920-е гг.

Г. Д. ЗЛОЧЕВСКИЙ

**ВКЛАД ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ УСАДЬБЫ
В СОЗДАНИЕ БИБЛИОГРАФИИ «ПОДМОСКОВНЫХ»**

Внимание российского общества к усадебной теме возникло в начале XX в. Пробудили его публикации о «дворянских гнездах» на страницах ежемесячника «Старые годы» (1907-1916). Та же тема нашла отражение и в многочисленных материалах журнала «Столица и усадьба» (1913-1917).

Популяризации имений, обильно разбросанных в прошлом на ближних и дальних подступах к первопрестольной столице, в значительной степени способствовали «Подмосковные» Ю.И. Шамурина.¹ (не позднее 1888 — 1918), изданные в двух книгах в серии «Культурные сокровища России»: вып. 3 (М., 1912; 2-е изд. М., 1914) и вып. 9 (М., 1914).

В начале XX в. зародилась и соответствующая библиография, если вести отсчет от публикации под названием «Библиография усадеб», подписанной псевдонимом Н.С. Она увидела свет в тематическом выпуске журнала «Старые годы» (1910. Июль — сент. С. 186-192), который имел подзаголовок: «Старые усадьбы: Очерки русского искусства и быта», а названная публикация посвящена описанию нескольких десятков листов и альбомов XVIII — первой половины XIX вв. с изображением «дворянских гнезд», в том числе подмосковных. Автор ее,

Н.В. Соловьев² (1877 — 1915), — одна из ярких фигур Серебряного века. Этот его труд не утратил своего значения до сих пор.

Однако в дореволюционные годы библиография усадеб развития не получила. Она начала формироваться в 1920-х годах в процессе деятельности ОИРУ — Общества изучения русской усадьбы (1922 — 1930), которое вписало важные страницы в эту новую тогда область библиографии. С начала своей деятельности правление Общества считало составление библиографического указателя литературы об усадьбах одной из важнейших задач, направленных на формирование научного аппарата. Уже со второго выпуска «Сборника Общества изучения русской усадьбы» (1927 — 1929) в разделе «Хроника» появился новый подраздел — «Библиография усадеб», который вел член ОИРУ И.М. Картавцов (1895-1971), публикуя систематические списки поступавшей в Государственную центральную книжную палату РСФСР (ГЦКП) текущей литературы об усадьбах. Библиографический материал в «Сборнике...» подразделялся на три группы: отдельные издания, статьи и иконография (перечень изображений усадеб, помещенных без текста).

По заданию правления ОИРУ И.М. Картавцов (он был сотрудником ГЦКП) подготовил и первый библиографический труд — «Усадьбы Московской губернии: Опыт библиографического указателя» (М., 1927. 45 с. 1000 экз.). В нем приводятся публикации об имениях, располагавшихся на территории Московской губернии в границах 1917 г., краткие характеристики усадеб, аннотации, сведения о рецензиях. Это исследование в течение десятилетий оставалось, по существу, единственным и достаточно полным (по состоянию на 1927 год) изданием подобного рода, не содержащим конъюнктурных лакун. Оно

быстро стало библиографической редкостью, и не случайно поэтому указатель перепечатан в альманахе «Памятники Отечества» (1984. № 2(10). С.72-80), но при повторной публикации, к сожалению, опущены аннотации и фамилии некоторых авторов журнальных и газетных статей. Как утверждал И.М. Картавцов в предисловии, указатель — часть большой работы, которую он выполнил по поручению ОИРУ. Труд этот в полном объеме не был опубликован, и судьба его неизвестна. Возможно, он был конфискован в связи с арестом составителя.

Репрессии советской власти не только остановили активную деятельность ОИРУ, других краеведческих организаций, но и напрочь исключили появление указателей литературы об усадьбах на десятилетия.

Спустя сорок лет Илья Михайлович поместил большой библиографический блок в книге «Все Подмосковье: Географический словарь Московской области» (М., 1967. С.343-377), где значительное место отведено литературе об усадьбах региона, изданной до середины 1960-х гг. В беседе с известным москвоведом и библиотечным работником В.В. Сорокиным, который хорошо знал И.М. Картавцова, нам удалось выяснить, что объем библиографической информации, подготовленной Ильей Михайловичем для названного издания, примерно в три раза превышал тот, который остался в книге.

Воссоздание ОИРУ 22 апреля 1992 г. в Москве изменило ситуацию застоя в библиографии усадеб. К этому знаменательному событию была приурочена выставка литературы о «Подмосковных» из фондов Государственной публичной исторической библиотеки (ГПИБ), представившая около 500 изданий, в том числе немало редких. Каталог экспозиции под названием «Подмосковные усадьбы XVI-XX вв: Москва и ее окрестности»

(М., 1992. 94 с. 500 экз.), составленный Г.В. Аслановой и И.В. Гайдуковой, вышел под научной редакцией и с предисловием доктора исторических наук Л.В. Ивановой (1928-1999), внесшей большой вклад в возрождение ОИРУ и возглавлявшей это общество в 1995-1999 гг. Людмила Васильевна включила также в названный каталог информацию о некоторых изданиях, отражающих деятельность ОИРУ 1920-х годов и первые шаги возрожденного в 1990-е годы Общества, отсутствующую в фондах ГПИБ. Это, ныне редкое, библиографическое издание содержит сведения о литературе, выпущенной до 1992 г.

Верное традициям своих предшественников, ОИРУ 1990-х гг. также уделяет большое внимание библиографии усадеб. «Русская усадьба на страницах дореволюционных изданий» — первая опубликованная работа возрожденного Общества, посвященная обзору наиболее значительных трудов XIX — начала XX вв. о «Подмосковных». Написанная автором данных строк, она увидела свет в альманахе «Памятники Отечества» (1992. № 25. С.77-87). Статья представляет собой фрагменты неопубликованного труда «Литература о русской усадьбе. 1787-1992: Опыт историко-библиографического обзора» (275 машинописных с.), завершено в 1995 г.

Вскоре был издан указатель «Русская усадьба на страницах журналов “Старые годы” и “Столица и усадьба”» (М., 1994. 64 с. 500 экз.), подготовленный Н.Н. Ауровой и Д.Д. Лотаревой под научной редакцией и с предисловием Л.В. Ивановой. В том же году вышло второе, исправленное издание указателя (300 экз.). Оба быстро разошлись.

Список трудов, посвященных усадьбам (в основном подмосковным), которые опубликованы членами ОИРУ 1920-х гг. за время существования этого Общества (их более 130), приложен

нами к статье «Не праздное чудачество: Общество изучения русской усадьбы» (Библиография. 1996. № 3. С.102-112).

Анализ коллективных работ, изданных ОИРУ в 1920-х гг., показал, что они содержат представительную библиографию о старинных усадьбах столичного региона, составленную, к сожалению, небрежно и с ошибками. Это затрудняло ее использование. Литературные источники, приведенные в данных редких изданиях, существенно дополняют те, которые содержит упомянутый указатель И.М. Картавцова. Поскольку такие публикации ОИРУ, как планы летних и зимних экскурсий на 1924-1929 гг., не утратили познавательной ценности, а «Памятники усадебного искусства. Вып.1: Московский уезд» (М., 1928. 1000 экз.) — и научного значения, Общество осуществило их повторную публикацию в юбилейном выпуске сборника «Русская усадьба» (Вып.4 (20). М., 1998. С.43-159. 3000 экз.), приуроченном к 75-летию первого ОИРУ и 5-й годовщине возрожденного. Сборник является печатным органом Общества и выходит с 1994 г. При переиздании многочисленные библиографические описания были уточнены, исправлены и приведены нами в соответствие с современными требованиями. В том же выпуске «Русской усадьбы» автором данных строк впервые помещен полный список изданий ОИРУ 1920-х годов (С.29).

С 1997 г. Общество приступило к публикации текущей библиографической информации о старых имениях на страницах «Русской усадьбы» (Вып. 3 (19). М., 1997. С.380-386. 1000 экз.). В приведенном списке зафиксирована литература, изданная в 1992-1996 гг. Большинство источников — публикации о «подмосковных». Это был первый скромный опыт.

Более представительный блок библиографической информации о старинных «дворянских гнездах» подготовлен нами за

1997-1998 гг. для сборника «Русская усадьба», посвященного малоисследованной проблеме взаимосвязи города и усадьбы, в основном на примере Москвы и «Подмосковных» (Вып.5 (21). М., 1999. С.366-379. 3000 экз.). Ограниченные возможности этого издания, тематика которого достаточно разнообразна, не позволяют публиковать в нем всю собранную библиографию. Поэтому приходится отбирать наиболее значительную литературу.

В последние годы сложилась ситуация, когда в результате активной деятельности ОИРУ в обществе вновь пробудился интерес к старинным русским усадьбам, и поток информации о «дворянских гнездах», их истории, культуре, архитектуре, парках и садах, хозяйственной деятельности постоянно увеличивается с 1992 г. Возрастает количество публикаций не только об усадьбах Москвы и Подмосковья, но и об усадьбах других регионов России. Значительный пласт информации по теме содержат, вероятно, и местные издания. Однако периферийная литература не доходит подчас до столицы. Ее трудно бывает найти даже в крупных библиотеках города и области. Причиной является нарушение в последние годы системы, гарантировавшей обеспечение ведущих книгохранилищ обязательными экземплярами печатной продукции. В результате даже такие библиотеки, как РГБ (Российская государственная библиотека) и ГПИБ, постоянно испытывают трудности с комплектованием фондов.

В связи с этим можно предположить, что литература о старинных имениях, расположенных за пределами столичного региона, изданная на периферии, выявлена нами в недостаточном объеме и не отражает истинного положения, сложившегося в данной области информации на местах.

Удалось собрать достаточно полную подборку публикаций об усадьбах Подмосковья, в том числе находящихся ныне на

территории столицы. Они дают четкое представление о литературе, изданной в 1992-1999 гг., которая посвящена старым именам столичного региона, их прошлому и настоящему, а также будущему некоторых из них.

На основе выявленных источников нами составлен библиографический указатель, который зафиксировал более 2000 публикаций. Он содержит информацию, представленную не только в центральной, ведомственной печати, но и в местных (областных и районных) изданиях. В указатель включены книги, статьи, тезисы докладов на различных чтениях и конференциях, газетные публикации о царских загородных усадьбах, «дворянских гнездах», купеческих имениях и дореволюционных дачах. Городские усадьбы Москвы представлены отдельными изданиями и концептуальными статьями. Материал подобран по годам. В пределах каждого года издания — два раздела: работы общего характера (их 15-20% от общего количества публикаций) и об отдельных усадьбах (встречаются статьи об известных имениях, издавна считавшихся дальними «Подмосковными», которые находятся на территориях, входящих ныне в состав областей, смежных с Московской).

Собранная информация может представить интерес как для исследователей, так и для любителей литературы о старинных усадьбах. Руководствуясь этими соображениями, а также необходимостью компенсировать, по возможности, отсутствие с 1992 г. библиографических изданий об усадьбах всего столичного региона, ОИРУ обратилось в редакцию журнала «Библиография» с просьбой опубликовать названный указатель в полном объеме. Предложение было встречено с пониманием и принято. Журнал начал печатать представленную нами библиографию с № 4 за 1999 г. Публикация материала была завершена вспо-

могательным указателем всех упомянутых усадеб в № 5 журнала за 2000 г.

ОИРУ продолжает работу по сбору библиографической информации и подготовке свода литературы о «Подмосковных», изданной в 2000 г. Таким образом Общество стремится внести свой посильный вклад в развитие библиографии усадеб столичного региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Злочевский Г.Д. Путь художественного любования // Библиография. 1998. № 5. С.44-56.

² Злочевский Г.Д. Образованнейший русский книжник // Библиография. 1998. № 3. С.99-115

УПРАВЛЕНИЕ МУЗЕЯМИ-УСАДЬБАМИ
И МУЗЕЯМИ-МОНАСТЫРЯМИ
ГЛАВНАУКИ НКП

УСАДЬБЫ
МОСКОВСКОЙ
ГУБЕРНИИ

ОПЫТ
БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО
УКАЗАТЕЛЯ

СОСТАВИЛ
И. М. КАРТАВЦОВ

МОСКВА
1927

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И ТУРИЗМА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПОДМОСКОВНЫЕ УСАДЬБЫ XVI-XX ВВ.

(Москва и ее окрестности)

Каталог книжной выставки

Москва - 1992

Памятники Отечества

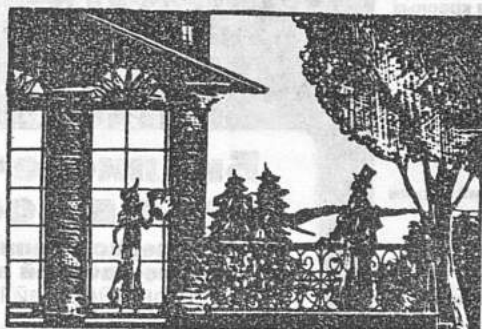

Мир
русской
усадьбы

1927

РУССКАЯ КАДЪБА
НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛОВ

"СТАРЫЕ ГОДЫ"
И "СТОЛИЦА И КАДЪБА"

МОСКВА - 1994

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

БИБЛИОГРАФИЯ

Библиографические ориентиры национальной библиотеки

Авторитетная база данных Российской книжной палаты
(продолжение)

Как создать общую теорию библиографии

Старинные усадьбы в окрестностях столицы
(продолжение)

«Единственный талантливый из красных поэтов» (В. В. Маяковский)

Любимое дело
(О М. И. Давыдовой)

Библиотечная жизнь Нью-Йорка
(Продолжение)

А. М. Городницкий: Стихи и библиография

Мастер детектива
(Б. А. Руденко)

Театр: библиография

Отечественная история библиотечного дела

Библиотечное дело в России

в период Великой Отечественной войны
(июнь 1941—май 1945)

55-летие Великой Победы

3
2000

ИЗДАЕТСЯ С МАРТА 1929 г.

Ю. А. БУДЯВЦЕВ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

СОХРАНЕНИЯ РУССКОГО УСАДЬБЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ

Проблемы сохранения русской усадьбы

Все это предопределяет необходимость разработки комплексного социокультурного, законодательного и организационно-методического комплекса, зависящего от уровня и содержания архитектурно-художественной функциональной стратегии. Традиционно в основе усадьбы лежал главный дом с функционально-хозяйственно построен-

Ю. А. ВЕДЕНИН

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ РУССКОГО УСАДЕБНОГО ЛАНДШАФТА

РУССКАЯ УСАДЬБА В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

Русская усадьба формировалась в определенной природной и социальной среде. Главным фактором, предопределившим сам факт появления русской усадьбы, стало решение сугубо экономической проблемы, связанной с производством сельскохозяйственной продукции, заготовкой леса, рыбной ловли и т.д. Это обусловило хозяйственные функции усадьбы, в том числе занятия земледелием, животноводством, лесным и водным хозяйством. Второй, не менее важный фактор — стремление жителей города отдыхать за городом, в сельской местности, в комфортабельно устроенном жилище. Таким образом, на характер усадьбы, ее устройство и планировку самое существенное влияние оказали природные особенности местности, хозяйственная ориентация и профессиональная подготовка помещика, общественные интересы и вкус владельца усадьбы, уровень мастерства архитектора, инженера и паркостроителя.

Все это предопределило формирование усадьбы как своеобразного социокультурного, хозяйственного и природно-технического комплекса, занимающего обширную территорию, характеризующуюся разнообразной функциональной структурой. Традиционно в состав усадьбы входили: главный дом с флигелями, хозяйственные построй-

ки, церковь, парк, сельскохозяйственные и лесохозяйственные угодья, сельские поселения.

Большинство усадеб не дошли до наших дней. От них осталось только место, где когда-то размещались эти усадьбы. Однако окружающий их сельский ландшафт во многих местах сохранился. Лишь в немногих усадебных комплексах частично уцелели архитектурные сооружения (чаще всего руинированные) и остатки парка. В некоторых дошедших до наших дней усадебных ансамблях (к сожалению, весьма немногочисленных) сохранились архитектурные сооружения — главный дом, флигеля, хозяйственные постройки, а также примыкающий к ним парк. Это позволяет рассматривать их как памятники истории и культуры. И лишь единичные усадебные ансамбли сохранились как целостный комплекс, состоящий из архитектурно-паркового ансамбля и исторически связанных с усадьбой сельскохозяйственных и лесных угодий, в которых до сих пор прослеживается традиционная система природопользования, сохраняются следы благоустройства, продолжают жить традиционные сельские поселения и участки малоизмененной природы. Именно такие комплексы, в соответствии с документами ЮНЕСКО, могут быть идентифицированы как культурные ландшафты — объекты наследия. Однако для того, чтобы определить ценность культурных ландшафтов как объектов наследия, необходимо указать на выдающееся культурное, научное, художественное значение усадьбы и окружающих их окрестностей. В соответствии с «Руководящими указаниями...» ЮНЕСКО культурные ландшафты — объекты наследия — делятся на три типа: искусственные образования, созданные по замыслу художника (инженера), естественно сформировавшиеся и ассоциативные.

К первому типу относятся, прежде всего, творения садово-паркового искусства, архитектурно-парковые ансамбли, уникаль-

ные природно-технические системы (например, гидромелиоративные сооружения, искусственные лесные насаждения). Естественно, что многие усадебные комплексы России относятся именно к этому типу ландшафтов (например, Архангельское или Ярополец Чернышевых, расположенные в Московской области, Алексино в Смоленской области, многие усадьбы, связанные с именем Н.А. Львова в Тверской области, и т.д.).

Ко второму типу ландшафтов относятся объекты, сформировавшиеся в процессе длительного процесса взаимодействия человека и природы. Как известно, дворянская усадьба чаще всего устраивалась в пределах ранее сформировавшегося сельского крестьянского ландшафта. Иногда процесс формирования усадебного и крестьянского ландшафтов шел одновременно. Это имело место в тех случаях, когда дворяне получали новые, еще не заселенные территории, и русские крестьяне осваивали их одновременно с помещиками. Таким образом, своеобразный сельский ландшафт, типичный для Средней России, сформировался в результате совместной деятельности владельца усадьбы и крестьянина. Поэтому, в большинстве случаев усадьба является органичной частью окружающего его сельского ландшафта. Так, например, парковая композиция в усадьбе Ярополец Гончаровых была построена на активном использовании дальних перспектив. То же можно сказать и про другие среднерусские парки. При этом многие усадебные парки настолько гармонично сливаются с окружающими их лесными и луговыми пространствами, что граница между ними теряется и ее практически невозможно увидеть, не будучи специалистом. Примером этому могут служить многие усадьбы, в частности, Ясная Поляна Л.Н. Толстого, подмосковные Пехра-Яковлевская или Суханово.

И наконец, третий тип ландшафта — ассоциативный, объединяющий группу объектов с явно выраженными ассоциативными свойствами — мемориальными, художественными, сакральными. Многие усадебные ландшафты могут быть отнесены к объектам наследия именно по этому признаку. Их ценность обусловлена тем, что хозяевами или гостями этих усадеб были писатели, художники, музыканты, ученые или политики, тем, что в этих усадьбах происходили события, оказавшие влияние на развитие русской истории и национальной культуры. Наиболее известные русские усадьбы ассоциируются с творчеством великих русских писателей и художников. Это Михайловское А.С. Пушкина, Спасское-Лутовиново И.С. Тургенева, Тарханы М.Ю. Лермонтова, Ясная Поляна Л.Н. Толстого, Поленово В.Д. Поленова, Абрамцево С.И. Мамонтова, Мураново Е.А. Баратынского и Ф.И. Тютчева.

При этом, одна и та же усадьба может быть отнесена одновременно к разным типам культурного ландшафта. Соответственно меняется и ценность усадьбы как объекта наследия. Так, например, Архангельское — это не только замечательный дворцово-парковый ансамбль, но и место, связанное с именем А.С. Пушкина, со многими другими именами, значимыми для русской истории и культуры. Но при его оценке предпочтение чаще всего отдается художественной значимости данной усадьбы. Поэтому, очевидно, что Архангельское должно рассматриваться, прежде всего, как выдающийся образец культурного ландшафта, созданный по замыслу великих художников, а упоминавшиеся ранее Спасское-Лутовиново, Тарханы или Ясная Поляна, несмотря на то, что в их создании участвовали незаурядные архитекторы и художники, оцениваются в качестве объекта наследия, прежде всего, как места, одухотворенные творчеством И.С. Тургенева, М.Ю. Лермонтова и Л.Н. Толстого.

В процессе разработки программы сохранения и использования усадебных ландшафтов приходится сталкиваться с множеством проблем.

ПРОБЛЕМА СТАТУСА УСАДЕБНОГО КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

В настоящее время в системе законодательных актов России не существует такого понятия, как культурный ландшафт. Наиболее близкими к этому понятию в современном российском законодательстве являются достопримечательное (памятное) место или ансамбль. Эти понятия нередко применяются и в связи с усадьбами. В качестве достопримечательного места нередко рассматриваются мемориальные усадьбы, в качестве ансамбля — замечательные в архитектурном и художественном отношении дворцово-парковые усадебные комплексы. Однако оба эти понятия не включают в себя основной признак культурных ландшафтов, а именно то, что культурный ландшафт — это результат сотворчества человека и природы. Отсутствие легитимного статуса культурного ландшафта в законодательстве о культурном наследии ограничивает возможности выделения и охраны целостных усадебных культурных ландшафтов, охватывающих значительные историко-культурные и природные территории с традиционными формами хозяйствования и природопользования, имеющие не только мемориальное, но и ассоциативно-художественное или историческое значение. Отсутствие соответствующих законов не позволяет применять и адекватные требованиям сохранения культурных ландшафтов, приемы охраны, обеспечивать необходимое для сбережения этих объектов наследия государственное финансирование.

Как известно, одной из особенностей, характерных для многих усадебных культурных ландшафтов, является включение в их границы обширных сельскохозяйственных угодий, прежде всего лугов, пашен, определяющих визуальную структуру культурного ландшафта, систему раскрывающихся с территории усадьбы пейзажей, традиционный для этих ландшафтов характер чередования открытых и закрытых пространств. Как правило, эти территории принадлежат самым различным хозяйственным организациям и находятся вне компетенции усадебных музеев, музеев-усадоб и музеев-заповедников, организованных с целью сохранения объектов культурного наследия, в том числе и культурных ландшафтов. Это не позволяет применять эффективные меры по защите всего комплекса усадебного культурного ландшафта, осуществлять необходимые реставрационные и консервационные работы и тем самым препятствует сохранению тех свойств культурного ландшафта, которые и определили возможность отнесения его к объекту наследия. К сожалению, эти недостатки характерны не только для российского законодательства, но и для законодательства многих других стран. Именно поэтому в ЮНЕСКО предпринимаются попытки повлиять на развитие национальных законодательств и придать культурному ландшафту все права легитимности, которые бы позволили рассматривать его как объект наследия. Об этом, в частности, свидетельствуют рекомендации, выработанные экспертами ЮНЕСКО в Белостоке (Польша, 1999 год).

ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ УСАДЕБНОГО КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

Очень часто, когда говорят об усадьбе как объекте наследия, имеют в виду прежде всего дворцово-парковый ансамбль. Кстати, еще недавно в качестве усадебного памятника истории

и культуры рассматривались только архитектурные сооружения, а парк в лучшем случае относили к охранной зоне. В настоящее время к усадебному памятнику чаще всего относят территорию исторической застройки (места расположения главного дома с флигелями, церкви и служебных сооружений) и парк. Остальная часть усадьбы рассматривается в качестве охранной зоны — зоны регулирования застройки и охраняемого природного ландшафта.

Ситуация коренным образом меняется, если к этой проблеме подходят в соответствии с концепцией культурного ландшафта. В этом случае в качестве целостного объекта наследия рассматриваются не только усадебные строения и парк, но и исторически связанные с усадебным комплексом, с владельцами усадьбы и их гостями сельскохозяйственные угодья, лесные массивы и водоемы, сельские поселения, а также их инфраструктура — дороги, мосты, разнообразные гидротехнические и хозяйственные сооружения, в том числе и расположенные вдали от основного ядра усадьбы. Именно такое отношение к усадьбе лежит в основе организации многих современных музеев-заповедников и музеев-усадоб.

При выделении усадебных культурных ландшафтов в качестве основных критериев рассматривается их историческая, научная и культурная ценность. Не менее серьезное значение придается степени их соответствия критериям целостности и аутентичности. Это создает определенные сложности при их оценке. Как известно, в соответствии с «Руководящими указаниями...» ЮНЕСКО целостность учитывается при оценке объектов природного наследия, а аутентичность — объектов культурного наследия. Вместе с тем в этих указаниях нет разъяснения, как оба эти критерия могут быть применены к одному и тому же объекту, каковым является куль-

турный ландшафт. В то же время для большинства специалистов понятно, что актуальность их использования при оценке культурных ландшафтов как культурно-природных объектов является достаточно очевидной. При этом мы должны учитывать и то, что поскольку различные усадебные ландшафты могут быть отнесены к разным типам культурного ландшафта, то при их оценке могут быть использованы и разные толкования критериев, свидетельствующих о научной, исторической или культурной значимости объекта наследия. Такими критериями могут быть: уровень художественного решения усадебно-паркового ансамбля, выраженность типичных черт исторического сельского ландшафта, значимость его ассоциативных признаков, степень сохранности элементов ландшафта, связанных с памятью о великих людях и исторически значимых событиях.

Соответственно меняются и критерии, применяемые при оценке целостности и аутентичности усадебных культурных ландшафтов. Так, например, для выдающихся творений архитекторов и мастеров садово-паркового искусства, создавших такие замечательные дворцово-парковые ансамбли, как Архангельское или Ольгово в Подмоскowie, целостность усадебного ландшафта определяется единством и полнотой выражения художественного решения, отражаемого в пространственной организации усадьбы, а аутентичность — в степени соответствия сохранившегося ансамбля замыслу художника, подлинности реализованной им пространственной композиции. Для мемориальных усадебных ландшафтов Ясной Поляны или Михайловского целостность ландшафта проявляется прежде всего в полноте представленности всего разнообразия функциональной и пространственной структуры усадебного комплекса; аутентичность ландшафта обусловлена сохранностью материальных объектов — свидетелей исторических событий, связанных с жизнью великих граждан России,

предопределивших включение данного ландшафта в список наследия.

ПРОБЛЕМА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ УСАДЕБНОГО ЛАНДШАФТА

Социокультурное значение усадеб связано с тем, что в течение длительного исторического периода они были ведущими культурными центрами России и играли существенную, если не определяющую, роль в развитии страны и, прежде всего, русской провинции. Впоследствии эта роль русской усадьбы была утрачена. В настоящее время многие из «центральных» функций, которые некогда играли усадьбы, оказались востребованными. Это можно увидеть на примере наиболее известных музеев-заповедников или музеев-усадьб — Ясной Поляны, Михайловского, Спасского-Лутовинова, Хмелиты. Среди такого рода функций следует отметить: просветительскую и образовательную деятельность, воспроизводство и распространение культурных ценностей, активное участие в природоохранной работе и т.п. Самое серьезное внимание уделяется предоставлению услуг местным жителям и, прежде всего, детям.

Не менее важная задача, которая сегодня решается музеями-заповедниками и музеями-усадьбами, связана с организацией туризма и экскурсионной деятельности. Кстати, прием гостей, приезжающих в усадьбу с целью встретиться с хозяевами, повеселиться на балах, посмотреть спектакли или послушать музыку, всегда был одной из наиболее традиционных функций русской усадьбы. Все это очень подробно описано в литературных произведениях, изображено на старинных гравюрах и живописных полотнах. К сожалению, сегодня на территории

усадебных ландшафтов уже нельзя увидеть традиционные охотничьи забавы, встретить эlegantных всадников, совершающих конные прогулки, увидеть веселые компании людей, отдыхающих на берегах живописных рек или на лесных полянах и участвующих в традиционном чаепитии. Между тем, восстановление всех этих занятий вполне возможно, и это позволило бы заметно расширить набор услуг, которые могут быть предоставлены гостям на территории современных усадебных ландшафтов.

ПРОБЛЕМА ХОЗЯЙСТВЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ УСАДЕБНОГО ЛАНДШАФТА

К хозяйству, ведущемуся на территории усадебного культурного ландшафта, предъявляется широкий спектр требований; оно рассматривается не только как средство решения чисто экономических или социальных задач, стоящих перед пользователем культурного ландшафта, в частности, музеем-заповедником или музеем-усадьбой, учреждением отдыха или производственным предприятием, но и как основное условие сохранения и регенерации ландшафта как объекта наследия. На полях и лугах бывшей усадьбы должны вестись сельскохозяйственные работы, позволяющие восстанавливать или поддерживать то их состояние, которое было в период расцвета данного ландшафта. Фруктовые сады должны быть ухожены и соответствовать тому состоянию, в котором они находились раньше. То же самое относится к водоемам, где также должны проводиться необходимые для поддержания этих важнейших элементов ландшафта мероприятия, в том числе и работа по очистке и вместе с тем «зарыблению» усадебных прудов. Усадебные водоемы должны использоваться для купания, катания

на лодках, для рыбной ловли. Для поддержания лесных массивов необходимо проводить санитарные, ландшафтные, эстетические рубки и т.д. Кстати, здесь вполне уместно вспомнить о деятельности так называемых «грабарей», которые приводили в порядок луга, пастбища, опушки леса, решая при этом не только хозяйственные, но и архитектурно-художественные задачи. То же самое можно сказать и про наследие А.Т. Болотова, который неоднократно писал о том, как нужно благоустраивать усадебные леса, о необходимости учета эстетических факторов при организации сельскохозяйственных угодий. Таким образом, хозяйственная деятельность, проводимая на территории усадебного культурного ландшафта, должна быть приравнена к консервационным и реставрационным работам, проводимым на памятниках архитектуры и садово-паркового искусства. Но это, конечно, не исключает актуальность использования хозяйственной деятельности для получения дополнительных доходов, на основе которых возможно повысить эффективность музейной работы, отреставрировать имеющиеся в усадьбе памятники, провести благоустройство территории, создать новые рабочие места, предоставить разнообразные социальные услуги местному населению и тем самым повысить степень комфортности его жизни.

ПРОБЛЕМА КОНСЕРВАЦИИ, РЕСТАВРАЦИИ, ВОЗРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ УСАДЕБНОГО КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

При обсуждении этой темы необходимо еще раз подчеркнуть то значение, которое играет хозяйственная деятельность, а также работы по рекультивации сельскохозяйственных, лесохозяйственных и водохозяйственных угодий, по консервации и реставрации культурного ландшафта. При этом следует иметь в виду два момента, отличающих работу реставраторов культур-

ного ландшафта от реставраторов статичных памятников истории и культуры, в частности — архитектурных объектов.

Первый момент связан с тем, что усадебный культурный ландшафт, как и все другие культурные ландшафты, является динамически развивающейся системой. Его нельзя восстановить или сохранить в полном соответствии с какой-то определенной датой, что, как известно, является необходимым условием реставрации архитектурных памятников. Реставрация усадебных ландшафтов базируется на максимальном приближении к сформировавшимся в течение длительного периода времени процессам функционирования и развития ландшафтного комплекса, причем как естественных природных процессов, так и социальных, связанных с разнообразными формами природопользования. Поэтому при консервации и реставрации культурных ландшафтов приходится учитывать характер многолетних эволюционных изменений при формировании рельефа, речных долин, естественных ритмов, характерных для растительных сукцессий, результаты преобразований, связанных с традиционными формами водного хозяйства, животноводства, полеводства и т.д. В принципе это та же проблема, с которой приходится сталкиваться при реставрации исторических парков.

Второй момент обусловлен особым подходом к воссозданию утраченных памятников, в частности архитектурных сооружений, объектов ландшафтной архитектуры, инженерных сооружений, всего того, что когда-то являлось частью культурного ландшафта. Воссоздание некогда утраченного памятника нередко воспринимается специалистами как попытка возведения «новодела», не имеющего никакого отношения к наследию. В то же время, в случае ведения реставрационных работ, касающихся отдельных архитектурных памятников, когда воссоздаются неког-

да утраченные детали или даже фрагменты здания, оценка такого рода действий чаще всего бывает позитивной. При этом признается правомерность использования не только исторических документов, но и аналогов. Но ведь та же логика может быть использована и в том случае, когда восстанавливаются архитектурные объекты, некогда игравшие важную роль в историческом культурном ландшафте, уничтожение или утрата которых нанесли ему существенный ущерб, поскольку культурный ландшафт перестал восприниматься как целостный и аутентичный историко-культурный и природный комплекс. Это обусловлено тем, что утраченные архитектурные сооружения и даже целые ансамбли являются деталями объекта культурного наследия более высокого ранга — культурного ландшафта, как и наличники окон или детали фриза — деталями более значительного архитектурного сооружения.

Естественно, что в настоящей статье называются только самые актуальные проблемы, решение которых является необходимым условием сбережения усадебных культурных ландшафтов. Очевидно, что усадебный культурный ландшафт должен стать объектом самого тщательного исследования и к нему должно быть привлечено внимание специалистов — представителей самых различных дисциплин: историков, архитекторов, искусствоведов, экономистов, социологов, природоведов, а также законодателей, представителей федеральной и региональной администрации. Все они должны объединиться в своих усилиях по сохранению и возрождению культурных ландшафтов России, важнейшей частью которых являются старинные русские усадьбы.

М. Е. КУЛЕШОВА

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ РУССКОЙ УСАДЬБЫ

Культура русской помещичьей усадьбы успела расцвести и загаснуть в довольно короткий промежуток времени, захватив всего полтора столетия и два века — XVIII и XIX. Уже со второй половины XIX века отмечается вытеснение и постепенное разрушение этого культурного феномена, что, в свою очередь, вызывает к нему живой интерес как к памятнику старины и в начале двадцатого столетия становится заботой русской искусствоведческой общественности. Основной формой охраны усадебных комплексов, как известно, становится отнесение их к памятникам культуры. Нередко усадебные парки попадают в категорию памятников природы — одну из категорий особо охраняемых природных территорий. Сохранность таких усадеб очень различается. Иногда это лишь остатки парка или заросший пруд.

Усадьбы, обладающие особой мемориальной значимостью или представляющие собой архитектурные шедевры, имеют шанс получить более существенную правовую защиту — в этих случаях создаются музеи-заповедники и музеи-усадьбы. В ряде случаев усадьба волею обстоятельств оказывается в границах исторически ценной и более обширной территории, находящейся под охраной в форме того же музея-заповедника

или национального парка. Возможны и иные формы территориальной охраны.

Для представления мира усадьбы важны не только её архитектурные и садово-парковые элементы, но также и её окружение — прилегающие сельские угодья и поселения, когда-то находившиеся в зоне её непосредственного хозяйственного и социо-культурного влияния и, в свою очередь, определявшие её собственную хозяйственную жизнь и положение. Все это некогда составляло целостный территориальный комплекс, унаследованные исторические черты которого определяют облик современного рукотворного, эволюционировавшего или ассоциативного культурного ландшафта.

Правовые проблемы сохранения историко-культурных территорий, в частности культурных ландшафтов, достаточно сложны. Если это не полностью музейный экспонат, а динамично развивающаяся система, то её существенные признаки должны воспроизводиться в результате характерных для той или иной системы процессов. Это могут быть сельское хозяйство, лесопарковое хозяйство, инженерные работы, традиционные формы строительства и другие формы деятельности, значимые для формирования облика ландшафта. Поскольку усадьбы по существу представляют собой реликтовый тип ландшафтов, то и ландшафтообразующие процессы должны сохраняться и поддерживаться в реликтовых или неких паллиативных формах. Для этого требуется правовая регламентация деятельности. Иначе реликтовый ландшафт нежизнеспособен.

Основным правовым актом, регламентирующим отношения по поводу недвижимых культурных ценностей, на сегодняшний день является закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры» от 1978 г. Его развивают соответствующие

«Положение» от 1982 г. и Инструкция. О том, какова их правоприменительная практика в отношении территориальных объектов свидетельствует современное состояние усадебных комплексов России, защищаемых только статусом памятника истории и культуры. Оценка этого состояния не требует комментариев.

Надо отметить, что подход к государственной системной охране историко-культурных ценностей как отдельных объектов-памятников начал складываться еще в XIX веке*, а в первые годы XX века было разработано, но не утверждено, «Положение об охране древностей», ставшее прообразом последующих законодательных актов уже в советской России. Именно это традиционное видение историко-культурной ценности в качестве штучной «древности» при всей его актуальности по-видимому помешало развитию форм территориальной охраны, охраняемых историко-культурных территорий, поскольку ценность исторического ландшафта или его участка не может быть осмыслена только в категориях «древности». В какой-то мере зоны охраны, предусматриваемые для памятников истории и культуры, обеспечивают сохранение среды памятника и в этом смысле компенсируют неразвитость территориальных форм охраны, однако их выделение не является обязательным, содержит сложные процедурные формальности и не получило широкого распространения.

Совершенно иная ситуация складывается, когда существует индивидуальный субъект охраны, то есть конкретное учреждение — будь то музей-усадьба, музей-заповедник или нацио-

* *Работкевич А.В.* Государственная политика в области охраны памятников истории и культуры в России в XVIII — начале XX вв.// Наследие и современность. Вып. № 8. Москва, 2000, с. 36-71.

нальный парк. Для целей сохранения сложных территориальных комплексов это наиболее эффективные формы охраны, которые появились в России только во второй половине двадцатого века. Около сотни музеев-заповедников и музеев-усадоб было создано во исполнение правительственных постановлений. Однако в действующем законодательстве о культуре они никак не фигурируют, если не считать временного Положения о музеях-заповедниках, но это чисто внутриведомственный документ.

С начала 90-х годов в Государственной Думе разрабатывается проект закона «Об объектах культурного наследия народов Российской Федерации», который, казалось бы, должен содержать принципиальные позиции для узаконения и развития территориальных форм охраны наследия. Действительно, в первых его редакциях присутствовали понятия об особо охраняемых историко-культурных территориях и о музеях-заповедниках. Однако процесс законотворчества зависит иногда от чисто субъективных причин. В последней редакции проекта данные понятия уже отсутствовали. Объективное наличие нескольких десятков музеев-заповедников и музеев-усадоб почему-то не явилось аргументом для их законодательного оформления в рамках упомянутого проекта. В то же время из действующего закона «Об охране и использовании памятников истории и культуры» было заимствовано понятие «историко-культурный заповедник», которое в реальной жизни развития не получило, хотя в виртуальной реальности правового акта оно существовало более 20 лет.

Понятие «объект культурного наследия» полностью преемственно понятию «памятник истории и культуры». Внутри этих категорий выделяются отдельные сооружения-памятники, ансамбли и достопримечательные места. Усадебный комплекс может быть отнесен к ансамблю или к достопримечательному месту.

Именно в отношении достопримечательного места, согласно проекту, может быть принято решение об отнесении его к историко-культурному заповеднику (чему посвящено целых две статьи из более чем шестидесяти). Однако что же это такое в организационно-правовом смысле — в проекте закона не указано. По режимам содержания дана прямая ссылка на закон «О музеях и музейном фонде Российской Федерации», однако последний никаких правовых норм относительно управления территориальными объектами наследия не содержит.

Конечно, проект включает многие правовые нормы, регулирующие режим содержания достопримечательных мест, и этого нельзя не признать, но они все же недостаточны для управления целостными территориальными комплексами, для управления ландшафтами, где важна, как уже отмечалось, регламентация ландшафтообразующих процессов. Памятниковедческий подход ориентирован на статичные и моноструктурные в управленческом отношении объекты, в то время как территориальный комплекс всегда находится в развитии, в динамике, и включен в сферу интересов различных, как правило, управленческих структур.

Другой немаловажный аспект правовой регламентации историко-культурных территорий, включая усадебные комплексы — это характер и отношения землепользования. Многие из действующих и разрабатываемых правовых документов содержат не вполне корректные формулировки, основанные на отождествлении понятий «земля» и «территория». Этот логический нонсенс уже не раз обсуждался, но все же бесполезно будет и здесь повториться. Территория — это земли, воды, недра, леса, поля, дома, дороги и даже воздушное пространство над ними. Земли — имущественная категория, объект гражданско-правовых отношений, по поводу которого могут совершаться различные

формы сделок. Управление территориями гораздо сложнее, чем решение земельных вопросов, хотя для историко-культурных территорий эти вопросы чрезвычайно важны.

Многие проблемы историко-культурных территорий связаны именно с регламентацией землепользования и градостроительной деятельности. Это очень хорошо «чувствуют» на себе музей-заповедники. А в системе особо охраняемых природных территорий с теми же проблемами сталкиваются национальные парки.

Согласно закону «Об особо охраняемых природных территориях» одной из основных задач национальных парков является сохранение и восстановление объектов историко-культурного наследия. На территориях национальных парков нередко находятся усадьбы: в Смоленском Поозерье — усадьба Пржевальского, в национальном парке «Угра» — усадьбы «Березичи» Оболенских, «Павлицев Бор» Ярошенко, и т.д. Их состояние во многом будет зависеть от того, как природоохранные учреждения и ведомства относятся к проблемам историко-культурного наследия. За последние годы это отношение в значительной мере изменилось, стало более позитивным и заинтересованным. В частности, разработана Стратегия развития национальных парков России, находящаяся на рассмотрении в МПР, где выделен специальный раздел, посвященный историко-культурному наследию. Разрабатываются менеджмент-планы для национальных парков, где эта тематика получает все более серьезное отражение и где ресурсы историко-культурного наследия становятся одним из основных объектов управленческой деятельности парков. Причем для национальных парков первостепенное значение имеют не отдельные сооружения-памятники, а именно историко-культурные ландшафтные комплексы.

Законом «Об особо охраняемых природных территориях» предусматривается 7 различных форм, или категорий, территориальной охраны: государственные природные заповедники, национальные парки, государственные природные заказники, природные парки, памятники природы, ботанические сады и дендрологические парки, лечебно-оздоровительные местности и курорты. Кроме того, предусмотрена возможность создания новых форм, или категорий, особо охраняемых природных территорий. В этой связи возникает соблазн и музеи-заповедники с музеями-усадьбами отнести к одной из таких форм, что принципиально возможно.

Органы государственной власти субъектов Российской Федерации или Правительство Российской Федерации могут принимать правовые акты, относящие отдельные музеи-заповедники и музеи-усадьбы к особо охраняемым природным территориям. Таким же порядком для них может быть установлен и правовой режим. Однако вводимые ограничения хозяйственной и иной деятельности могут войти в противоречие с законодательными актами федерального уровня. Кроме того, ограничить гражданские права хозяйствующих субъектов согласно Конституции может только федеральный закон. Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» никаких реальных правовых норм по непредусмотренным в нем конкретным категориям особо охраняемых природных территорий не содержит, но дает им только право на существование. Соответственно управление территориальным комплексом как целостным объектом будет встречать большие сложности. Тем не менее такие прецеденты имеют место и первый тому пример — мемориальная усадьба А.С. Грибоедова, музей-заповедник Хмелита, отнесенный к особо охраняемой природной территории согласно действующему

о нем «Положению». Подобный опыт не имеет шансов быть тиражированным, однако он представляет несомненный интерес как метод решения историко-культурных проблем природоохранными средствами.

Возможны и иные способы применения закона «Об особо охраняемых природных территориях» в целях дополнительной правовой защиты территорий музеев-заповедников и музеев-усадьб, а также прочих ценных историко-культурных территорий. В частности, на отдельных участках таких территорий могут создаваться различного рода заказники и памятники природы. Однако и в этом случае их правовая защита не будет адекватной — ведь в преамбуле закона ясно сказано, что закрепляемые им формы территориальной охраны направлены в первую очередь на сохранение и изучение природных комплексов и объектов, а значит культурно-ландшафтная составляющая будет рассматриваться лишь как производное состояние природного комплекса или объекта.

Полноценная правовая защита историко-культурных территорий требует принятия соответствующего профильного закона на федеральном уровне. В 1999 г. был разработан проект федерального закона «О музеях-заповедниках». Ответственным разработчиком был Институт культурного и природного наследия. Законодательная инициатива исходила от Совета Федерации, откуда проект был передан на рассмотрение в Государственную Думу и разослан по федеральным ведомствам и федеральным музеям-заповедникам. Работа над этим документом временно приостановлена, но его принятие в статусе федерального закона было бы чрезвычайно важно как средства регламентации использования территориальных ресурсов в целях сохранения историко-культурных ценностей, в частности усадебных комплексов.

Согласно проекту закона территории музеев-заповедников отнесены к особо охраняемым историко-культурным территориям. Это новое в правовой лексике понятие, до настоящего времени не введенное в систему действующего законодательства и используемое только в сфере научных и отчасти проектных изысканий. Проектом устанавливается режим содержания территорий музеев-заповедников, регламенты использования земель и иной недвижимости, имущественные ограничения. Природное и культурное наследие рассматриваются в едином комплексе, в неразрывной связи и целостности. Устанавливаются конкретные права и обязанности субъекта охраны — музея-заповедника как государственного учреждения. Учитываются вопросы взаимодействия с местным населением, определяется система индивидуальных правоустанавливающих документов, фиксирующих правовые взаимоотношения с иными пользователями, владельцами, собственниками в границах охраняемой территории.

Разорение и разрушение бывших помещичьих усадеб — процесс неумолимый и безжалостный. О нем с болью и беспощадной оценкой бытующего отношения к собственной национальной культуре писал в самом начале теперь уже прошлого века барон Н.Н. Врангель: «... Не одна судьба зло подшучивала над Россией. Русские люди делали все возможное, чтобы исковеркать, уничтожить и затереть следы старой культуры. С преступной небрежностью, с нарочитой ленью и с усердным вандализмом несколько поколений свело на нет все, что создали их прадеды.» (Помещичья Россия // Старые годы. Июль — сентябрь. 1910.)

К сожалению, эта оценка не лишилась своих оснований по сей день. Однако усадьбы, представляющие исключительную историко-архитектурную ценность или имеющие большое мемориальное значение, все же имеют шанс быть сохраненными в

своих внешних формах. Традиция разрушения отчасти уравновешивается традицией созидания. Хочется, чтобы в законодательной сфере были бы, наконец, предусмотрены условия, способствующие сохранению созданного в области усадебной культуры.

П. М. ШУЛЬГИН

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РУССКОЙ УСАДЬБЫ

Решение проблем экономического возрождения усадебных комплексов в современной системе хозяйственных отношений является одним из наиболее сложных вопросов в решении общей задачи возрождения русской усадьбы. И если, несмотря на сложную кризисную ситуацию экономического и социального развития страны за последние десять лет, можно привести достаточно успешные примеры проведения реставрационных работ, восстановления разрушенных усадеб, то к вопросам их экономического возрождения за годы реформ в России мы практически и не приблизились.

На протяжении нескольких веков усадьбы играли очень важную роль в экономике России. Они являлись очагами инновационных процессов в сельском хозяйстве, в промышленном производстве, зачастую служили своего рода экономическими школами и центрами подготовки кадров. С усадьбами связывается развитие системы конезаводов, внедрение новых пород скота, винокуренное производство, развитие агропромышленных методов. С активным развитием капитализма в стране в конце XIX века на базе усадеб стали возникать производственные комплексы.

В то же время, если проанализировать историю и экономику усадебного хозяйства, то придется признать, что в целом оно было недостаточно эффективным, и содержание усадеб предпола-

гало очень большие вложения и инвестиции в различных формах (строительные затраты, земельные работы, использование труда крепостных). В определенной степени развитие усадебных хозяйств поддерживалось и государственным протекционизмом (например, особые условия для развития винокуренного производства в дворянских усадьбах, установленная государством система выкупа бывшими крепостными крестьянами земли и т.п.). Окупаемость общих вложений в строительство и развитие усадебных комплексов, как правило, была очень низкой, и наряду с образцовыми усадебными хозяйствами мы видим также большое количество разоряющихся усадеб, их продажу и перепродажу, залог и перезалог усадебных земель.

Поэтому и в нынешней ситуации, говоря об экономическом возрождении усадеб, нельзя, конечно, ставить вопрос об их обязательной прибыльности, окупаемости всех сделанных вложений. Скорее следует говорить о возможности развития отдельных доходных направлений в деятельности комплексного усадебного хозяйства, которые способствовали бы решению многочисленных финансовых и организационных проблем, помогали бы обеспечивать стратегические и тактические вопросы собственного развития.

Долгое время наиболее привычным и понятным был подход к возрождению усадьбы как *музейного учреждения*. Восстанавливаемый усадебный комплекс становился музеем, как правило, мемориальным, связанным с проживавшим здесь когда-то знаменитым человеком. В данном случае следует говорить о специфике музейной экономики, впрочем, уже зная наперед, что подобная деятельность практически везде не окупает даже текущих затрат, и основной поддержкой таких музеев являются постоянные бюджетные дотации.

Однако, возможен, а в наше время, пожалуй, даже необходим иной подход к усадьбе — как к историко-культурной территории. В рамках такого подхода усадьба понимается не просто как исторический или архитектурный памятник — она рассматривается как целостная территория (например, в рамках исторически обусловленных границ) с присущим ей историко-культурным и хозяйственным потенциалом. В этих условиях можно говорить о более сложной экономической программе возрождения усадеб, которую возможно представить в виде взаимосвязанной структуры хозяйственных комплексов.

Для большинства усадеб основу этой хозяйственной структуры составляет, несомненно, собственно музейная деятельность, и, действительно, большую часть возрождаемых усадебных комплексов мы наблюдаем в форме музеев-усадеб и музеев-заповедников. В последние годы эта задача понимается в более широком смысле — как деятельность по сохранению историко-культурного и природного наследия. И в этой связи характерно изменение названия ряда музеев-заповедников, например, пушкинское Михайловское выступает как мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник, а Ясная Поляна — это мемориальный и природный музей-заповедник. Единая политика по сохранению культурного и природного наследия — это очень заметная черта последнего десятилетия.

Перспективный подход предполагает работу по выявлению всей совокупности наследия, включающей не только выдающиеся памятники истории и культуры, но и другие важнейшие элементы: местную культуру, традиции, ремесла и промыслы, систему сельского расселения, этнокультурную среду, природное окружение и пр. Все эти явления рассматриваются не только как необходимый фон или условия сохранения памятника, наоборот,

они выделяются как непосредственная и существенная часть культурного достояния, как особые элементы, определяющие самобытность культуры и экономики определенного региона.

Нуждается в переосмыслении трактовка многих исторических событий. Здесь важен не только отход от ранее принятого идеологического предпочтения, терпимость в отношении религиозного мировоззрения, но и понимание значимости любой исторической фигуры. Не менее важно, чтобы в рамках исторического наследия вспоминались не только фамилии выдающихся личностей, но и фамилии других владельцев усадеб, а также обыкновенных крестьян, которые сохранились в архивах или в памяти людей.

Очень важным аспектом изучения и сохранения наследия является выявление и возрождение исторических технологий и традиционных форм природопользования. Эти явления нельзя отнести непосредственно к памятникам истории и культуры, они во многих случаях даже не материализованы в какие-либо предметы, которые можно было бы сохранить в музейных коллекциях, а выступают в виде своеобразных алгоритмов, способов обработки или воздействия на то или иное вещество. Однако историческая и экономическая роль этих технологий несомненна, и в определении особенностей хозяйственного развития усадьбы данное наследие имело первостепенное значение.

Исторические технологии остаются практически неисследованными, более того, при развитии сувенирных производств они зачастую подменяются абсолютно иными современными способами обработки материала в угоду большей производительности труда и легкости изготовления изделий. Между тем, именно технологические особенности во многом определяли самобытность того или иного производства, определяли даже всероссийскую

специализацию того или иного региона. Местные особенности проявляются в технологиях приготовления глины и изготовления глиняных изделий, в технологиях приготовления красителей из натурального сырья и крашения тканей или других предметов, в традиционных приемах обработки металла, дерева, в народной живописи. Очень интересным является изучение традиционных технологий народной кулинарии, способов приготовления различных блюд и напитков. Сохранение исторических технологий — важнейшее условие возрождения традиционных школ в живописи, возрождения ремесленных традиций (в гончарстве, ткачестве, искусстве краснодеревщиков и др.).

На базе выявления всего комплекса историко-культурного и природного наследия появляется возможность формирования научно-образовательного комплекса. Его развитие может происходить по нескольким направлениям.

Одно из них — это система научных исследований по широкому комплексу проблем, связанных с историей усадьбы (персоналии, архитектурные особенности, история данной территории и пр.). Своеобразным экономическим следствием развития данного научного направления является эффект от привлечения ученых и специалистов к особенностям данной усадьбы, проведение здесь целевых исследований, конференций или даже периодических съездов (праздников, чтений). Кроме того, важное экономическое значение имеет создаваемый для конкретной усадьбы информационный продукт (в виде книжной, справочной продукции и в рамках новых технологий в виде информационного банка данных).

Другим направлением является интенсивное развитие образовательной деятельности. Это может быть продолжение местных традиций в образовании: школа краснодеревщиков, обучение особым

сельскохозяйственным технологиям и пр. Усадьба в состоянии организовать систему собственных курсов: литературная школа на базе литературного музея, сельскохозяйственная школа, возможны даже и менеджерские курсы по проблемам реставрации усадьбы, управлению усадебным хозяйством в современных условиях. Усадьба может специализироваться и исключительно на организации обучающих курсов. Это может быть создание на ее базе учебного учреждения, например, в форме лицея, или же продолжение старых традиций художественных или творческих мастерских.

Научно-образовательная деятельность не только формирует особые условия известности усадьбы, но и создает своеобразную базу ее экономической специализации, позволяет войти в рыночную экономику с собственным, самобытным и имеющим спрос продуктом или услугой.

Туристский комплекс — это очень важная часть современного экономического развития усадебных комплексов. О развитии туризма на базе усадеб говорится достаточно долго и много. Но следует отметить, что этот экономический потенциал русской усадьбы практически не реализован. Пожалуй, только небольшое количество усадеб и бывших царских дворцов в пригородах Санкт-Петербурга и Москвы интенсивно посещаются экскурсиями; к этой группе объектов также следует отнести музеи-заповедники в Ясной Поляне и Михайловском, но для большинства других объектов туризм не сыграл сколько-нибудь значительной роли.

Можно назвать несколько причин, влияющих на отсутствие туристского потока к большинству российских усадеб, однако главной из них является следующая: в современной ситуации усадьбам крайне необходимо создание собственной туристской службы. Это, прежде всего, позволит обойтись без нежелатель-

ных посредников, которые в настоящее время получают фактически все доходы от организации усадебных экскурсий (на практике, усадьбам достаются только доходы от входной платы и экскурсионного сопровождения по собственной территории).

Кроме того, усадьбам очень важно развивать не только экскурсии (они могут принести существенный доход только при значительных масштабах экскурсионного потока), но и собственную туристскую деятельность с организацией ночлега, питания, культурной программы, транспортного обслуживания и пр. При этих условиях усадьба может получать намного больший доход с одного посетителя и оставлять эти средства на собственное развитие (иначе они остаются «в карманах» туристского посредника).

Конечно, музейное учреждение не может и не должно подменять работу туристской фирмы, и для большинства усадеб в ближайшие годы будет характерен небольшой туристский поток. Поэтому очень важно обратить внимание на развитие на базе усадеб особого типа туризма — *программного специализированного туризма*. Практически это туризм для небольших групп, которые стремятся именно в данное место, как благодаря его специфике, так и предлагаемой специальной программе. В качестве такой программы могут выступать, например, путешествия по местам жизни Лермонтова, Тургенева, представителей известных дворянских родов, работа в архивах и т.п. Это могут быть и программы, в которых предусматривается не только посещение памятных мест, но и углубленное изучение русской культуры, русского языка, возможность обучения игре на народных музыкальных инструментах, и пр.

Специфика развития программного туризма заключается в формировании редкого, иногда даже уникального туристского

продукта. Такой туризм не может быть массовым, но, с одной стороны, именно небольшой туристский поток сейчас и в состоянии «переварить» большинство усадебных комплексов, а, с другой, появляется возможность на примере небольшого потока отработать механизм организации туристского обслуживания. Кроме того, именно в силу специфики и уникальности туристской услуги, привлечения к обслуживанию туристов дипломированных специалистов по проблемам истории и культуры такой тур должен стоить намного больше стандартной туристской поездки.

Также следует обратить внимание на возможность создания условий проживания туристов на территории усадебного комплекса или непосредственно в старинном здании усадьбы. Такая своеобразная небольшая туристская гостиница может быть совмещена с музейным комплексом, занимать бывшие гостевые комнаты или отдельный флигель. Пока такого опыта в стране практически нет, хотя для потенциального туриста-специалиста это проживание в историческом месте, «в гостях у объекта исследования» могло бы стать высшей кульминационной точкой маршрута.

Очень важно для организации усадебного туризма обеспечить сотрудничество усадеб, сформировать маршруты, связанные одной тематической нитью, но проходящие по нескольким усадьбам в разных регионах России (литературная, мемориальная тема, исторические параллели и пр.). Сейчас таких связей между усадьбами практически не наблюдается. Это объединение, несомненно, намного повысит туристский потенциал усадеб. В целом реализация возможностей развития туристского комплекса в настоящее время представляется одним из наиболее перспективных направлений экономического возрождения усадьбы.

Комплекс традиционного природопользования — это та сторона перспективной экономической деятельности усадеб, кото-

рая предполагает восстановление садового хозяйства, оранжерей, прудов, животноводческих комплексов, иных форм производства. Здесь еще раз следует обратить внимание на важность территориального подхода, при котором появляется возможность соединения потенциала усадеб с потенциалом исторически связанных с ними сельских поселений.

В настоящее время рекомендовать этот путь всем усадьбам представляется некорректным в связи с очень большими начальными инвестициями для возобновления традиционного производства. Более того, в ряде случаев традиционное ранее для усадебных земель сельское хозяйство вряд ли сейчас будет рентабельным (например, многие животноводческие отрасли, выращивание льна, конопли). Однако предварительные расчеты экономистов показывают, что организация ряда производств при достаточной организации может стать выгодной уже в ближайшие годы и сможет достаточно уверенно сказаться на поступлении дополнительных доходов в усадебный бюджет. К ним можно отнести разведение ягодников, оранжерейное хозяйство и возрождение того, что в старину называлось «кадочными культурами», восстановление керамического производства. Несомненно, к этому перспективному в настоящее время направлению можно отнести и возрождение кулинарных традиций усадебной кухни.

Возрождение и развитие традиционного производства может быть соединено с привлечением более активных экономических форм деятельности, опять же используя возможности исторически связанной с усадьбами территории. Это может быть, например, достаточно крупное мебельное производство, в основу которого положены традиции краснодеревщиков, производство стройматериалов, в основе которого лежит традиция керамического производства и т.д.

Значение усадьбы здесь проявляется, прежде всего, в предоставлении лицензированного исторического названия, своеобразной марки, или, как сейчас модно говорить, «бренда». Долгое время на этот фактор не обращалось никакого внимания, однако сейчас ситуация изменилась, и историческая специфика оказалась востребованной. Можно привести пример Тульской области, где исторические топонимы «Ясная Поляна» или «Куликово Поле» в настоящее время используются в названиях марок пива, других алкогольных и безалкогольных напитков, конфет и прочих изделий. Отсюда вытекает и важность предварительного лицензирования исторического названия усадьбы или исторического места — такая лицензия становится своего рода экономическим ресурсом. К этому направлению хозяйствования относятся и такие формы, как предоставление возможностей для рекламных съемок, лицензирование кино- и фоторабот.

В связи с территориальным подходом к решению проблем экономического возрождения усадеб возникает и такой важный ресурс, как земля. С экономическим использованием этого ресурса связаны такие методы, как аренда, залог, продажа земли. В настоящее время в связи с неразвитостью рыночных земельных отношений рано говорить о реальных направлениях экономического использования земельных наделов, однако в течение некоторого времени рыночные земельные отношения могут стать реальностью. Поэтому очень важно, чтобы любая усадьба, существующая как музей или же просто как заброшенный разрушающийся памятник, имела обязательный земельный надел, например, зафиксированный в паспорте усадьбы, в кадастровых документах. Возможно, именно земля может стать своего рода первоначальным ресурсом для возрождения ряда усадеб.

Организационной формой разработки и реализации стратегии экономического возрождения усадеб может стать комплексная региональная программа сохранения и использования наследия той или иной усадебной территории. Под комплексностью мы понимаем здесь именно сочетание различных отраслей на одном объекте, а под региональностью — использование ресурсов территории, а не только собственно усадьбы. Такой подход отвечает и современным требованиям, и, что очень важно, самой сущности исторического развития усадьбы как хозяйственного, культурного и даже архитектурного центра определенной территории.

Можно сказать, что подобный путь находит специфическое выражение в региональной политике и проявляется в особой специализации ряда регионов на сохранении и использовании природного и культурного наследия. Фактически наследие становится очень важным экономическим ресурсом развития территории. Однако подобная ситуация предполагает и разработку особого статуса таких территорий и проработку для них особого законодательства.

Подобный статус для историко-культурных территорий должен содержать два основных положения. Первое касается признания ценности историко-культурного наследия на данной территории, и соответственно, законодательного определения системы мер по его охране (выявление, постановка на учет, зонирование территории и режимы использования земель, осуществление охранных и реставрационных работ, экологический и архитектурный контроль и т.д.). Второе направлено на создание экономических условий сохранения и использования усадебного наследия. Это предполагает как прямую федеральную помощь в форме средств на восстановление объектов наследия, так и осуществ-

ление особой налоговой политики, способствующей вложению средств в реализацию программы развития территории, направлению инвестиций на поддержку и развитие культуры, возрождение наследия.

Реализация задачи экономического возрождения русской усадьбы на принципах выделения, сохранения и использования историко-культурной территории и необходимо, и возможно. Подобные проекты разрабатывались в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия для различных объектов. В них учитывались как традиции усадебного хозяйствования, так и современные экономические реалии, в том числе и возможность использования акционерного капитала для налаживания экономической жизни усадебного комплекса.

Предполагаемый подход позволяет отказаться от сложившейся практики мертвой музеефикации и заповедования, от стремления к сохранению внешних атрибутов памятника при утрате его жизненности; он позволяет включить наследие в современную жизнь общества, видеть в нем основу будущего развития многих русских усадеб. Такая политика создает возможность и экономического существования усадьбы в наше время, и обеспечения достойного социального развития местного населения, и возрождения национальной культуры в целом.

Л. В. ТЫДМАН

О ВОССОЗДАНИИ УТРАЧЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ

Ничто не может заменить памятника. Тот, кто думает, что путем повторения можно получить равноценный дубль взамен утраченного, глубоко ошибается. Подобно тому, как любое, даже самое незначительное историческое событие по сути своей неповторимо, так неповторим и любой памятник. Самое большее, что мы можем сделать — инсценировать давнее архитектурно-строительное и историческое событие. Но осуществить такую «инсценировку» чрезвычайно трудно, почти невозможно. Не будем пытаться перечислить все препятствия, стоящие на этом пути. Назовем лишь некоторые.

Прежде всего, изменилась строительная техника. Ныне уже другие материалы, иные методы работы с ними, другая технология производства связующих. Те же самые, казалось бы, материалы имеют другие размеры и иную технологию изготовления. Даже если они стали лучше — у них уже другие свойства. Некоторые думают: если стали лучше, это хорошо! И, следовательно, не надо этого бояться. Бояться, может быть, и не надо, но стоит помнить, что даже бесспорное, на первый взгляд, улучшение может испортить конечный результат. Приведем такой пример.

Вспомним, что паркет в начале XIX века выполнялся еще в средневековой технике, а в начале XX века, т.е. в 1908 — 1912 годах в больших городах — в Москве, в частности — при создании паркетов для дорогих квартир использовали уже новейшую технику своего времени и, конечно, приглашали самых квалифицированных мастеров. Все детали изготовлялись с необыкновенной тщательностью и точностью, материалы тоже были первоклассными. Что же мы получили в итоге? Шедевр? Нет. Отдавая должное старанию и точности исполнителей, вспомним паркет такого же или сходного рисунка, исполненные в начале XIX века, и мы почувствуем различие — увы, не в пользу паркетов начала XX века. Оно отмечается сразу, хотя и не сразу понятно, в чем же причина столь разных впечатлений? Лишь произведя обмеры, удалось выяснить эту причину, вернее сказать — источник, хотя и не единственный, но, безусловно, первый. Что же показали обмеры? Ведь и без них было известно, что в начале XX века работали с большей точностью, чем в начале XIX века. И тем не менее результаты обмеров поразительны.

В обоих случаях в основу рисунка паркета положена квадратная клетка с размером стороны чуть больше полуметра; и там и там это — квадрат, создаваемый прямыми рейками, выполнявшими роль рамок. Излишне говорить, что все обмеренные рамки XX века оказались абсолютно одинаковыми, никаких различий, даже в долях миллиметра, не обнаружилось. Обмеры аналогичного паркета первых лет XIX века (из Мураново, привезенного туда из усадьбы Овстуг) показали следующее. Обрамления квадратов отличались друг от друга даже в пределах одного квадрата; среди схожих обрамлений квадратов почти не было одинаковых по толщине реек. Можно только сказать, что

13-15 мм или около того — их преобладающая ширина, но наряду с этим во множестве встречаются и более широкие — до 20 мм, и более узких предостаточно: среди них оказались и в 7 и даже в 6 мм. С точки зрения людей XX века — явный брак. Но как много дает в художественном отношении эта средневековая неточность, насколько уподобляет рукотворные формы природным и тем самым обеспечивает естественность их восприятия человеком! Ведь природа тиражирует свои изделия по тому же принципу и в пределах такой же точности или, если угодно, неточности.

Если бы надо было изобразить дерево, человек XVIII или начала XIX века стал бы срисовывать его листья с нужного количества настоящих листьев. И повторенное им дерево воспринималось бы как «настоящее». А если и не как настоящее, то и отрицательных эмоций такое изделие у людей не вызвало бы.

Что сделал бы человек XX века, перед которым возникла аналогичная задача? Он выбрал бы самый красивый, по его понятию — самый совершенный лист, и с идеальной точностью протиражировал бы его в пластмассе соответствующего цвета и в нужном числе экземпляров. Что бы мы получили? Неприятное, мертвенное зрелище. Не каждый сможет объяснить, почему, но каждый, или почти каждый испытает ощущение какого-то дискомфорта. Естество человека, воспитанное произведениями окружающей природы, отреагирует раньше, чем его разум.

Все эти особенности только начинают изучаться. Однако уже сейчас ясно: думать, что может быть выведен какой-то общий коэффициент «неточности», свойственной старой архитектуре и миру старых вещей, глубоко ошибочно. Эти неточности, роднящие изделия человека с произведениями природы, не были величиной постоянной. Нельзя даже утверждать, что тенденция к

их сокращению действовала неуклонно по мере приближения к новому времени. Достаточно привести пример из архитектурной истории Москвы и Ярославля.

Для ярославской архитектуры, рассмотренной на протяжении одного столетия, с конца XVI по конец XVII века, заметна тенденция к большей инженерной точности, прямолинейности и четкости линий архитектурных форм, как в целом, так и в деталях. Это привело к нарастанию жесткости и даже известной суховатости ярославской архитектуры к концу XVII века. В московской архитектуре этого же времени прослеживается противоположная тенденция — движение от инженерной четкости, некоторой сухости к живописности, достигающей своей вершины к концу XVII века. Впрочем, нельзя не отметить, что при более внимательном и тщательном рассмотрении в пределах этих общих тенденций обнаруживается множество нюансов, в том числе локальные отступления от общего потока и даже движение вспять.

Ценность каждого памятника — в его индивидуальности, которая складывается из нескольких составляющих. Во-первых, это характер эпохи, в которую оно создано; во-вторых — сугубо местные, географические особенности, корректирующие первую составляющую с точки зрения методов строительства и материалов, в нем используемых. В-третьих, социальный статус заказчика.

В числе исполнителей всякого сооружения были мастера различных специальностей: каменщики, плотники, штукатуры (они же «подмазчики» до середины XVIII века), столяры, кузнецы, слесари, маляры, живописцы, печники и керамисты. Их почерк во многом зависел от того, из каких мест пришли их бригады. Ведь строители жили в деревнях или селах и приходили на стройку — будь она в городе столичном, уездном, в любом

другом или в самой отдаленной усадьбе или монастыре — лишь на время строительства, с конца апреля по сентябрь. Именно поэтому все сводчатые помещения дворца А.Д. Меншикова в Петербурге представляют уникальную «выставку» каменщицкого мастерства, различных методов кладки кирпичных сводов. То, что Петербург строила вся Россия, вернее уже вся Российская империя, давно стало общим местом, но во дворце Меншикова убедиться в этом можно с редкой наглядностью, если сравнить кладку сводов в разных помещениях.

Пока еще мы не изучаем местные особенности технологии, но ведь должны когда-то начать, и непременно начнем. Конечно, можно сказать, что это сугубо инженерное дело, лежащее за пределами искусства. Но ведь инженерное дело само по себе, особенно если рассматривать его в развитии, — интереснейшая сторона архитектуры. Инженерная технология если не всегда, то очень часто влияет на художественное восприятие, а порой и определяет его — достаточно вспомнить разницу в кирпичной кладке стены или свода, выполненной с затиркой шва или с подрезкой шва. В первом случае мы увидим скульптурную выразительность целого, плавное перетекание больших, но всегда живых, словно дышащих поверхностей стен и объемов. Легкая, нетолстая, не совсем ровная, точно вибрирующая известковая обмазка, покрывающая поверхность кладки, устраняя цветовую рябь от сочетания кирпича с цветом раствора, лишь усиливает это впечатление.

Кладка, выполненная с подрезкой растворного шва, выглядит совсем иначе. Благодаря углублениям между плоскостями лицевых поверхностей кирпичей каждый кирпич, и тычок и ложок, приобретает рельефность и пластическую самостоятельность. Такая кладка выявляет неточность, неодинаковость граней и углов в

кирпиче, производимом кустарным способом, еще и усиленную в процессе обжига. «Индивидуализации» впечатления от каждой кирпичной стены способствует и сама техника кладки. Мягкий, эластичный известковый раствор не позволял, да такого стремления и не было, устанавливать каждый кирпич строго горизонтально; обработка шва лопаточкой мастерка, вручную и на глазок, вносила разнообразие и в сами швы и в зримую глубину рельефа каждого кирпича; каждый шов отличался от другого из-за разных углов наклона лопатки мастерка. Эта технология, с одной стороны, обеспечивала столь необходимую человеческому глазу живость, а с другой — прилежной тщательностью, граничащей с присущим средневековому искусству любовным отношением к выполняемому труду, вызывала уважение к выполненной работе.

Эпоха классицизма своими художественно строгими произведениями, казалось, порывала со средневековой живописностью и неповторимостью каждого произведения. Выверенность пропорций, отточенность силуэта и взыскательное отношение к каждой линии, на первый взгляд, противоречили средневековой технологии исполнения. Между тем классицизм в России породил удивительное единение классических традиций, идущих еще от античных Греции и Рима, с европейской средневековой техникой. Представляется характерным такой факт, ставший известным автору этих строк благодаря Анатолию Михайловичу Кучумову — исследователю, сделавшему неправдоподобно много для изучения и возрождения Павловска, и дворца и парка.

Эвакуация мебели из павловского дворца-музея во время Великой Отечественной войны производилась по следующему принципу: из каждого гарнитура брался только один предмет. Так, из 24 стульев одного из залов (какого именно, моя память не удержала) был увезен в глубь страны один стул. Прошло

много лет, и уже в конце 70-х годов началась работа по восстановлению этого гарнитура. Сохраненный стул предстояло повторить еще 23 раза, чтобы воссоздать меблировку зала. Изучив стул, столяр, которому была поручена эта работа, сообщил, что две передние ножки — в отличие от гладких задних каннелированные — имеют разное количество каннелюрок: одна имеет пять каннелюр, а другая шесть. Открыв такую, с точки зрения человека XX столетия, «ошибку», мастер счел необходимым предупредить работодателя и будущего приёмщика работы во избежание возможных в дальнейшем недоразумений, и уточнить у него, делать ли и у новых стульев одну ножку с шестью, а другую с пятью каннелюрами?

По-настоящему верное решение здесь можно было бы принять, если бы до 1941 года все 24 стула были изучены и мы бы знали степень частоты таких отклонений. Но, к сожалению, этого сделано не было, и сегодня мы можем только гадать о первоначальном виде ножек восстанавливаемых стульев.

Таким образом, поле познания старой архитектуры во многих отношениях является целиной. Поэтому и оснований для уверенности, что мы сумеем воспроизвести любое снесенное здание, быть не может.

До сих пор мы говорили о тех особенностях старой архитектуры и старых вещей, которые видит глаз, если он достаточно чуток. Но ведь не только глаз участвует в восприятии. Например, пребывание человека в деревянном доме, даже оштукатуренном, вызывает иные ощущения, чем в каменном. Процесс познания бесконечен, и с уничтожением каждого памятника мы тем самым прерываем, вернее сказать, обрываем этот процесс.

И все-таки воспроизводить утраченные памятники можно, если руководствоваться научными знаниями об эпохе, к которой

принадлежит воспроизводимый памятник. Необходимо неперенное соблюдение правильно выбранных технологий.

Да, принципиальная возможность воспроизведения существует, и в музыке, например, этой возможностью пользуются постоянно. Звукозапись появилась едва ли не менее ста лет назад, и музыка XVII века целиком осталось вне этих записей; поэтому, если мы хотим воссоздать музыкальное искусство века Баха и Моцарта, у нас нет другого выхода, как обратиться к нотам. Но что такое для музыканта ноты? Ведь это не меньше, но и не больше чем чертежи здания с поэтажными планами, фасадом и разрезом для архитектора. Простор индивидуального толкования музыкального произведения остается очень широким. Индивидуальность дирижера во многом предопределяет трактовку произведения.* Факт существования дирижеров-исполнителей с европейской и даже мировой славой наряду со многими другими, малоизвестными, свидетельствует о многом, и прежде всего о признании допустимости многократного и вариантного воспроизведения музыки, написанной много лет назад. Ни автор, ни первые исполнители — его современники — не подскажут сегодняшним музыкантам, как «правильно и точно» прочесть воспроизводимое сочинение, и тем не менее, музыка Гайдна, Моцарта, их современников и предшественников воспроизводится постоянно. И хотя одинаковость нотной записи не гарантирует одинаковости их прочтения разными дирижерами, человеческое

* Свидетельством того, как индивидуальность дирижера влияет даже на темп исполнения произведения, может служить наблюдение А.С.Баранникова, артиста оркестра Большого театра, человека очень пунктуального, внимательного к мелочам: он отмечает, что одна и та же опера под управлением Н.С.Голованова заканчивалась на 20 мин. раньше, чем под управлением других дирижеров (кажется, Файера или Мелик-Пашаева).

общество идет на это, чтобы не лишиться себя такого великого сокровища, каким является музыка XVIII века.

Но помимо индивидуальных причин разного прочтения старой музыки, есть еще и объективные. Одна из них — изменившийся состав симфонических оркестров. Во времена Гайдна и Моцарта оркестры состояли из 8-12 человек, ныне же они насчитывают в шесть, восемь и даже десять раз больше исполнителей. Изменились и сами инструменты. В частности, в группе деревянных — кларнет из деревянного превратился в эбонитовый, а флейта стала металлической — во всяком случае ее головка, верхняя треть. О фортепьяно и говорить не приходится: щипковый клавесин остался только достоянием музеев, оказавшись вытесненным у музыкантов-практиков своим ударным преемником. Изменилась и единица измерения темпа.

Чтобы не потерять чувство традиции, связь с минувшей эпохой и ее музыкой, музыканты-исполнители со вниманием изучают не только саму музыку этой эпохи, но и культуру в целом — во множестве ее проявлений.

К сожалению, довольно часто люди, которые берутся за восстановление памятников архитектуры, принимаются за это с меньшим уважением к предстоящей работе. И это обстоятельство, может быть, является самым сильным аргументом у тех, кто выступает против самой идеи воссоздания памятников. К тому же в музыке без воспроизведения нельзя, она без этого не может существовать. Архитектура же, по мысли противников воссоздания, искусство долговечное и вполне достаточно существующих подлинных памятников. К сожалению, подлинных памятников становится все меньше и меньше. Они исчезают, так и не дождавшись подобного изучения и фиксации. Даже те из них, что отличаются хорошей сохранностью фасадов, многое утратили

внутри — причем речь идет не только об отдельных элементах декора, но о самой основе основ архитектуры, о пространственной организации интерьера. В числе таких памятников — даже дом Пашкова, построенный по проекту В.И. Баженова.

В пользу «не»-воссоздания утраченных архитектурных, мемориальных и градостроительных памятников сказано очень много и многими авторами. Достаточно обратиться, например, к сборнику «Проблемы воссоздания утраченных памятников архитектуры» (М.: «Жираф», 1998). На 118 его страницах в статьях 12 авторов приведены все возражения, какие только можно высказать по этому поводу. Самым существенным из них представляется следующее.

Практика воссоздания порождает уверенность в допустимости такого ныне распространившегося жанра, как «снос с воссозданием». Это страшно. Снос есть преступление. «Снос с воссозданием» — это преступление с издевательским утешением. Воссоздание становится индульгенцией на преднамеренное, и потому еще более преступное, уничтожение культуры, искусства, памяти. Хотя объяснить эпидемию «сносов с воссозданием» только тем, что существует практика «воссоздания», нельзя, ведь каких-нибудь десять-двадцать лет назад памятники сносили без «успокаивающих» слов о дальнейшем восстановлении. Главной причиной скорее является непонимание, невосприятие художественной культуры. Люди зачастую просто не видят разницы между подлинником и «повторением», а раз нет разницы, то и вопрос о допустимости и недопустимости «сноса с воссозданием» отпадает.

С другой стороны, категорический запрет на всякие дополнения, частичные и полные воссоздания влечет за собой убеждение, что архитектору-реставратору, а тем более просто архи-

тектору знать эволюцию форм, их транскрипцию в различные эпохи совершенно не нужно. Сохраняем то, что есть, и чиним то, что сохранили, а дальше — ни-ни! Казалось бы, вот он, идеал. В результате же многие, если не большинство занимающихся реставрацией, не могут определить, к какому периоду относится та или иная из деталей и форм здания-памятника. В ходе ремонта-«реставрации» — ведь ремонт всегда можно назвать реставрацией — снимают и выбрасывают «за ненадобностью» множество старых деталей: плитусы, наличники, подоконники, щитовые полы — паркетные и дощатые, оконную и дверную столярку, штукатурные карнизы, керамические печи, междуэтажные лестницы — деревянные и каменные, их металлические и деревянные ограждения. С фасадами поступают ненамного лучше: в результате «реставрации» утрачиваются старые, подлинные профили карнизов, междуэтажных гуртов, рустов, наличников и пр. Ведь в самом деле, зачем создавать новоделы? И штукатуры под надзором архитекторов вытягивают «нейтральные» профили. В качестве венчающего карниза чаще всего используют профиль картонной коробки для обуви. В качестве междуэтажных — профиль печеного хлеба, подового-круглого или буханки-кирпича. Все остальное выполняется так же незатейливо, без малейшей попытки воссоздания или стилизации. И так по всему городу.

Но еще хуже «творческая» деятельность горе-реставраторов, демонстрирующая полное непонимание логики развития формы. Парадный двор Пашкова дома — одно из самых совершенных, а может быть, и самое совершенное архитектурное произведение Москвы, где все пропорции, все линии выверены глазом величайших мастеров, — не избежал общей участи: корпус манежа, формирующий западную сторону двора, надложили кирпичной

стенкой. Без всякого злого умысла, просто для сокрытия своего неумения произвести обыкновенный арифметический расчет, который должен быть под силу любому ремонтнику. И архитекторы-реставраторы, которые сочли это возможным, продолжают свою деятельность на этом памятнике.

Неуважение к подлиннику, неумение отличить грубую подделку от оригинала, неумение квалифицированно произвести ремонт, равнодушие к архитектурному памятнику, нежелание знать историю архитектуры — вот главные причины происходящих трудно перечислимых безобразий, в том числе и появления карикатур-новоделов, возводимых «в утешение» любителям старины и архитектурной истории.

Н. И. ЗАВЬЯЛОВА

**ЗОНЫ ОХРАНЫ ИСТОРИЧЕСКИХ УСАДЕБНЫХ
КОМПЛЕКСОВ: ПРОБЛЕМЫ
РАЗРАБОТКИ, УСТАНОВЛЕНИЯ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ**

*Культура есть последний предел, который природа
выдвигает обществу, когда политики подводят его к последней черте.*

В. Соловьев

Исторически сложившиеся имения (поместья) — уникальное явление русской жизни. Историко-культурный и природный ландшафт, связанный с усадебными комплексами, является наиболее уязвимой и незащищенной категорией в охране наследия в целом. Особенно это относится к открытому пространству. Для построения убедительной системы его ценности необходимо подробное и глубокое его изучение, классификация, систематизация и публикация.

Важной задачей является привлечение внимания ландшафтных архитекторов к открытым сельским ландшафтам, которые чаще всего рассматриваются исключительно как чистый лист ватмана — пространство строительства. Этого не минуют даже охранные зоны и зоны охраняемого ландшафта исторических усадебных комплексов. Ландшафтная архитектура призвана заниматься формированием среды открытых пространств, к которым наряду с городскими территориями — садами, скверами, бульварами,

---

Статья написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 00-04-00097а.

парками относятся и исторические ландшафты — национальные парки, сельские ландшафты. Главенствующая роль в ландшафтной архитектуре принадлежит роли эстетического, гуманистического начала, искусства. В последнее столетие деятельность ландшафтных архитекторов расширилась и включила в себя обширные пространства. Таким образом, ландшафтная архитектура сблизилась с планированием. Ландшафтный архитектор должен обладать комплексными знаниями географии, экологии, дендрологии, исторического ландшафтоведения, естествознания.¹ Как считает Л.Е. Розенберг, ландшафтный архитектор не должен быть географом, экологом, дендрологом, но знать основы этих профессий. Другими словами, ландшафтная архитектура объединяет в себе гуманитарные и естественнонаучные основы знаний. Ландшафтная архитектура — огромная, необъятная область художественного и общественного наследия человечества.²

Середина — конец XX в. подвергли исторический ландшафт высокой антропогенной нагрузке. К ней можно отнести: укрупнение размеров пахотных угодий, изменение структуры расселения в пределах сельскохозяйственных территорий, строительство инженерно-технических сооружений, а в последние годы транспортных коммуникаций.³ В настоящее время на первое место выступает агрессивная массовая коттеджная застройка, нарушившая мягкий лиричный пейзаж Центральной России.

Это ведет за собой изъятие больших сельскохозяйственных площадей, необратимые экологические разрушения на прилегающих к коттеджным поселкам территориям — свалки, складирование отвалов грунта от рытья фундаментов, вырубка лесных кварталов.

Ландшафтная архитектура должна дополнить географическое ландшафтоведение и расширить классификационную таблицу

ландшафтов. Необходима «архивация» ландшафта, его атрибутирование. При составлении проектов зон охраны необходима инвентаризация пейзажей по видовым точкам. Подсчитано, что разнообразие русского пейзажа укладывается примерно в 20 типов для Центральной России, что не так уж велико и, тем более, обладает особенной ценностью. Это пейзажи в границах Волжско-Окского бассейна, Новгородской земли.

Каждый ландшафт имеет свои параметры, свой «регистр». Было бы уместно говорить о «Национальном регистре» («Русском регистре», национальном пейзажном коде). Утрата пейзажа адекватна утрате черт национального характера, языка. При техногенном изменении ландшафта меняется человек. Необходимо ввести понятие «Стандарты старых систем» хотя бы в границах заповедных территорий. Своевременна была бы разработка концепции «Эталонного ландшафта» («Этнически значимого ландшафта», «Национального ландшафта»).

Следовало бы определить «квоту ландшафта» — его емкости относительно вмещения застройки. Единственная территория, где пока сельского ландшафта (пейзажа) больше, чем где бы то ни было — Россия.

Историко-культурный и природный ландшафт мы понимаем как совокупность элементов сельской системы расселения, где совместились методы усадебного и крестьянского ведения сельского хозяйства. Здесь сохранились черты не персонифицированного творчества крестьян и помещика в земле- и природопользовании. Старинная система природопользования сформировала те гармонические параметры, метрическую систему, соотношения открытого и закрытого ландшафта, которая дошла до нашего времени. Характер открытого пространства Центральной России прошедших веков несет в себе черты спокойствия, величия,

устойчивости, вызывая ощущения гармонии. Историко-культурный и природный ландшафт рассматривается как «гипермедиа» — источник необозримой информативности. Сохраненное до нашего времени уникальное явление — средневековый ландшафт, отраженный в русском классическом искусстве, заслуживает повышения его культурных приоритетов и придания ему статуса Национального ландшафта. Сегодня ландшафт имения следует рассматривать как парк, а его центральную часть — территорию памятника выводить из гражданского оборота. Ландшафт исторического имения требует охраны не менее, чем произведения архитектуры и градостроительства.

Зоны охраны исторических усадебных комплексов являются действенным юридическим планировочным культуро-охранным документом, призванным обеспечить устойчивое земле- и природопользование. В Московской области более 5 тыс. памятников истории и культуры стоят на госохране, из них лишь 150 имеют зоны охраны, примерно половину из них составляют усадебные комплексы. Утверждено около 25 проектов. Это говорит о том, что процесс согласования проектов зон охраны крайне усложнен и растянут во времени. Подсчитано, что для утверждения проекта необходимо пройти около 20 инстанций за два раза. Мало у кого хватает энергии на это мероприятие. Обычно проекты «застревают» в местной администрации, где происходит длительная и изнурительная борьба за спасение историко-культурных ландшафтов от посягательств строителей.

Следовало бы изменить порядок согласований. Проекты зон охраны — не проекты застройки и обладают «презумпцией невиновности», доказывать должен тот, кто намерен строить. Историко-архитектурный опорный план как первая основополагающая часть проекта зон охраны содержит в себе историческую

информацию различных периодов. Он является такой же неоспоримой категорией, важнейшей для культуры, как например, факт существования полезных ископаемых в недрах — для народного хозяйства.

Важно включение в границы зон охраны всей мозаики ландшафтных элементов, сформировавшихся во времени, измененных человеком и унаследованных имением.

Заказники, национальные парки, заповедники ассоциируются с определенными статусами охраны в отличие от зон охраны, понятие которых не имеет глубоких временных корней. Зоны охраны памятников истории и культуры — это не статус, а проектный документ.

Инструктивно-методическая документация, вышедшая начиная с 1960-х гг., нуждается в корректировке. Она не содержит в себе четких понятий всех функциональных зон, в частности, отсутствует понятие «территория памятника». В Инструкции 1986 г. сказано, что памятник ставится на охрану вместе с его территорией.⁴ Но учетная документация не является проектным документом, и граница территории памятника в ней не определяется.

В последнее время реформируется понятие «территория памятника», а его площадь в некоторых случаях сокращается до размеров той территории, которую занимала усадьба в наиболее значительный для истории период. Вместе с тем, необходимо максимальное включение в охрану таких элементов, как въездные аллеи на протяжении 1 км от усадьбы (ассоциируется с ковром, ведущим к трону). При этом включается по 20 м от оси аллеи в обе стороны. Необходимо также включение в территорию памятника открытых полей (речных пойм) — экстерьеров парка, на которых расположено наибольшее количество лучших видовых точек.

Появилась тенденция дробления территории памятника на части — территория аллеи, территория церкви, территория пруда и др. Видимо, по имущественной принадлежности, тогда как территория памятника не приватизируется.

Территория памятника наряду с особо охраняемыми территориями в соответствии с земельными правовыми документами относится к землям историко-культурного назначения.⁵ Не ясно, что же делается с другими функциональными зонами — охранной зоной, зоной регулирования застройки, зоной охраняемого ландшафта.

В границы зон регулирования застройки должны входить все застроенные территории с различными режимами содержания. Не отрегулирована проектная практика и функционирование зон регулирования застройки. Абсолютно не достаточно число рекомендаций относительно застройки. К объектам рекомендации относятся: этажность, форма кровли, материал. Не отрегулирован порядок отвода участков в исторической территории и выбор проекта дома. Это необходимо упорядочить. Начальной стадией согласования должны быть органы охраны памятников, а затем районный архитектор, а не наоборот.

Создание альбомов типовой (рядовой) сельской застройки, в том числе дачно-коттеджной в историческом ландшафте помогло бы выбору проектных решений для домовладельца. Эти альбомы должны храниться в органах охраны памятников.

Разработка Документа на домовладение является насущной в наше время. Он должен носить характер охранного обязательства, в котором отражены основные требования к домовладельцу, администрации и органам охраны памятников. К числу требований можно отнести: сохранение чистоты визуального бассейна со стороны домовладельца и администрации, выполнение санитар-

ных норм и норм охраны историко-культурных и природных ландшафтов.

Методические рекомендации по проектированию зон охраны для сельских (пригородных) усадебных комплексов должны отличаться от тех, которые расположены в городской черте.

Границы зон охраны должны быть нанесены на землеустроительные планы, другой доступный картографический материал, должны быть опубликованы, внесены в земельный кадастр, вынесены в натуру и отмечены межевыми знаками. Введение единых условных обозначений на картах для заказников, национальных парков, заповедников, зон охраны в перспективе сложилось бы в традицию, что немаловажно для формирования в обществе соответствующего отношения к историко-культурному и природному наследию.

Все разработанные ранее проекты зон охраны должны быть откорректированы и утверждены.

Необходимо проработать понятие «земли историко-культурного назначения», заимствованное из земельных правовых документов. Нельзя согласиться с отнесением к землям историко-культурного назначения лишь территории памятника в системе зон охраны.

В отличие от национальных парков, заповедников и некоторых форм заказников, зоны охраны не имеют своих органов управления. Как показывает опыт, охрана наследия осуществляется за счет добровольной безвозмездной деятельности краеведов, старожилов, архитекторов и т.д. Но не все объекты обеспечены их попечением в полной мере. Было бы правильно создать Дирекции зон охраны и Попечительские советы.

К сожалению, приходится констатировать, что на сегодняшний день число запроектированных и установленных зон охраны

крайне ограничено. Необходимо в кратчайшие сроки выполнить эту работу на стадии эскизного проектирования. Масштаб проектирования 1:10.000 был бы удобен, так как в нем выполнены землеустроительные планы, на которые надо было бы нанести границы зон охраны. Историческим основанием для проекта могла бы служить опубликованная информация, содержащаяся в своде памятников, каталогах и др. Из картографических материалов следовало бы привлечь крупномасштабные планы середины XIX в., хранящиеся в архивах Москвы и других городов. Для натурного обследования памятников необходима организация экспедиций. Для опытных специалистов было бы достаточно разовое посещение памятника.

Два года тому назад был возрожден Научно-методический совет по охране памятников истории и культуры. По своей структуре он состоит из различных секций и подсекций. Одной из них является секция «Исторические населенные места и заповедные территории». За прошедшее время был проведен ряд заседаний, посвященных состоянию памятников истории и культуры в исторических ландшафтах, методическим вопросам проектирования, согласования, установления и функционирования зон охраны. Был заслушан доклад представителя Комитета по культуре Московской области по этой проблеме. Результатом проведенной работы явилась рассылка в регионы писем с просьбой к специалистам и органам охраны памятников высказать свои соображения относительно зон охраны. Из ряда регионов были получены ответы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ожегов С.С. История ландшафтной архитектуры. Краткий очерк. М., 1993. С. 5-12.

² Розенберг Л.Е. О профессии ландшафтного архитектора // Ландшафтная архитектура. М., 1963. С. 212-214.

³ Залесская Л.С., Микулина Е.Н. *Ландшафтная архитектура*. М., 1979.

⁴ Инструкция по проектированию зон охраны недвижимых памятников истории и культуры. 1986.

⁵ Земельный кодекс РСФСР. 1991.

М. А. НУЖДИНА

ПРОЕКТЫ ЗОН ОХРАНЫ В ДЕЛЕ СОХРАНЕНИЯ РУССКОЙ УСАДЬБЫ

Публикация обобщает 25-летний опыт проектирования зон охраны, схем развития усадебных комплексов и государственных музеев-заповедников Российской Федерации в стенах специализированной мастерской института по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставрация» Министерства культуры РФ.

Широту охвата мемориальных русских усадеб можно охарактеризовать простым перечислением объектов. Это Государственные музеи-заповедники на базе исторических усадеб Абрамцево, Ясная Поляна, Поленово, пушкинские Михайловское и Большое Болдино; лермонтовские Тарханы, есенинское Константиново, некрасовская Карабиха; дом-музей П.И. Чайковского в Клину; Спасское-Лутовиново И.С. Тургенева, усадьба Даровое — родовое имение Достоевских, и многие другие.

В 60-е годы проектирование осуществлялось архитектурными мастерскими двух основных ведомств: Министерства культуры — ЦНРМ СССР и Госстроя — московскими институтами «ГИПРОГОР» и ЦНИИЭП Градостроительства.

В конце 70-х годов, в связи с резким повышением общественного внимания к мемориальным усадьбам, непосредственно связанного с первой волной туристского «бума», появился соци-

альный спрос на более глубокое изучение и расширение географии заповедных мест.

Благодаря тому, что к этому времени штат института «Спецпроектреставрация», в отличие от других институтов градостроительного профиля, был укомплектован, наряду с архитекторами, искусствоведами, историками, археологами, впервые проекты зон охраны стали поводом и основой для тотального сбора исторического материала, его систематизации и выпуска как **нестареющего самостоятельного материала в виде свода источников.**

Все историко-архивные и библиографические исследования и натурные обследования существующего состояния усадеб, в конечном счете, ориентированы на выявление предмета охраны. Объекты охраны, а именно: мемориальные объекты, памятные места, ценные планировочные направления, визуально-композиционные связи, элементы природного ландшафта отображаются на историко-архитектурном опорном плане как первичном юридическом документе.

История формирования предмета охраны повсеместно прослеживается по линии: **дом-музей — музей-усадьба — музей-заповедник.**

Так, в лермонтовских Тарханах дом-музей являлся объектом мемориального показа, а парковая зона активно использовалась совхозом «Лермонтовский рысак».

Позже вся усадьба — главный дом, парк, хозяйственные постройки и т.д. — рассматривалась как единый мемориальный комплекс.

В настоящее время исследования «выходят» за границы усадеб, объектом интересов становится не только мемориальная усадьба, но и вся историческая среда — тот окружающий ландшафт, где проходили жизнь и творчество обитателей исторического места.

Следует отметить, что в ходе проектирования как бы строится сценарный план посещения усадеб, а границы зон охраны, включающие охранные зоны, зоны регулирования застройки, зоны охраняемого природного ландшафта, фактически являются границами избранного сюжета.

В качестве примера можно привести музей-усадьбу «Ясная Поляна», где помимо самой усадьбы было проведено детальное обследование территорий деревень Ясная Поляна, Грумант, выявлены все прижизненные постройки, взятые в результате на Государственную охрану.

Учтены в системе показа амбулатория Маковицкого, детская библиотека, организованная Л.Н. Толстым в деревне Ясная Поляна, станция Козлова Засека, где сохранились все станционные строения мемориального периода, а также мемориальные усадьбы Пирогово, Николо-Вяземское, исторический город Крапивна.

В результате этого обширного обследования было сформулировано содержание предмета охраны, отразившееся на опорном плане и продиктовавшее конфигурацию границ зон охраны.

Выбор того или иного сценария — это творческая задача, являющаяся предметом общественного внимания. Так, работа по Ясной Поляне получила одобрение общественности после более 30-ти обсуждений во всех творческих союзах.

Другой пример — музей-заповедник Михайловское, включающий усадьбы Михайловское, Тригорское, Петровское и расположенный на территории свыше 7000 га.

В границы заповедника включены как усадьбы, непосредственно связанные с именем А.С. Пушкина, так и усадьбы, напрямую с мемориалом не связанные — Дериглазово, Лысая гора на реке Великой и т.д. Режим использования последних более свободный, предполагающий вариант типологического вос-

создания их с последующим использованием под развитие туристской инфраструктуры в части организации баз размещения.

За пределами этих 7000 га в систему охраны в качестве локальных зон включены все исторические города и усадьбы, связанные с именем А.С. Пушкина.

В результате применения новой методологии проект зон охраны из скорее негативного, регулятивного документа, подготовка которого никогда не считалась творческой работой, стал тем инструментом, который позволил более глубоко и тщательно изучить историко-культурное наследие каждой из усадеб, представить и сохранить ее в контексте окружающего исторического ландшафта.

При разработке зон охраны таких историко-культурных заповедников, как Государственный заповедник М.А. Шолохова и Государственный заповедник С.А. Есенина Константиново, сохранивших нетронутые природные ландшафты, можно отметить значительный объем охвата территорий, площадь которых доходит до 30 000 гектаров.

Большие работы, которые проводились на протяжении последней четверти века, оказали огромное влияние на современную ситуацию, являясь по сути единственным тормозом неконтролируемой застройки.

Так, в период разработки проекта зон охраны музея-заповедника Карабиха удалось запретить строительство двух трехэтажных блочных домов, возведение водонапорной башни и гаражей в непосредственной близости от ограды усадьбы. Благодаря проектам зон охраны еще при советском государственном регулировании строительства в усадьбе Захарово были разобраны два двухэтажных коттеджа из ряда 8-10 панельных домов, примыкающих к мемориальному парку, а в музее-заповеднике М.П. Мусоргского в усадьбе Карево был снесен двухэтажный дом-самострой.

В тех случаях, когда проектирование зон охраны «запаздывает», мы сталкиваемся порой с непоправимой ситуацией: при организации музея-заповедника П.И.Чайковского в его состав, помимо дома-музея, были включены три мемориальные усадьбы: Демьяново, Фроловское, Майданово, историческая среда которых сильно пострадала, а в последних двух сохранилось лишь историческое благоустройство — парк, пруды.

В ситуациях, когда усадьбы практически утрачены, например, Даровое, Карево, Фроловское, возникает дилемма — либо типологическое воссоздание сооружений на мемориальных фундаментах, либо установка знака на месте главного дома. Во всех перечисленных случаях на месте утраченных усадеб были установлены памятники.

Небесспорно порой и волевое решение о воссоздании «мемориального дома», как, например, в блоковском Шахматово, когда утрата дома явилась фактом биографии поэта.

К сожалению, на сегодняшний день значение утвержденных зон охраны снизилось даже по сравнению с 70-ми годами. Новое перераспределение земель и приватизация объектов в пределах утвержденных зон охраны препятствуют государственному регулированию режимов использования заповедных территорий и реализации заповедных сценариев в общегосударственных интересах.

Так, например, в результате массового индивидуального строительства безвозвратно утрачены исторические связи: Абрамцево — Мураново — Ахтырка; Ясная Поляна — Кочаковский некрополь; дом-музей П.И.Чайковского — Демьяново.

В связи с этим в области охраны историко-культурного наследия появился новый документ — Проект границ музеев-заповедников, привязанный к новой системе землепользования и

учитывающий те несанкционированные нарушения, которые произошли за последние годы.

Границы музеев-заповедников разрабатываются на основании Указа Президента РФ № 176 от 20.02.1995 г., в котором сформулировано определение земель историко-культурного назначения и дан перечень объектов исторического и культурного наследия Федерального (общероссийского) значения.

Государственные музеи-заповедники являются Федеральными учреждениями культуры, имеют права юридического лица и закрепленное за ними движимое и недвижимое имущество.

Проект границ предусматривает территориальную организацию музеев-заповедников с использованием двух типов заповедных территорий — с отчуждением земель и без отчуждения, с отнесением земель на этой территории к землям историко-культурного назначения.

Границы музеев-заповедников разрабатываются, как правило, на основе ранее выполненных проектов зон охраны и в ряде случаев совпадают с границами охраняемого природного ландшафта, а исторических знаний, которыми мы владеем на сегодняшний день, вполне достаточно для разработки подобной документации.

В заключение следует подчеркнуть, что на рубеже веков проблема охраны заповедных территорий становится одной из главных задач. Проектирование зон охраны не утрачивает своего значения, являясь важным проектно-исследовательским звеном в общем ряду проектных разработок, направленных на сохранение историко-культурного наследия России.

Е. Н. ПОКРОВСКАЯ

ОПЫТ СОХРАНЕНИЯ ДЕРЕВЯННЫХ УСАДЕБ

В центре Москвы, на улице Щепкина, перед Олимпийским спорткомплексом находится деревянный дом, уцелевший от пожара 1812 г. Этот деревянный дом в XIX веке принадлежал великому русскому артисту, почетному гражданину Москвы Михаилу Семеновичу Щепкину. Дом-музей М.С. Щепкина — памятник истории и культуры XIX века — памятник федерального значения. В довоенный и послевоенный периоды в здании дома Щепкина находились коммунальные квартиры, имеющие мало удобств. Это привело к значительному поражению деревянных конструкций и элементов дереворазрушающими грибами и древооточами.

В 1987 г. сотрудниками института «Спецпроектреставрация» было проведено обследование деревянных конструкций дома Щепкина. В заключении указывается, что некоторые деревянные конструкции поражены жуком-точильщиком *Anobium pertinax*, белым домовым грибом *Рogia varagaria* и другими видами дереворазрушающих грибов. Заключение по обследованию было согласовано с начальником управления государственного контроля охраны памятников истории и культуры города Москвы.

Конструкции, находившиеся в местах с повышенной влажностью (на чердаке, под окнами) из-за поражения жуком-точиль-

щиком потеряли несущую способность. Здание нуждалось в срочной реставрации.

Было предложено несколько вариантов, в том числе и «раскатка» здания, при которой историческое здание разрушается, а потом строится заново с использованием новых строительных материалов.

Музей Щепкина является филиалом музея Бахрушина. После оценки состояния каждого бревна деревянного сруба, руководством музея и филиала было принято решение максимально сохранить дом Щепкина, заменив только утраченные элементы на новые. Кафедре химии (профессору Покровской Е.Н.) был сделан заказ на разработку состава, который помог бы сохранить старую древесину и сохранить новую от разрушения.

В 1991-1992 гг. на двор усадьбы М.С. Щепкина была завезена новая древесина, которая около года хранилась без защиты от атмосферных осадков, окорка происходила непосредственно перед укладкой в сруб. Микологические исследования показали, что 95 % отобранных проб заражены грибами несовершенного вида (*Tungi imperfecti*), преимущественно синевы и различных плесеней. 10-15% бревен были инфицированы дереворазрушающим грибом (*Peniophora gigantea*). Предел прочности при статической нагрузке у «засинелой» сосны практически не снижался, но дальнейшее развитие грибов привело бы к разрушению древесины.

Таким образом, здание дома М.С. Щепкина, являющееся памятником федерального значения, с точки зрения материала деревянных конструкций имеет следующие особенности:

1. Деревянные конструкции монтируются из старой древесины XIX века и новой древесины.

2. Старая древесина имеет поражение жуком-точильщиком.
3. Новая древесина (из-за некачественных поставок и условий хранения) поражена низшими видами грибов.
4. Деревянные конструкции здания нуждаются в огнезащитной обработке.
5. Защитные составы не должны выделять в атмосферу веществ, вредных для экспонатов и посетителей музея.

Исходя из этих положений, на основании знаний химии древесины и её компонентов, нами был разработан ряд огне- и биозащитных составов на основе трихлорэтилфосфата. Для увеличения поглощения состава в качестве растворителя был предложен СН₄. Остальные компоненты, усиливающие антисептические свойства, оставались одинаковыми для старой и новой древесины. Образцы новой и старой древесины были обработаны подготовленными составами и испытаны на огнестойкость ГОСТ 16363-76, биостойкость ГОСТ 16712-71.

Испытания на огнестойкость ГОСТ 16363-76 показали высокие огнезащитные свойства состава, потеря массы образцов при горении составила 8%, т.е. древесина переходит в разряд трудногорючих материалов. Для объектов культуры, связанных с присутствием людей, большое значение имеет скорость распространения пламени при пожаре. Исследования распространения пламени на образцах, обработанных трихлорэтилфосфатом, показали, что пламя по образцам практически не распространяется.

Испытания на биостойкость были проведены в отделе химико-биологических исследований Государственного Русского музея. Испытания показали высокую фунгицидную активность состава на основе трихлорэтилфосфата.

При испытании был определен расход защитного состава 300 г/м, время выдержки покрытия на воздухе 4-5 часов.

После получения положительных заключений на огне- и биозащитные свойства разработанного на основе трихлорэтилфосфата состава, он прошел экспертизу во Всесоюзном научно-исследовательском институте реставрации, и было получено заключение о возможности его использования для защиты музейных объектов.

Все деревянные конструкции дома М.С. Щепкина были обработаны нашим составом в 1993-1996 гг. Последующие наблюдения за состоянием древесины дома показали высокую сохранность как новой, так и старой древесины памятника.

В 1996 г. применение состава на основе трихлорэтилфосфата для защиты дома М.С. Щепкина было согласовано с Управлением Государственного Контроля Охраны памятников истории и культуры.

Один из потомков М.С. Щепкина — Е.А. Заварин — является профессором химии древесины в Калифорнийском университете США. Тщательно обследовав все деревянные элементы и конструкции дома своего предка, он написал следующее заключение:

«Исследовав работы, проведенными огнебиозащитными составами, которые были предложены для сохранения дома М.С. Щепкина профессором МИСИ Е.Н. Покровской, я был приятно поражен глубиной проведенных опытов, всесторонним подходом к данному вопросу и знаниями исследователя.

Считаю, что предложенный метод пропитки древесины является исключительно эффективным для защиты дома от пожара, грибов и насекомых.

Надо принять во внимание, что сохранение исторических памятников требует особых методологических подходов и отличается от методов, применяемых при строительстве современных домов.

Помимо этого, рекомендую Музею применять в реставрации памятника древесину, содержащую максимальное количество ядра сосны с более узкими годичными слоями.

Рекомендую исследователю дополнительно рассмотреть вопрос о влиянии мочевины на крепость древесины во времени.

Л. Г. АГАМАЛЯН

УСАДЬБА ПРИЮТИНО: ПРОБЛЕМА ЮРИДИЧЕСКОГО СТАТУСА И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПОДЧИНЕНИЯ

Усадьба А.Н. Оленина Приютино в первой половине XIX в. играла значительную роль в культурной жизни Петербурга. Ее хозяин был первым директором Императорской Публичной Библиотеки, Президентом Академии Художеств. Офицер артиллерии, составитель словаря «старинных военных речений», член Российской академии, историк, археолог, лингвист, палеограф, этнограф, исследователь русского оружия, меценат, государственный секретарь и член Государственного Совета, А.Н. Оленин являлся колоритной и вместе с тем характерной фигурой своего времени.

В доме Оленина в Петербурге и в его усадьбе Приютино собирались люди, составлявшие цвет русской культуры конца XVIII — первой половины XIX в. Имена литераторов — Г.Р. Державина, Н.А. Львова, И.А. Крылова, В.А. Озерова, А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, П.А. Вяземского, К.Н. Батюшкова, Н.И. Гнедича и т.п.; художников и архитекторов — О.А. Кипренского, братьев А.П. и К.П. Брюлловых, Сильвестра Щедрина, А.О. Орловского, Ф.П. Толстого, О. Монферрана, В.П. Стасова и др.; музыкантов — братьев Михаила и Матвея Виельгорских, Алябьева, А.Н. Верстовского, М.И. Глинки и др.; историков — Н.М. Карамзина, И.А. Мусина-Пушкина,

А.О. Корниловича, А.И. Ермолаева и др.; декабристов С.Г. Волконского, С.И. Муравьева-Апостола, С.П. Трубецкого, Н.М. Муравьева и др.; государственных деятелей — П.М. Волконского, В.П. Кочубея, М.А. Милорадовича, М.М. Сперанского, А.Н. Голицына и др.; представителей светских и придворных кругов различным образом связаны с именем А.Н. Оленина и членов его семьи. Значительна роль Оленина в формировании принципов русского ампира и в создании исторического облика Петербурга: при его участии создавались Нарвские и Московские триумфальные ворота, памятники перед Казанским собором, Александровская колонна, Исаакиевский собор. Известно высказывание В.О. Ключевского: «Алексей Николаевич Оленин — это целые полвека в истории нашего просвещения и нашей историографии, особенно археологической ее ветви. <...> В продолжение 50 лет — до 1843 года — трудно вспомнить в ходе русского просвещения крупное дело или крупного дельца, не припоминая и Оленина».

Значительный исторический интерес представляет сама усадьба, сохранившая до сегодняшнего дня свои основные постройки и часть пейзажного парка. Автор проекта неизвестен, однако историки архитектуры усматривают в облике строений сходство с творческой манерой Н.А. Львова, с которым Оленин был близок в конце XVIII в.

Через многочисленных потомков Олениных, среди которых были музыканты, художники, скульпторы, литераторы, усадьба связана с русской культурой начала XX в.

Усадьба Приютино расположена на шестом километре Дороги жизни и в трех километрах от административной границы Санкт-Петербурга. Когда принималось решение о музеефикации усадьбы, о придании музею статуса музея-усадьбы, Приютино

входило в Объединение музеев Ленинградской области как один из филиалов. Более двадцати филиалов Объединения имели общую дирекцию, которая занималась реставрацией, закупками, музеефикацией; через нее шло общее финансирование филиалов, решались вопросы рекламы, осуществлялось научное и методическое руководство. Дирекция Объединения имела солидный штат, ученый совет, фондово-закупочную комиссию, включала в себя централизованную бухгалтерию, реставрационный отдел. Результатом многолетнего реформирования стала ликвидация Объединения и создание на ее руинах странного феномена с трудноопределимыми функциями — музейного агентства, единственная реальная деятельность которого сводится к распределению скудного бюджета музеев Ленинградской области. Агентство является промежуточным звеном на пути прохождения денег от казначейства до музея. Кого и перед кем представляет агентство, то есть где и чьим агентом оно выступает в таковом своем качестве — понять сложно. Однако, поскольку само агентство состоит в подчинении Комитета по культуре при Правительстве Ленинградской области, то можно предположить два варианта:

- агентство представляет музеи в Комитете по культуре;
- агентство представляет Комитет (выступает от его лица) в сфере музейной практики.

Агентство имеет юридическое лицо, но не имеет лица общественного, не имеет квалифицированного штата; фондово-закупочная комиссия, ученый и экспертный советы, реставрация и музеефикация прекратили свое существование как таковое.

При Комитете в результате реформирования всей музейной сферы области был создан Отдел новых музейных технологий. Новые технологии фактически — это не что иное, как написание программ для получения грантов, то есть добывание

внебюджетных средств. Однако, как хорошо известно, существующие фонды не финансируют ни реставрацию, ни закупки, ни музеефикацию. Следовательно, новые музейные технологии в подобной их интерпретации не решают жизненно-важных проблем музеев, и все вышеперечисленные виды деятельности музеев стали исключительно их собственными проблемами.

Музеи Ленинградской области (филиалы агентства!!!) имеют фонды, историю, общественное лицо, но не имеют лица юридического, не являются владельцами зданий, в которых располагаются, следовательно, не имеют средств решать вышеназванные задачи. Единственное, чем музей имеет право свободно распоряжаться, — это выручка от экскурсионной деятельности. Но, в условиях удаленности от Петербурга и при отсутствии мощной и, следовательно, дорогостоящей рекламы, выручки едва хватает на оплату услуг связи и приобретение канцелярских принадлежностей.

Музей-усадьба и музей-заповедник — далеко не одно и то же. Но и музей-усадьба — не просто музей. Однако особый его статус не прописан. Музеи-усадьбы в очерченной ситуации оказываются в особенно сложной ситуации. Усадьба — сложный организм. Усадьба, как правило, включает в себя комплекс построек, парк, пруды, которые требуют значительных усилий для их поддержания. Территория, прилегающая к усадьбе, также оказывается включенной в сферу пребывания посетителя, работает на создание единого образа. В сегодняшней ситуации и здания, и парк, и окружающая территория — собственность муниципального образования, в нашем случае — города Всеволожска, за которым закреплено финансирование содержания музея, а реально — оплата электро- и водоснабжения. Однако эта собственность в качестве объекта культуры, следовательно, — некоммерческого

объекта, не привлекает интереса муниципальных властей. Парк же вообще не учтен как чья-нибудь собственность, во всяком случае в «Перечне федерального имущества, переданного муниципальным образованиям Ленинградской области в безвозмездное пользование»,^{*} парк не значится. Что стало со статусом памятника республиканского значения — не ясно.

В то же время, музей не имеет права сдать в аренду, таким образом, усадебный комплекс обречен на деградацию. Деградация Приютина, открывшегося как музей в канун окончания музейного бума, началась сразу по завершении первой очереди реставрации. В мае 1990 г. главный господский дом музея-усадьбы Приютино был открыт для посещения. Спустя год заработала усадебная кузница. Парк был приведен в относительный порядок: высажены кустарники, посеяна трава, расчищены дорожки. Это было начало возрождения усадьбы, которое внушало оптимизм, но предполагало обязательное развитие. К этому моменту была готова вся проектная документация на реставрацию и приспособление (музеефикацию) всех сохранившихся усадебных построек (гостевого флигеля, ротонды-молочной на погребках, павильона над винными погребами, людской, кухни-прачечной, домовой экономии) и восстановление ряда утраченных построек, ранее находившихся на музейной территории^{**}: фруктовой и цветочной оранжерей, господской бани, птичьей. Стоит ли говорить о том, что все дорогостоящие проекты остались на бумаге?!

^{*} Приложение №5 к Постановлению губернатора Лен. обл. от 16.10.1998 г. № 320-пг.

^{**} Часть бывшей территории усадьбы, где располагались хозяйственные постройки, отрезана Дорогой жизни.

Время неумолимо. «Живите в доме, и не рухнет дом», — сказал поэт. Оставленные постройки ветшают и могут быть утрачены, но музей не может сдать их в аренду. Восстановленные возможными арендаторами оранжереи могли бы приносить реальный доход, но разрушаются вскрытые археологами фундаменты, и еще через десять лет будет потеряно само место их расположения. Гостевой флигель, в котором на излете реставрационной активности было снято межэтажное перекрытие в церковном крыле, лишенный крыши, готов обрушиться уже завтра. В парке, который фактически функционирует как общественный, деградирует почва, но у музея нет денег на землю. Дорожки зарастают, утрачивают очертания, но хозяину не до них. Ненастья валят старые деревья, ломают кустарники, но хозяин-муниципалитет не заботится об их восстановлении. Пруд, в котором летом купаются жители Всеволожска, уходит, так как нарушена плотина, но хозяин-муниципалитет не выделяет средств на ее восстановление. Под вековыми лиственницами обыватели раскладывают костры, в восстановленной кузнице и молочной-ротонде бьют стекла, бытовой мусор скапливается всюду, но хозяин-муниципалитет не может (или не хочет) содержать ни сторожей, ни уборщиков территории. Содержание усадьбы — это проблема хозяина. Раньше хозяин-помещик мог взять ссуду под залог земли, построить винокурню, да мало ли что мог настоящий хозяин! Но кто сегодня хозяин усадьбы? Во всяком случае — не музей со своим грошовым бюджетом, сокращающимся, как шагреновая кожа, штатом, в котором не предусмотрены даже рабочие по обслуживанию зданий, и лишенный юридического лица.

Федеральные культурные программы играют подчас роль волшебной палочки, когда в канун знаменательной даты музеи получают вдруг и сразу то, чего не получали десятилетиями.

Однако в программу нужно суметь войти. А войти в нее могут только и без того сильные, имеющие звонкий статус национального достояния, музеи. Примером тому — знаменитая пушкинская программа. При этом особую роль, не поддающуюся рациональному объяснению, играют разнообразные мифы, формируемые «общественным мнением» и которыми формируется образ музея в общественном сознании.^{***} Чем объяснить, что пушкинская программа выделила средства на восстановление недавно дотла сгоревшего дома Рукавишниковых (Набокова) в Рождественно, но не выделила ни копейки для Приютина — единственного в Ленинградской области места, о пребывании Пушкина в котором столь много и доподлинно известно? Так называемые «приоритеты» не от бога означены, приоритеты принимаются комиссиями, а следовательно, нужно уметь войти в комиссию. Под силу ли это «филиалам агентства»?

Еще одна и не последняя проблема — музейные кадры. О зарплате из областного бюджета (а усадьба — это, как правило, область; у городских усадеб — иная жизнь и судьба) говорить не буду. В конце концов, в жизни всегда есть место подвигам.

^{***} В каких-то случаях миф спасает памятник. Так произошло с Берновым Вульфов, которое в сознании общественности тесно связано с именем Пушкина, хотя, как отмечали исследователи уже в 20-30-е годы прошедшего столетия, «по той роли, которую играют в истории приездов Пушкина в Старицкий уезд, на первое место претендуют Малининки и Павловское». Но в Павловском (все постройки деревянные) от времен Пушкина ничего не сохранилось. К 1923 г. от поместья уцелели лишь остатки скотных дворов да колонны бывшего барского дома, находившиеся на фасаде одного из сельских домов. В Малининках деревянный дом рухнул к середине 1920-х годов. (См. С.А.Фессалоницкий. Пушкин в кругу старицких дворян // Материалы Общества изучения Тверского края. Вып.6, 1928; С.А.Фессалоницкий. Уголок Пушкина в Старицком уезде // Материалы Общества изучения Тверского края. Вып.3, 1925). Устоявшему Бернову и выпала судьба музея.

Но осознание совершенной безнадежности борьбы, ненужности дела, которому мы служим, заставляет опытных музейщиков покидать агонизирующие усадьбы. Молодые специалисты не хотят работать бесплатно. В музеях появляются случайные люди, пусть добросовестные, но не знающие усадьбу. Вновь рвется традиция, создаются новые легенды. Рано или поздно, приспособившись к условиям существования, усадьба изменит лицо, культурный ландшафт исказится.

При всем том, музеефицированным усадьбам все же, можно сказать, повезло. Еще печальнее участь усадеб брошенных, оставленных всеми. Прошлым летом участники международной конференции, посвященной 250-летию со дня рождения А.Н. Радищева, проехали по маршруту знаменитого «Путешествия». Душа «взглянувших окрест» участников конференции «уязвлена стала».

Ничто, кроме поставленного энтузиастами креста, не указывает на державинскую Званку. Но она разрушена не нами. Состояние дивных и славных усадеб Тверской губернии — Митина, Василёва, Никольского-Черенциц, Знаменского-Райка, Прямухина, Грузин повергает в глухую тоску. Сейчас, когда приближается двухсотпятидесятилетний юбилей Н.А. Львова (1751-1803), резонно было бы ожидать какой-нибудь программы, но о ней ничего не слышно****, видимо, имя Львова не входит сегодня в число «приоритетных». Примеры можно множить.

На мой взгляд, возможным выходом для сохранения этого национального культурного феномена было бы принятие долго-

**** Впрочем, как только что стало известно, будут не только выставки, издания и конференции, предполагается и уже начала осуществляться тверскими свособразная кинолентопишь творчества Н.А.Львова, так что есть надежда, что усадьбы, точнес, то, что от них осталось, сохранятся на плёнке.

срочной федеральной программы «Русская усадьба», придающей усадьбе статус национального памятника. Основными (но, конечно, не единственными) критериями при оценке культурной значимости усадьбы должны быть:

— степень сохранности усадебного комплекса и, следовательно, реальная возможность его восстановления (а в ряде случаев, подобных Приютину, уже существуют, сданные в архив, проекты реставрации, например, в случае со знаменитыми Грузинами Полторацких в той же Тверской губернии);

— художественная и историко-культурная ценность усадьбы.

Для этого необходим общий свод информации о сохранившихся усадьбах. В этом направлении историки уже работают в разных регионах. Замечательный, но, к сожалению, труднодоступный из-за крошечного тиража, справочник «Тверская усадьба» выпустил Тверской государственный архив. Справочник включает в себя исчерпывающую информацию об усадьбах Тверской губернии: владельцы от основания до национализации, архитектор, проектная и обмерная документация, описи, публикации, сохранившиеся сегодня объекты. Форма, предложенная Тверью, представляется мне замечательно верной. Такая «инвентаризация», проведенная в каждой губернии, очертит проблему, даст объективную картину как раз в двух аспектах: история и современность.

Конечно, все сложно. Но нужно что-то начинать сообща. Иначе усадьбы будут гореть и превращаться в руины. Государство должно определить свое отношение к уникальному явлению русской усадьбы и закрепить его законодательно.

Н. Г. РАЗИНА

ИЗ ОПЫТА РЕСТАВРАЦИОННОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ УСАДЕБНОГО ДОМА В ОСТАФЬЕВЕ

Остафьевский дворец, расположенный в усадьбе князей Вяземских, является оригинальным произведением русского зодчества эпохи строгого классицизма и интереснейшим культурно-историческим и мемориальным памятником Подмосковья, связанным с именами А.С. Пушкина, Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, А.С. Грибоедова, Е.А. Баратынского, Н.В. Гоголя. Первые тридцать лет XX в. в Остафьеве существовал открытый еще последним владельцем усадьбы графом С.Д. Шереметевым культурно-мемориальный дворец-музей с уникальной библиотекой и превосходнейшей коллекцией художественных ценностей, собранных представителями нескольких поколений Вяземских. К сожалению, в начале 1930-х годов музей был упразднен, а коллекция расформирована. Более полувека здание дворца использовалось для лечебно-оздоровительных целей, неоднократно перестраивалось, утратив некоторые оригинальные черты своей первоначальной архитектуры. Особенно пострадали интерьеры памятника.

В 1988-89 гг. Постановлением Совмина СССР (№ 1383 от 05.12.1988 г.) и Решением Исполкома Московского городского и Московского областного Советов Народных депутатов (№ 806-399 от 13.04.1989 г.) в Остафьеве был вновь организован мемориальный историко-литературный музей, существо-

вавший первое время на правах филиала Государственного литературного музея А.С. Пушкина (г. Москва). В настоящее время в связи с возрождением музея-усадьбы Остафьево «Русский Парнас» встала задача научной реставрации Остафьевского дворца («главного дома») с возвращением ему первоначального облика, который соответствовал бы художественной традиции «пушкинской эпохи», т.е. первой трети XIX в.

До начала проектных работ (намечавшихся институтом «Спецпроектреставрация» на 1995г.) бригадой искусствоведов в составе Л.В. Карповой, Л.А. Перфильевой, В.В. Скопина проводились историко-архивные и библиографические исследования усадебного дома в Остафьево (1994-95 гг.). Были исследованы фонды центральных государственных архивов, изучены материалы фондов музея-усадьбы в Остафьево «Русский Парнас» и документы личных коллекций.

Сложность этой работы заключалась в счастливой и редкой многочисленности сохранившихся исторических документов, связанных с историей усадьбы Вяземских, однако, к сожалению, разбросанных по различным архивохранилищам Москвы и Санкт-Петербурга. Благодаря хорошей сохранности коллекций семейных архивов бывших владельцев усадьбы Вяземских (РГАЛИ) и Шереметевых (РГАДА, РГИА), включающих в себя хозяйственные документы, связанные со строительством, отделкой и обустройством зданий, многие из важных документов по строительству усадьбы в Остафьево были уже известны и частично опубликованы. Тем не менее, в результате данного исследования оказались выявленными новые ценнейшие материалы, связанные как с самым важным этапом в истории дворца в Остафьево — временем его строительства в 1801-1807 гг., так и с другими периодами его истории.

Существующий усадебный дом в Остафье был построен в 1801-1807 гг.; капитально ремонтировался в 1860-х годах, утратив бельведер; в 1900-х годах одна из двух деревянных лестниц была заменена на каменную, и, наконец, в 1930-1950-е годы внутренняя планировка дома подверглась значительным изменениям в связи с приспособлением его под санаторий. Кроме того, на протяжении почти двухсотлетней истории дома в нем производилось множество частных изменений, связанных с эксплуатацией и возникающими в связи с этим текущими проблемами (физический износ материалов, усталость конструкций, функциональные изменения планировки и проч.). В результате, до настоящего времени памятник дошёл со значительными утратами и переделками.

Вместе с тем Остафьевский дворец нельзя отнести к разряду «многослойных» памятников, поскольку даже самые существенные изменения не производились в нём этапами, связанными с художественно-стилистическими изменениями, охватывающими всё здание целиком, а имели характер локальных переделок, нужда в которых возникала время от времени при эксплуатации помещений разными поколениями владельцев. Это обстоятельство даёт возможность по-особому подойти к методике выработки реставрационных решений по памятнику и вопросам последовательности натурных исследований, проектных и производственных работ.

До настоящего времени проектные работы по памятникам архитектуры проводятся обычно в соответствии с «Методическими рекомендациями» МК РФ («Указания по исходной, разрешительной и научно-проектной документации для реставрации памятников истории и культуры», Москва, 1989 г.). Условия нового времени зачастую не только не позволяют последователь-

но друг за другом выполнять все требования «Методических указаний», но можно даже утверждать, что в некоторых случаях строгое их соблюдение может стать губительным для памятника. Так, для составления основной утверждаемой части документации — эскизного проекта — требуется осуществить комплекс натуральных исследований (археологических, технологических, предполагающих закладку шурфов, зондажи и т.д.), проведение которых приводит к тотальному раскрытию, по существу «разорению» памятника, а в условиях недостаточного финансирования — к губительному долгострою.

Выполняя необычное для реставраторов условие, поставленное перед нами спецификой непрекращающейся музейной жизни Остафьевского дворца, — **не производить зондажей в интерьерах музея** в период эскизного проектирования — мы уже на стадии предварительных работ приняли решение, что основой дальнейшего проектирования и принятия наиболее целесообразных решений по научной реставрации станут **«Графические реконструкции»** памятника на важнейшие периоды его существования: 1801-1830-е годы и 1910-е годы.

Главное внимание в этих работах уделено реконструкции объёмно-пространственной композиции дворца, подвергавшейся изменениям в процессе эксплуатации зданий, а также планировочной структуре с уточнением первоначальных функций помещений. Вопрос о художественной отделке интерьеров на данной стадии не решался.

Материалами для графических реконструкций послужили:

- а) историко-архивные и библиографические исследования (см. выше);
- б) технические заключения результатов нескольких инженерных обследований памятника в 1994-1995 гг.;

в) архитектурные обмеры и натурные исследования памятника (ин-т «СПР», АРМ-1, 1995г.);

г) аннотация фотографических материалов по фасадам и интерьерам дома конца XIX — начала XX веков (ин-т «СПР», АРМ-1, 1996г.).

Сопоставление библиографических, натуральных и фотографических материалов позволило выявить архитектурно-пространственную композицию дома и динамику ее изменений на протяжении двух веков. Пояснительная записка к графическим реконструкциям содержала подробные мотивировки всех реставрационных решений с ссылками на материалы исследований или иллюстративный источник.

Натурные исследования по первоначальной отделке интерьеров дома, представление о которых сохранилось в значительной степени только в изобразительных материалах, решено было проводить одновременно с производственными работами, дополняя ими проектные материалы, выполненные к тому времени аналитическим путем.

По результатам представленных исследований и проектным материалам научный совет музея протоколом зафиксировал, что первую графическую реконструкцию возможно принять как основу эскизного проекта реставрации памятника. Именно здесь дворец представлен в том виде, в котором он был окончательно отделан П.А. Вяземским и в каком его видел А.С. Пушкин.

Следующим этапом эскизного проектирования был выбран **проект реставрации и приспособления**, что также не вполне соответствует «Методическим указаниям», в которых «рекомендации по дальнейшему использованию и эксплуатации памятника» являются пунктом «б» «приложений» к «Научно-реставрацион-

ному отчету», выполняемому по завершении реставрационных работ на памятнике.

В условиях функционирования дворца в виде музея и необходимости проведения работ по его технической и научной модернизации только одновременное решение проектных задач по реставрации и приспособлению памятника, на наш взгляд, может дать положительный результат. Мало того, совмещение реставрационных работ с музейной деятельностью открывает для последней дополнительные возможности: отдельные находки реставраторов становятся частью экспозиции, не говоря уже о том, что резкая активизация хозяйственной деятельности музея в период реставрации всегда привлекает к себе внимание посетителей и т.д.

Таким образом, комплексный (перспективный) проект приспособления, вырабатываемый одновременно с принятием реставрационных решений, его важнейшие инженерные и технологические части, охватывающие весь комплекс построек и проблем, возможно, станет основой успешного проведения в дальнейшем реставрационных работ по данному памятнику и может послужить положительным примером для решения аналогичных задач по другим объектам.

Уже при проведении натурных исследований и в ходе эскизного проектирования стало понятно, что производство реставрационных работ одновременно по всему столь большому усадебному дому невозможно и губительно для памятника, тем более в условиях неравномерного финансирования. Как и другие подобные усадебные дома начала XIX в., Остафьевский имел сложную структуру. Он состоял из центрального объема и двух флигелей, далеко отстоящих, но связанных с дворцом галереями-колоннадами. Каждая из частей дворца требует не только вос-

становления утраченной внутренней планировочной структуры, но и, прежде всего, докомпоновки утраченными объемными элементами. В центральной части здания необходимо заново воссоздать бельведер, объемы двух внутренних лестниц, террасу и парадную белокаменную лестницу главного фасада; флигели требуется «дополнить» входными лестницами-крыльцами, и, наконец, в галереях нужно раскрыть колоннады и восстановить кровли-террасы. Кроме того, все части здания нуждаются также в замене обветшавших деревянных перекрытий, кровель, оконных и дверных заполнений, цементной штукатурки начала века. Как показали уже начавшиеся в 2000 г. реставрационные работы по западному флигелю, за внешним благополучием оштукатуренных почти метровых по толщине стен скрываются аварийные ситуации просевших фундаментов под внутренними стенами, прогнивших балок и т.п.

Было принято решение о поэтапном проведении **строительно-восстановительных работ**, что представляется исключительно важным для дальнейшей судьбы памятника. Сформулированные к тому времени в «Проекте реставрации и приспособления» принципы функционального зонирования дворца, приспособляемого под музейные нужды, помогли определить схему очередности закрытия частей дворца на реставрацию. Сама структура дома подсказала возможные пути решения проблем организации производства реставрационных работ и дальнейшей эксплуатации памятника. Вместе с тем, ранее утверждённое окончательное решение объекта, засвидетельствованное вариантом «графической реконструкции» всего здания, должно служить задаче корректировки и согласования между собой поэтапно реставрируемых фрагментов (объёмов) памятника.

Предложенная нами схема дает возможность не останавливать налаженную и многофункциональную хозяйственно-просве-

тельную деятельность музея и одновременно вести реставрационные работы, что очень важно в современных экономических условиях.

Т. Л. СИНЕОКОВА

ИЗ ОПЫТА СПАСЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ УСАДЬБЫ Л.А. ТАМБУРЕР В ПОДМОСКОВНОМ ПОСЁЛКЕ УДЕЛЬНАЯ

Прежде чем осветить историю спасения и сохранения усадьбы Лидии Александровны Тамбурер, приведу краткую историческую справку о посёлке Удельная Раменского района Московской области.

Посёлок возник на землях Удельного Ведомства, ведавшего имуществом, обеспечивавшим содержание членов Императорского дома, обязан своим появлением Московско-Рязанской железной дороге, проложенной в 60-е гг. XIX в. В 1866 г. вдоль железной дороги были нарезаны участки земли от десятины и более, которые, согласно Предписаниям Департамента Уделов, начали сдаваться в арендное содержание под постройку дач. Всего нарезано 102 участка. В связи с тем, что Удельная к 90-м годам приобрела большую популярность, в 1893 г. было нарезано ещё 37 участков. В том же 1893 г. была построена и железнодорожная станция, которая и получила название Удельная.

Согласно архивным данным к 1895 году в Удельной проживало более 1000 человек; в связи с этим, а также потому, что до ближайшей церкви, находившейся в селе Быково, было 2,5 версты, местные жители обратились в Московскую епархию с прошением построить храм. Разрешение было получено. Проживавший в Удельной архитектор Семён Семёно-

вич Эйбушитц сделал проект церкви, и в 1897 году за 4 месяца храм — деревянная церковь Живоначальной Троицы (расписана братьями Васнецовыми) — был построен. За строительство церкви Эйбушитц получил малую золотую медаль архитектуры, которая до настоящего времени хранится в Удельнинской церкви. В том же 1897 году в километре от церкви был выкопан пруд. Работами руководили инженеры И.Ф. Фортунатов, Н.П. Зимин, К.П. Карельских, а надзор за строительством проводил архитектор Терский. В дальнейшем, в 1906 году, проводились работы по расширению пруда под надзором классного художника архитектуры В.В. Шеймана.

С самого начала появления посёлка участки земли арендовали представители различных слоёв общества — дворяне, купцы, мещане, крестьяне. Условия аренды были для всех одинаковы. Проведённый мною анализ договора об аренде земли выявил практическую безукоризненность всех его пунктов. Договором предусмотрены практически все нюансы, которые могут возникнуть между арендатором и арендодателем. Приведу лишь один пример:

«... Пункт 39. Обязывается арендатор, начиная с первого же года аренды улучшить участок посадкою деревьев по всей свободной площади по расчету 2400 штук на десятину. Если же в течение первых 2-х лет арендатор не приступит к посадке деревьев, то Удельное Ведомство имеет право само произвести эту работу и сделанный на этом расход по установленному местным управляющим имением расчету арендатор обязан уплатить беспрекословно по первому о том требованию...»

Среди арендаторов земли в Удельной были люди, чьи имена вписаны золотыми буквами в историю России конца XIX —

начала XX века. Это Карл Эйнем, инженер Евгений Карлович Кнорре, купцы Василий Иванович Хлебников, Иван Дмитриевич Панов, Фёдор Константинович Клепиков, Иван Фёдорович Герасимов, Екатерина Павловна Чудакова, Николай Антипович Богомоллов, главный лесовод России Митрофан Кузьмич Турский, врач Николай Сергеевич Сперанский, архитекторы Семён Семёнович Эйбушитц, Александр Васильевич Красильников, Семён Васильевич Барков, инженер-технолог Лев Константинович Серпинский, солист Императорского театра Михаил Николаевич Бачурин и многие другие. В разные годы в Удельной жили, работали или отдыхали инженер Шухов, архитектор Синявский, писатель Паустовский, скульптор Голубкина, писатель Михаил Булгаков, музыканты Ипполитов-Иванов, Гольденвейзер, Сизов, артисты Надежда и Варвара Обуховы, Фёдор Шаляпин, Александр Иванович Южин, Леонид Витальевич Собинов, Василий Васильевич Лужский, поэт Марина Цветаева и её сестра Анастасия Ивановна. Здесь жил митрополит Серафим (Чичагов), расстрелянный в застенках Лубянки.

Среди дачевладельцев Удельной была и Лидия Александровна Тамбурер, потомственная дворянка, имевшая специальность зубного врача, работавшая в гимназии Медведниковых в Москве. 1902 год. Лидия Александровна берёт в арендное содержание участок земли № 88 (64 сотки) и выстраивает один жилой дом с мезонином в стиле модерн. Через шесть лет в 1908 г. она берёт ещё один, соседний, участок земли под № 89 (62 сотки) и также выстраивает один жилой дом в стиле неоклассицизма. Главный фасад дома украшен портиком с колоннами и треугольным фронтоном. В интерьере прекрасно сохранилась анфиладная планировка с кафельными угловыми печа-

ми, парадными филёнчатыми дверями и другими деталями внутреннего убранства. При домах был разбит парк, территория была украшена беседками, скульптурами, малыми архитектурными формами.

Борьба за сохранение усадьбы началась в 1988 г. в связи с тем, что в феврале 1988 г. Мособлисполком принял решение отвести участок в 2 га под строительство девятиэтажного дома и АТС за счёт изъятия земельных участков у домовладений и со сносом домов. При этом изъятие предлагалось произвести в соответствии с положением об изъятии земель для государственных или общественных нужд, утверждённым ещё ВЦИК и СНК РСФСР 4. 03. 1929 года, тогда как в 1988 г. уже действовало положение об изъятии от 1962 г.

В данном случае, никаких исторических изысканий, архитектурных обследований территории и домов, подлежащих сносу, не проводилось. Жители не были извещены о предстоящем сносе их домов и о решении по поводу строительства. Об этом они узнали случайно. И сразу стали писать в различные инстанции — поссовет, Раменский горсовет, Мособлисполком, а также в министерства культуры СССР, РСФСР и ЦС ВООПИиК. И это дало первые результаты. 21 апреля 1989 г. Раменский исполком ставит под государственную охрану две жилые постройки как памятники архитектуры местного значения. Однако Мособлисполком, хотя частично и согласился с тем, что два дома — памятники архитектуры, но не оставил мысли о выселении жителей из домов. «Учитывая историко-культурную ценность и архитектурную, считаем целесообразным уточнить значимость указанных строений и при разработке проекта застройки сохранить наиболее ценные здания, предусмотреть в них в последующем размещение объектов общественного назначения».

В перспективе это могло означать лишь одно — получение территории для нового строительства. Ни о какой охране памятников, ни о каком сохранении культурного наследия речи не велось. Однако общественность Удельной хорошо понимала, чем грозят половинчатые решения власть предержащих. И ожидания оправдались. Уже через два месяца Раменский исполком отменяет решение о постановке памятников на госохрану и выносит совсем непонятное решение:

1. Поставить 2 строения под госохрану как памятники архитектуры местного значения.

2. Земельные участки сохранить за застройщиком — 402-м заводом под строительство 9-ти этажного дома, АТС и УТИ в соответствии с планом от 31.03.1988 г.

3. Оформить с производственным бюро по охране и реставрации памятников культуры МО охранные обязательства на право использования здания памятника и передать на баланс заводу № 402 ГА.

4. Утверждённые схемы генплана согласовать с ЦС ВООПИиК.

Такое юридически неграмотное решение Раменского исполкома дало повод обратиться в прокуратуру. Одновременно с этим общественность Удельной и Раменского района продолжала писать в различные инстанции. В Удельную стало приезжать большое количество различных комиссий. В итоге в Раменский исполком, Мособлисполком и прокуратуру посылаются письма-протесты о недопустимости сноса зданий усадьбы и строительства на прилегающей территории не только от жителей Удельной, но и из министерства культуры, ЦС ВООПИиК, производственного бюро по охране памятников Московской области.

Руководство завода также не было молчаливым участником спора. Им было подключено министерство гражданской авиации СССР. Вот некоторые выдержки из ответа МГА жителям посёлка. «Земельный участок дома № 14 по Южному проспекту в посёлке Удельная взят заводом № 402 ГА на баланс и на него оформлено охранное обязательство на право использования здания-памятника.» Любой здравомыслящий человек тут же задаст вопрос: «Как дом, частную собственность, вместе с участком взял на баланс завод и по какому законодательству такое возможно?» «Дома № 12,13 по Южному проспекту списаны по предписаниям санитарного и пожарного надзоров и в дальнейшем, по просьбе их владельцев, разобраны». В МГА не знали, что уже сделаны запросы последним владельцам домов № 12 и 13, получены ответы, где чётко указывалось, что дома ими не разбирались. Дальше вообще замечательно: «В связи с освоением новой авиационной техники, ...исходя из задач, стоящих перед заводом 402 ГА, принято решение Мособлисполкома об отводе земельного участка под строительство 180-ти квартирного дома в посёлке Удельная Раменского района для завода 402 ГА. Министерство ГА СССР такое решение считает правильным. Начальник Главного Управления МГА В.В. Кузькин».

Однако, ни на заводе, ни в МГА, ни в Мособлисполкоме не знали, а может быть сделали вид, что не знали о том, что 13 марта 1988 года было вынесено постановление СМ СССР об отмене всех принятых ранее решений о ведомственном строительстве в Подмосковье, а таким образом под это постановление попадает и решение о строительстве заводом жилья в Удельной. Но всё это было проигнорировано.

А в это время появляется историческая справка, подготовленная производственным бюро по охране памятников Мос-

ковской области, составленная по итогам работы многочисленных комиссий различных уровней и изысканий, проведённых за последний год. «Историческую и архитектурную ценность имеет вся усадьба в целом, а не только сохранившиеся два здания».

Заказываются паспорта на усадебный комплекс Тамбурер в объединении «Союзреставрация». «Усадебный комплекс Тамбурер (конца XIX — начала XX века) в посёлке Удельная, состоит из главного дома (остался только фундамент), 2-х флигелей (1 не сохранился), дома для гостей и пейзажного парка. Сохранившиеся постройки усадебного комплекса представляют, кроме того, несомненный интерес как образец гражданской архитектуры в стиле модерна и неоклассицизма».

Составляется паспорт и на парк усадьбы. Работы ведутся лабораторией лесоведения АН СССР и ботаническим садом МГУ. «В старой усадьбе прослеживается парковая планировка, остатки липовых аллей. Хорошо сохранились старые посадки липы, сосны, берёзы, сосны кедровой сибирской. В парке отмечается наличие редких для Подмосковья растений-интродуцентов, таких как липа европейская, белый тополь, лиственница сибирская, сосна кедровая сибирская, бузина кистистая разнолистной формы». Данные исследования проводились под руководством и при непосредственном участии Г.А. Поляковой и М.С. Успенской.

В дальнейшем писалось, что парк требует подробного обследования и составления научно обоснованного проекта его восстановления. Документы на парк были переданы для внесения в проект генплана развития Москвы и Московской области и в комплексную схему районного планирования как дополнение и

изменения к кадастру особо охраняемых природных территорий Московской области.

Естественно, противники сохранения должны были что-то противопоставить такому мощному натиску на их задумки. И они решились! На территории парка срублено семь старинных деревьев. Но это был пробный шаг: смотрели на реакцию. И пока срочно рассылались письма о произведённом варварстве, ровно через неделю ранним майским утром в парк была прислана с завода целая бригада с бензопилами. Жители из окрестных домов вызывали представителей власти, лесного хозяйства, а бригада делала своё дело. К приезду районного лесничего с двумя помощниками варварство было завершено.

Представителям лесного хозяйства оставалось лишь подсчитать количество спиленных деревьев. А поскольку считать пни под огромным количеством хаотически поваленных деревьев было трудно, диаметр и породу многих пней записывали на глазок. То, что сумели сосчитать, равнялось 104 деревьям. Охранять парк больше не надо, плюс освободилась огромная территория под строительство. И рождается новое решение: дома Тамбурер сохранить, а корректировка строительства есть: жилой дом поставим не так, а иначе, да к тому же (радуйтесь!) на земле, свободной от построек и деревьев. Таким образом, как бы удовлетворялись требования законодательства об охране памятников. И отстаньте от нас!

Это была последняя капля. Мною были собраны все документы, и я поехала в Приёмную Президента России. Мне был назначен день приёма. Одновременно я разослала запросы в прокуратуру Московской области и в Генеральную прокуратуру России с указанием факта отсутствия реагирования Раменской прокуратуры на действие, а точнее — бездействие властей Удельной

и Раменского района. Мною было подключено к освещению этого вопроса «Радио России», радиостанция «Маяк», телепрограмма «Вести» и печать различного уровня. Противостояние достигло апогея.

Чтобы не задерживать Вашего внимания, подведу итог борьбы за сохранение усадьбы. За время борьбы было написано писем, получено ответов, оформлено различных документов, справок, поручений, постановлений всего более трёхсот. После обращений в различные инстанции появилось 6 Правительственных поручений. К борьбе за сохранение, кроме Правительства, подключились различные отделы и управления министерства культуры, Генеральная прокуратура, представительство ЮНЕСКО в Москве, Общество изучения русской усадьбы, Центральный Государственный Исторический Архив, Раменский краеведческий музей, Дмитрий Сергеевич Лихачёв и многие другие. Своими письмами нам очень помогла Анастасия Ивановна Цветаева, у которой мы неоднократно бывали и которая успела рассказать нам очень много о Лидии Александровне Тамбурер, об Удельной, о пребывании сестёр Цветаевых у Тамбурер в Удельной. Итог борьбы был подведён лишь 20 февраля 1995 года, т.е. спустя 7 лет после её начала. Усадьба была поставлена под государственную охрану как памятник федерального значения. Под охрану были также поставлены церковь и ещё два домовладения в Удельной. Это то, что касается истории спасения усадьбы Лидии Александровны Тамбурер. Перейду к вопросу сохранения усадьбы в современных условиях.

После выполнения первой задачи — выявления и постановки на государственную охрану, на повестке дня стоит актуальная и важнейшая задача — её сохранение. Ведь усадьба живёт по своим законам: находится в частных руках, а охранные обяза-

тельства с жителями до настоящего времени не оформлены. А это, в какой-то мере, может привести к её утрате (при смене владельцев, или при появлении у владельцев желания что-либо перестроить на свой лад и вкус). Правда, пока им такие идеи в голову не пришли. Но есть ли гарантия?

И надо отдать должное владельцам. В сложных современных условиях (в основном финансовых) они изыскивают возможность физического сохранения домов. Так, была перекрыта крыша дома № 15 по Южному проспекту. Начат ремонт в доме № 14. Специально выписаны брёвна лиственницы для замены сгнивших потолочных балок и нижних венцов. Откладываются деньги на единую покраску дома, отремонтировано одно из слуховых окон. Отмечу тот факт, что никаких денежных поступлений ни от властей всех уровней, ни от сторонних организаций на ремонт домов не поступает. Власти просто от нас отвернулись и забыли. Ещё раз укажу на тот факт, что после придания статуса памятника федерального значения охранные обязательства с жителями не переоформлялись, как того требует существующее законодательство. Об охранных зонах вообще говорить не приходится.

Но ясно одно. За долгие годы борьбы за сохранение усадьбы жильцы домов закалились и приобрели немалый опыт по этому вопросу. Сейчас ими благоустраивается территория, посажены две молодые липы взамен погибших в сохранившейся липовой аллее. Но, к сожалению, это на территории, относящейся к двум домам. Остатки же парка на соседней территории находятся в плачевном состоянии: гибнут деревья, свозится мусор.

Территория подвергается открытому вандализму со стороны жильцов домов, построенных на участке, который некогда был парком: срезается кора у оставшихся деревьев, в большом коли-

честве стоят машины, гаражи-ракушки. Неблагоприятна и обстановка в связи с построенными вдоль железной дороги (на фасаде усадьбы) гаражами. Практически утеряны визуальные связи с находящейся по другую сторону железной дороги церковью.

Наряду с физическим сохранением усадьбы происходит и её духовное возрождение, восстанавливается духовная жизнь, заложенная её первой владелицей. Доподлинно известно, что дома Лидии Александровны в начале XX века были центром культурной жизни посёлка. Среди друзей Тамбурер были писатели и художники, музыканты и артисты театров. Приезжали актёры МХТ, Большого, Малого, Вахтанговского театров. В доме были роскошная библиотека и рояль. К сожалению, всё это было утеряно в послереволюционные годы. Но оставался дух усадьбы. Ещё какое-то время продолжалась традиция домашних театров. В усадьбе любил отдыхать и работать Михаил Булгаков. Здесь работал над биографией своего знаменитого отца Сергей Львович Толстой. В доме № 15 до настоящего времени живёт племянница скульптора Голубкиной — Елена Семёновна Иванова. В этом же доме живут Кельчевские — дальние родственники Обуховых, Хвоцинских, Баратынских, Горчаковых.

Летом жители гостеприимно распахивают двери для экскурсантов, которых в последнее время становится всё больше и больше. На доме № 14 открыта памятная доска, а в августе этого года откроется памятная доска и на доме № 15. С 1992 года здесь проходят вечера, посвящённые истории посёлка, истории усадебных домов, проводятся презентации книг по краеведению, устраиваются вечера, посвящённые памяти певцов, актёров, бывавших или живших в этих домах, устраиваются

театрализованные действия с привлечением детей, а также взрослых, желающих принять участие.

Каковы же перспективы сохранения усадьбы в современных условиях? Они, скорее всего, едины для всех усадеб России. Перед российским обществом стоит несколько задач. В связи с имеющим место нарушением генофонда необходимо спасать не только памятники, но и общество в целом. Необходимо именно сейчас, пока не поздно, закладывать условия для воспитания здорового поколения, причём не только в физическом, но и в нравственном отношении. Именно сейчас, пока ещё не всё потеряно, во главу угла нужно поставить воспитание любви подрастающего поколения к своему родному краю, посёлку. Нельзя допустить, чтобы выросли люди, могущие поднять руку на национальное достояние. Необходимо возродить краеведение не как некую дисциплину в школе или каком-либо другом учебном заведении, а как духовную потребность каждого человека. И воспитывать эту потребность с детства, делая это ненавязчиво.

Изучение и сохранение усадеб, появившихся в конце XIX — начале XX века, — неотъемлемая часть усадебоведения в целом. Этот довольно большой историко-культурный пласт мало изучен, а ведь он многогранен и интересен. В строительстве дач отразилось накопленное на протяжении длительного времени отношение к архитектуре жилья. Это синтез городского и деревенского строительства, синтез городской и деревенской усадьбы. А духовная жизнь на рубеже этих двух веков также является как бы переносом городской культуры в сельскую местность. И кто знает, какие бы результаты были от такого синтеза, если бы не 1917 и последующие годы!

Активизация духовного начала русского народа — необходимая и решаемая задача. А проводниками этого должны стать и такие небольшие местные усадьбы, как усадьба Лидии Александровны Тамбурер в посёлке Удельная Раменского района Московской области. Выявлять и сохранять подобные очаги культуры по всей России — наша общая задача.

А.Ю. БЕККЕР, АИ. ШАКС

МИХАЛКОВО: СТАРИННАЯ УСАДЬБА В УСЛОВИЯХ МЕГАПОЛИСА

Самые ранние архивные источники по Михалково относятся к 1584 г. Они показывают, что место, которое ныне именуется «Михалково», было пустошью и входило в состав вотчины С.Ф. Третькова с центром в Ховрине. По данным 1623 г. местность Михалково была помещьем новгородского служивого человека А.П. Загоскина. С первой половины до 80-х годов XVIII в. Михалково являлось вотчиной князей Дашковых, первым из которых был царский стольник И. Дашков. В середине XVIII в. Михалково, сельцо с полуразвалившимся господским домом и семью крестьянскими дворами, переходит в собственность к М.И. Дашкову. В «Экономических примечаниях XVIII в. Михалково описывается так: «На суходоле дом господский деревянный, с плодородным садом, земля иловатая, хлеб средственный, покосы хороши, лес дровяной, крестьяне на пашне».

На сохранившемся плане 1761 г. видно, что в пределах современного парадного двора находился лишь господский дом и еще пять строений, сохранялась дорегулярная планировка дорог. Зеркало воды нынешних Головинских прудов было нерасчлененным, не обозначена поверхность Большого Головинского пруда. Все зеркало воды соответствовало по территории современному Малому Головинскому пруду. Через владение проходили две

дороги в направлении юго-восток — северо-запад, и одна дорога шла на север вдоль восточной границы усадьбы. В северной, западной и южной частях усадьбы произрастали леса. На остальной территории были пашни и покосы. На расстоянии 500 м южнее пристани у западной беседки была устроена переправа. Из ведомости к геометрическому плану части Московского уезда (РГАДА ф. 1274. оп.1, ед.хр. 1090) следует, что в селце Михалково князя Михаила Дашкова, расположенном в 9 верстах от Москвы, насчитывалось 17 душ, пашни десятин 55 сажень 1245, сенокосу десятин 7 сажень 98, перелогу десятин 77 сажень 2014, под поселение десятин 6 сажень 900, неудобных мест десятин 12 сажень 1821, итого 159 десятин 1281 сажень.

Двадцатилетняя вдова князя Михаила Ивановича Екатерина Романовна Дашкова (урожденная Воронцова) — будущий президент Российской академии и директор Петербургской академии наук, ассигнует 500 рублей на покупку крепких бревен для строительства господского дома в имении покойного мужа и поселяется там с двумя детьми. Она продает свои ценности, оставив себе «из серебра только вилки и ложки на четыре куверта».

«Если бы мне сказали до моего замужества, что я, воспитанная в роскоши и расточительности, сумею в течении нескольких лет (несмотря на свой двадцатилетний возраст) лишиться себя всего и носить самую скромную одежду, я бы этому не поверила; но подобно тому, как я была гувернанткой и сиделкой моих детей, я хотела быть хорошей управительницей их имений, и меня не пугали никакие лишения...».

На протяжении почти пяти лет, практически безвылазно, бывшая сподвижница Екатерины II по дворцовому перевороту 1762 г. расчетливо и успешно ведет хозяйство, обучает грамоте крепостных, осваивает культуру земледелия, занимается воспита-

нием детей и полностью расплывается с долгами князя Михаила. В 1769 г., получив наконец высочайшее соизволение, Е.Р. Дашкова с детьми выезжает за границу под именем госпожи Михалковой. Перед отъездом она продает имение своему родственнику, двоюродному дяде покойного мужа, графу Никите Ивановичу Панину (1718-1783).

Никита Иванович (умный и осторожный вельможа, обергофмейстер, канцлер Российской империи, воспитатель престолонаследника, сторонник конституционной монархии) находился в Петербурге при дворе ее Императорского величества Екатерины II и по причине сей заниматься Михалковым не мог. Он передает усадьбу своему брату генералу Петру Ивановичу Панину (1721-1789).

П.И. Панин, главнокомандующий русской армией в Крыму во время русско-турецкой войны 1768-1774 годов, отличился при осаде турецкой крепости Бендеры. 8 октября 1770 г. в чине генерал-аншефа он удостоивается ордена Св. Георгия 1-ой степени «... за мужественное и благоразумное предводительство в вверенной ему в турецкую войну армии противу столь отчаянно и с великою силою неприятелем защищаемой крепости Бендер и покорение оной с ея замком». С 1774 г. он командует войсками при подавлении пугачевского бунта. В честь успешного завершения войны П. И. Панин 9 августа 1775 г. награждается золотым Георгиевским оружием — мечом с алмазами «За победу в русско-турецкой войне 1768-1774 годов» и вскоре отправляется в отставку. Фрондирующий генерал-аншеф, коего матушка-императрица называла «первым вралем и персональным оскорбителем», желает воплотить свои боевые реминесценции во вновь обретенном имении. Его знакомство с Василием Ивановичем Баженовым и характер возведенных строений позволяют

предполагать, что именно Баженов является автором проекта центрального ядра усадьбы.

На это указывают и авторитетные мнения таких ученых, как В.В. Згура, Н.Я. Тихомиров, А. И. Михайлов, М.А. Ильин. Создается ансамбль в стиле царицынских построек, от которых к настоящему времени сохранились фрагменты в виде башен, части полуциркульной контрфорсной стены, перестроенных флигелей и двух разрушающихся беседок «у пруда» и «в парке». Центральный двор должен был напоминать небольшую крепость, на кокошниках башен — изображения полумесяца в знак победы при Бендерах, две восьмигранные башни главного въезда схожи с башнями царицынского Фигурного моста, прямоугольные в плане башни боковых въездов с мощными угловыми пилонами обрамлены стройными тонкими колоннами по три с каждой стороны и пирамидками по углам. Башни завершаются кокошниками, по три с каждой стороны, и пирамидками по углам. Аналогии прослеживаются в Царицыне — пучки колонок сходного профиля применены в Фигурных воротах, Оперном доме и мосте через овраг, декоративные арки почти одинакового рисунка видны на фасаде Кавалерского корпуса, завершение башен килевидными кокошниками и пирамидками — прием, свойственный В.И. Баженову. Круглые в плане каменные беседки являются прототипом беседки-ротонды, часто встречающейся в русских усадьбах. Аналог — «Храм Цереры» в Царицыне. Обширный и, по замечанию Щекатова (1805), «великолепно построенный» главный дом не сохранился, остались лишь два боковых двухэтажных флигеля, переделанные по фасадам в XIX — XX вв. Создается регулярный английский парк с баскетами, два больших прямоугольных искусственных пруда и меньшего размера круглый, выложенный диабазом водопойный пруд.

Занимаясь возведением хозяйственных строений и обустройством усадебного быта, граф дает распоряжения исполнить в Дугине (в другой его усадьбе) «рамы для ранжереи с пересылкою их на подъемных лошадях или быках». К столу в любое время года подаются субтропические плоды и фрукты, произрастающие в оранжереях усадьбы. Вблизи беседки у Большого Головинского пруда сооружается лодочная пристань. Создаются приусадебные постройки — каретный и сенной сарай, конюшня, ледник.

В Михалкове, которое граф и его близкие называли «веселым», приносящем доход до 20000 золотых рублей в год, Петр Иванович задавал богатейшие пиры, празднества и охоты, изумляя зажиточных московских обитателей. После смерти П.И. Панина в 1789 году имение переходит к его сыну Никите Петровичу Панину, который, не испытывая большой привязанности к Михалкову, продает усадьбу в 1797 г. помещику Алонкину. Последний, в свою очередь, в 1798 г. продает кусок земли купцу Турчанинову для нужд ситцевой фабрики. В 1803 г. Алонкин продает все Михалково богатому купцу и одному из ведущих промышленников ситца Д.Е. Грачеву. Усадьба постепенно приспособляется для производственных нужд, исчезают крестьянские дворы, строится жилье для рабочих, и при новом владельце фабрики Йокише флигеля перестраиваются под фабричные нужды, закладываются башни, разрушается декоративная стена, убираются оранжереи, менажереи, псарня, каретный и сенной сарай, приходит в запустение регулярный парк и сад. Недалеко от фабрики почти в стиле усадебных построек к 1870 г. возводится новый дом хозяина фабрики, превращенный ныне в общежитие. Под дачи распродаются участки земли в сторону Ховрина. К 80-м годам XX в. от усадьбы остаются лишь перестроенные

флигеля, разрушающиеся беседки и следы, напоминающие о существовании регулярного английского парка.

В середине 90-х годов XX в. группа энтузиастов, организовавшись в ЗАО «Михалково», заключила охранно-арендный договор с Главным управлением охраны памятников и приступила к ремонтно-реставрационным работам. Главным архитектором проекта реставрации утверждается Б.Г. Могинов (ЦНРПМ). По разработанному эскизному проекту реставрации в первую очередь реставрируется юго-западный флигель, находящийся в аварийном состоянии. Одновременно по Плановому заданию ГУОП ведется работа по проекту реставрации центрального ядра усадьбы «Михалково» под руководством Г.Я. Крыловой (ЦГЛУП). Л.И. Кубецкая (ЦНИИП Градостроительства) работает над проектом «Обоснование и проектные предложения по функциональному использованию усадьбы Михалково». Несмотря на то, что ЗАО выполняет проектно-реставрационные работы за счет собственных средств, муниципальные и префектурные власти не только им не способствуют, но и оказывают противодействие. Тем не менее, оба проекта с положительными экспертными заключениями согласовываются в установленном порядке и одобряются ОИРУ и ВОПИиК. Через полтора года завершаются работы по флигелю.

В соответствии с выполненными проектами проводятся ремонтно-реставрационные работы на юго-восточном флигеле. Разрабатываются проектные материалы по остальным флигелям, ограде и шести фланкирующим башням центрального ядра усадьбы.

Для проведения работ на территории парка в соответствии с ранее выполненным проектом необходимо наличие разрешительной документации. Руководством префектурой вместо разрешения на оформление договора аренды парка (9,6 га) предла-

гается выполнить проектные работы по градостроительной концепции (ГК) на территорию 100 га. При положительной оценке концепции будет рассмотрен вопрос о заключении арендного договора. Создается рабочая группа по разработке ГК под руководством А.Ю. Беккера. В работе, помимо персональной творческой мастерской архитектора Беккера, принимают участие архитекторы ЗАО «Промстройпроект». После многочисленных рассмотрений и согласований «Градостроительная концепция реставрации и приспособления к современному использованию усадьбы «Михалково» с прилегающими территориями» рассматривается на Общественном совете при мэре Москвы весной 2000 г. Принимается положительное заключение и решение: в месячный срок префектуре САО, Москомархитектуре и заказчикам ГК подготовить проект Постановления Правительства Москвы. Авторы ГК исходили из положения, что усадьба Михалково — памятник архитектуры и садово-паркового искусства — обладает высоким эстетическим, рекреационным и научно-познавательным потенциалом и может возродиться как центр рекреации, спорта и культуры городского значения.

Находясь в центре плотно застроенного и густо заселенного района Головинский, территория «Михалково», безусловно, должна активно использоваться как центр рекреации для жителей этого района.

В связи со строительством третьего транспортного кольца и скоростной подвесной дороги Шереметьево-Сити, которые будут иметь остановочные пункты непосредственно около главного входа на территорию усадьбы, коренным образом меняется значимость территории «Михалково» для всего города. Вдоль «Михалково» с запада намечается также реконструкция магистралей, которые, по существу, станут «дублером» Ленинградс-

кого проспекта. Такая включенность территории в скоростную транспортную систему города стимулирует активное ее вовлечение в систему общегородского центра. Имеются все основания для развития и реконструкции территории усадьбы и прилегающих к ней территорий как уникального центра рекреации, активного отдыха, спорта и культуры для жителей не только прилегающих районов, но и всего города.

Эти обстоятельства положены в основу градостроительной концепции реконструкции и приспособления к современным условиям усадьбы и прилегающих территорий, основные положения которой направлены на безусловное сохранение и восстановление памятника и, в то же время, развитие на прилегающих территориях структур, которые смогут давать доход, обеспечивающий мероприятия по сохранению и воссозданию памятника.

Ядро усадьбы «Михалково» подлежит научной реставрации, включающей: восстановление утраченных элементов ансамбля; реставрацию существующих флигелей, башен входов, беседок, хозяйственных построек; восстановление регулярного парка с каскадом прудов. Назначение этой зоны — музейно-мемориальное.

В ядре усадьбы ведутся работы по реставрации памятников по проекту Б.Г. Могинова.

Научная реставрация территории ядра памятника обеспечена серьезными научно-исследовательскими и проектными проработками, выполненными в 1995 г. Это "Проект реконструкции территории усадьбы «Михалково»," разработанный Центральным Государственным лесоустроительным предприятием, и "«Обоснование и проектные предложения по функциональному использованию территории памятника архитектуры и садово-паркового искусства 18 века усадьбы «Михалково»," разработанные ЦНИИП градостроительства. Указанные проекты предусматривают воссоздание планировочной

структуры усадьбы, регулярного парка, системы прудов, озеленение и благоустройство.

На территории памятника садово-паркового искусства, прилегающей к Головинским прудам, предлагается сформировать зону рекреации, водного отдыха, создать условия для конных, велосипедных, пеших прогулок. Главная задача в этой зоне — благоустройство, озеленение и создание комфортных условий для отдыхающих. В связи с этим здесь допустимо строительство небольших учреждений питания, беседок для отдыха, пунктов выдачи инвентаря для отдыха и рыбалки. Особое значение придается зоне ландшафтно-пейзажного парка, на территории которого намечаются реставрационные, благоустроительные и озеленительные работы.

В юго-западной части рассматриваемой территории намечается строительство музыкального центра универсального назначения. Здесь возможна разнообразная концертная деятельность, дискотеки, студийная запись, производство дисков и кассет. Смежно с музыкальным центром намечается строительство жилья временного пребывания, в том числе — на время фестивалей.

В охранной зоне памятника расположены интернаты, которые предлагается реконструировать с использованием под зону спорта (стадион, теннисные корты, спортивные залы).

К промышленной зоне предлагается дифференцированный подход: фабрика им. П. Алексеева, признанная ценной в историческом отношении, сохраняется и реконструируется. К ней добавляются музей текстиля и комплекс показа моды.

Существующие корпуса общежитий фабрики предлагается снести, так как они явно диссонируют с памятником.

Часть промышленной зоны, включающая завод «Стройдеталь» и автобазу, подлежит коренной реконструкции с выводом

промышленности и формированием на ее месте комплекса ресторанов, торговых учреждений, зрелищных залов, галерей).

Активно используется западная часть охранный зоны, где формируется комплекс детского и юношеского отдыха, включающий аквапарк, здания аттракционов, игровых автоматов, а также пункты питания и торговли.

На севере вдоль канала предлагается сформировать зону торговли и питания и организовать один из подходов к зоне отдыха из жилой застройки.

В зонах регулирования, застройки и в зоне охраняемого ландшафта застройка фактически сложилась. Шестнадцатиэтажные жилые дома резко диссонируют с усадьбой и памятником садово-паркового искусства. Здесь следует не допускать появления новых зданий, которые могут усугубить это положение.

Значительное внимание уделяется организации подходов и входов в рекреационный центр. Они формируются на базе исторических аллей и улиц, ориентированы на памятники архитектуры, закрепляя традиционные для «Михалково» оси и панорамы видимости. У входных комплексов намечаются подземные гаражи-стоянки большой вместимости (всего размещается стоянок на 11 тыс.м/м). На рассматриваемой территории возможно создание маршрутов миниавтобусов.

Таким образом, в концепции предлагается сохранение и реставрация памятника садово-паркового искусства и его ядра — собственно усадьбы. Здесь намечается научная реставрация с приспособлением под новые функции, органически сочетающиеся с интересами охраны и воссоздания наследия.

Новое строительство намечается, в основном, на территории, прилегающей к памятнику. И здесь большое внимание уделяется подбору современных функций и типу застройки. Новое стро-

ительство намечается зданиями низкой этажности в 1-2-3 этажа. Лишь в нескольких местах, не просматривающихся из основных зон памятника, предлагается строительство зданий повышенной этажности (6-8 этажей) для акцентирования входных комплексов и архитектурно-пространственного упорядочения хаотичной застройки прилегающих территорий. Понятно, что при этом особое внимание уделяется вопросам развития пространственной композиции: сохранению традиционных для памятника видовых точек и осей, учету особенностей ландшафта.

Постановление Правительства Москвы не выпущено вплоть до настоящего времени ввиду принципиальных разногласий между префектурой САО и остальными участниками работы, несмотря на то, что памятник и прилегающие территории нуждаются в неотложных и эффективных мерах по реабилитации, обустройству и реставрации.

Илюстрации к статъе А.И. Шако
и А.Ю. Беккер

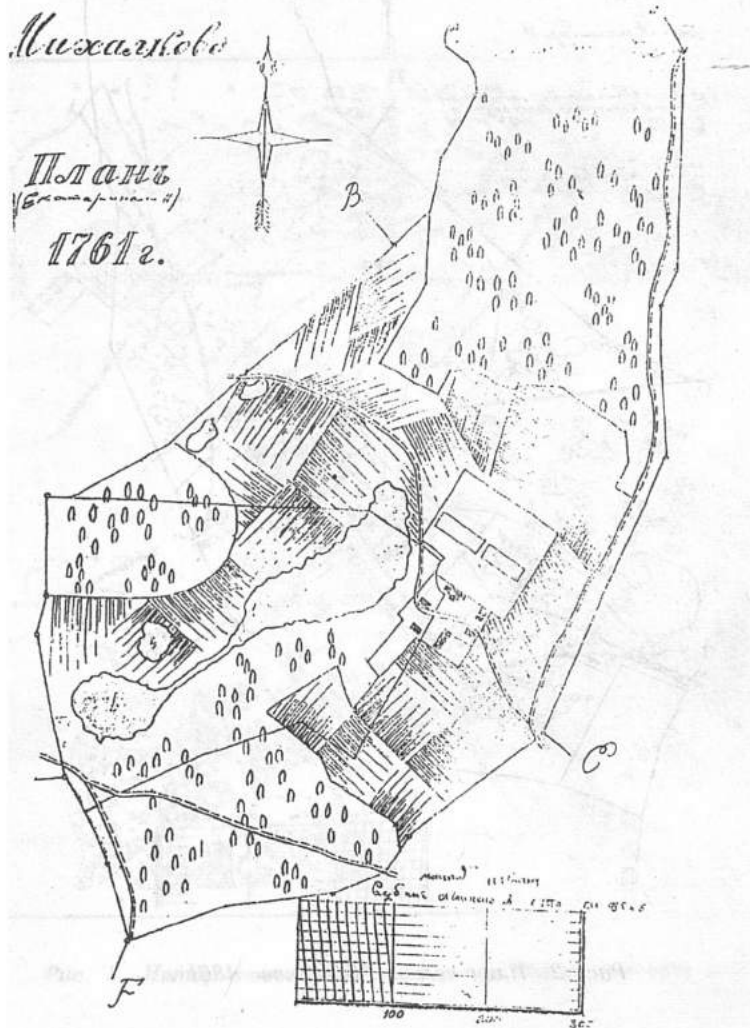
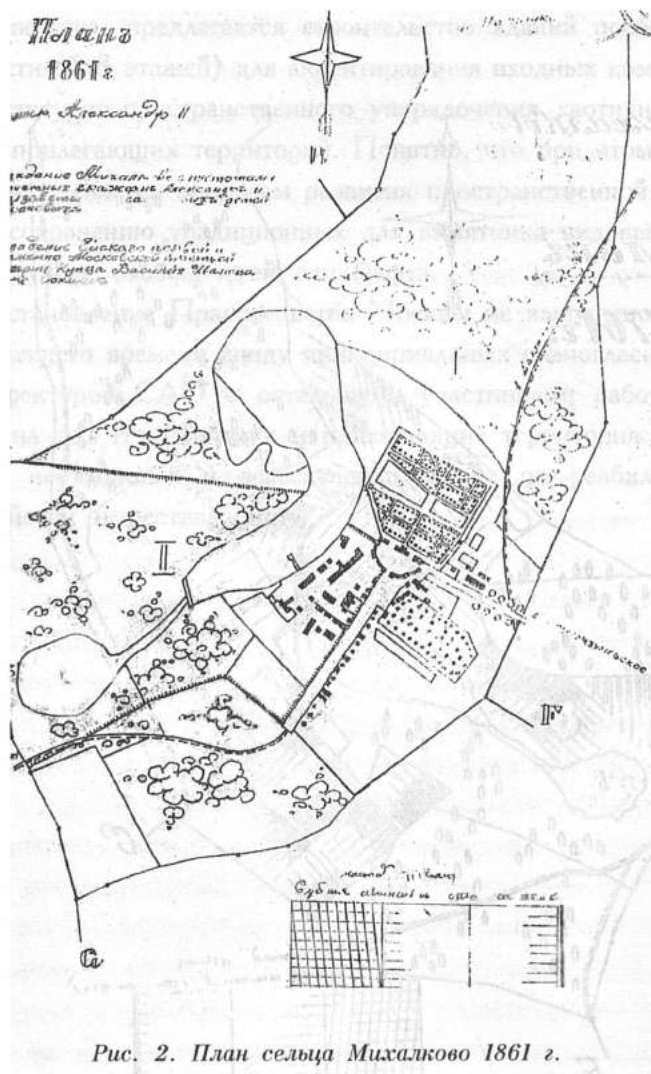

Рис. 1. План селца Михалково 1761 г.

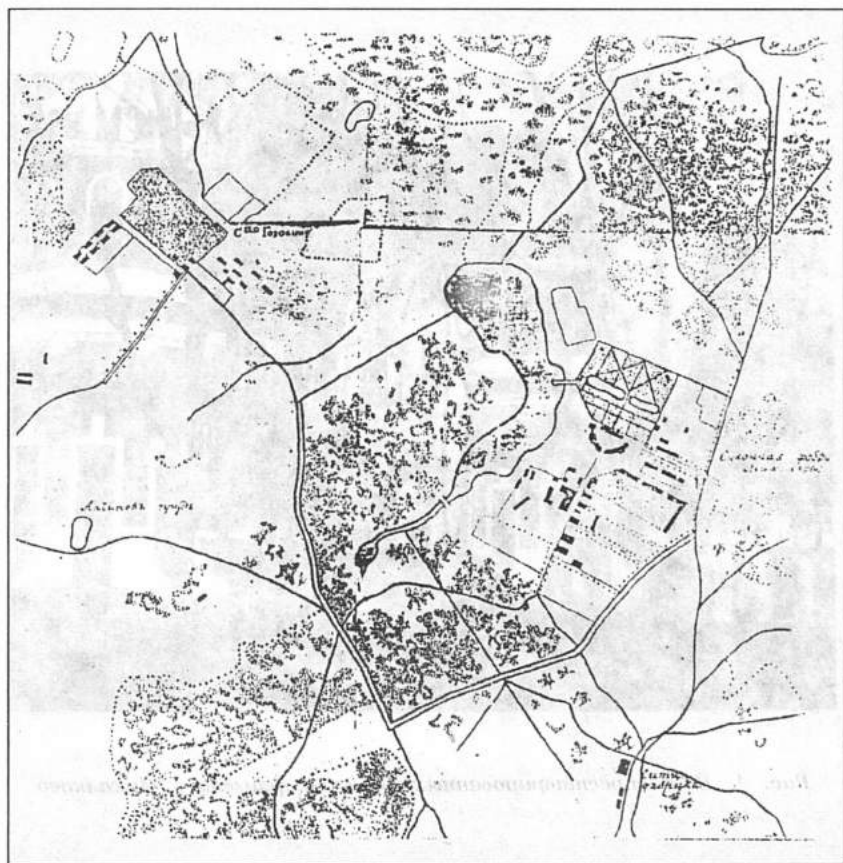

Рис. 3. Историко-ситуационный план Михалково 1861 г.

Рис. 4. Вид отреставрированных башен и флигеля в Михалково

Т. Е. КАРЯКИНА

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ УСАДБОВЫХ КОМПЛЕКСОВ

ВАРЬШИНСКИХ И С. А. ДАМАСКИ

(Дорогобужский район Смоленской области)

Усадьбы

Смоленщины: история и современность

Смоленщина — это край, где история и современность переплетены воедино. Усадьбы Смоленщины — это не просто здания, это души, которые пережили века. В них сохранились традиции, обычаи, дух народа. Усадьбы — это искусство, это творчество, это любовь к своему дому. Усадьбы — это история, это память, это душа. Усадьбы — это жизнь, это радость, это счастье. Усадьбы — это любовь, это верность, это преданность. Усадьбы — это мир, это покой, это гармония. Усадьбы — это дом, это родина, это земля.

Усадьбы Смоленщины — это не просто здания, это души, которые пережили века. В них сохранились традиции, обычаи, дух народа. Усадьбы — это искусство, это творчество, это любовь к своему дому. Усадьбы — это история, это память, это душа. Усадьбы — это жизнь, это радость, это счастье. Усадьбы — это любовь, это верность, это преданность. Усадьбы — это мир, это покой, это гармония. Усадьбы — это дом, это родина, это земля.

Усадьбы Смоленщины — это не просто здания, это души, которые пережили века. В них сохранились традиции, обычаи, дух народа. Усадьбы — это искусство, это творчество, это любовь к своему дому. Усадьбы — это история, это память, это душа. Усадьбы — это жизнь, это радость, это счастье. Усадьбы — это любовь, это верность, это преданность. Усадьбы — это мир, это покой, это гармония. Усадьбы — это дом, это родина, это земля.

Т.Е. КАМЕНЕВА

**ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ УСАДЕБНОГО АНСАМБЛЯ
БАРЫШНИКОВЫХ В С. АЛЕКСИНО
(Дорогобужский район Смоленской области)**

Архитектурно-парковый ансамбль Барышниковых в с. Алексино — самый значительный из уцелевших в советское время усадебных комплексов на территории восточной Смоленщины. Эта часть смоленской земли в XVIII — XIX вв. была чрезвычайно богата великолепными загородными имениями Голицыных, Шереметевых, Паниных, Лобановых-Ростовских и др. с множеством построек и прекрасными парками, в большинстве своем теперь почти полностью утраченными. Несомненно, что и в период расцвета усадебного строительства на этих землях среди многих загородных комплексов выделялся развитый архитектурный ансамбль в с. Алексино.

Строительство в усадьбе Барышниковых велось в течение нескольких десятилетий, начиная с 1780-х гг. В проектировании некоторых зданий, сооруженных в усадьбе, мог принимать участие М.Ф. Казаков, который с 1782 г. выполнял заказы для владельца усадьбы И.И. Барышникова. По стилистическим признакам к таким постройкам можно отнести следующие: церковь Михаила Архангела, Андреевскую крепость, конюшню, амбары. Не вызывает сомнения, что как в объемно-пространственной композиции этих зданий, так и в прорисовке отдельных архитектурных деталей прослеживаются черты, близкие школе вели-

кого русского зодчего. Непосредственное наблюдение за строительством в эти годы вел крепостной архитектор В. Жданов.

Позднее, с 1810-х гг., проектные работы по постройкам в Алексино выполнял другой известный зодчий Д. Жиларди. Сохранился проект дворца в Алексино с его подписью.¹ Можно высказать предположение, что под его руководством разработаны проекты и таких зданий усадебного ансамбля, как Музыкальный павильон и церковь Андрея Стратилата. Строительство по этим проектам осуществлял его ученик — крепостной архитектор Д. Поляков.

Центральное ядро усадебного ансамбля расположено на мысу, образованном двумя большими искусственными водоемами (Рис.1). Ось верхнего пруда ориентирована с запада на восток, ось нижнего (Рис. 2) — с юга на север. Каждый из прудов имеет вытянутую форму с криволинейными очертаниями; продольные оси водоемов пересекаются под прямым углом; в месте их пересечения находится разделяющая водоемы плотина. Ось плотины направлена на главную архитектурную доминанту ансамбля — дворец, на его центральную часть с мезонином, но не совпадает с осью симметрии самого здания.

Дворец (1819-1823) построен в формах зрелого классицизма. Его крупный объем состоит из трех двухэтажных объемов (Рис.3,4), соединенных более узкими галереями той же высоты, с повышенной центральной частью, в которой размещается мезонин. Композиция объемных масс здания, их соотношение, прорисовка деталей декоративного убранства на фасадах, выдержанных в едином классицистическом стиле, свидетельствуют о высоком мастерстве архитектора. Несомненно, что дворец в Алексино — одно из лучших произведений этого архитектурного стиля на Смоленщине.

Здание дворца — главный элемент в архитектурной организации всего ансамбля усадьбы. Это соответствует его назначению — дому-резиденции владельца. Здание расположено в центральной части мыса, разделяющего два водоема. С одной стороны, его высокий протяженный объем доминирует над водной гладью двух больших прудов в живописном ландшафте, изгибающаяся береговая линия которых служит естественным природным обрамлением этого крупного архитектурного сооружения. С другой стороны, западный фасад главного дома замыкает обширный парадный двор центрального ядра этой огромной усадьбы — Дворцового комплекса.

В фонде Барышниковых Смоленского государственного областного архива имеется чертеж генплана этой части усадьбы с названием «План находящимся каменным строениям в Алексино»² (Рис. 5) без подписи и даты. На чертеже обозначены все сооружения Дворцового комплекса с краткой аннотацией, описанием и размерами. Под литерой А показан главный дом, под литерой В — галереи, С, Д — флигели; две большие постройки с подковообразным рисунком плана, поставленные с двух сторон от дома, — это конные двory; в двух вытянутых вдоль оси двора строениях, формирующих пространство парадного двора непосредственно перед фасадом главного дома, размещались старый каретный сарай (слева) и старая конюшня (справа); два здания, обращенные торцевыми фасадами ко двору и замыкающие композицию комплекса с западной стороны, это — новый каретный сарай (слева) и манеж (справа).

До наших дней сохранились семь сооружений (из первоначальных восьми), формирующих центральный Дворцовый комплекс усадьбы, которые расположены симметрично относительно продольной оси парадного двора:

дворец (1819-1823 г.), ось двора проходит через его центральный объем с мезонином;

- музыкальный павильон (построен между 1818 и 1824 гг.), поставлен поблизости от берега нижнего пруда, с восточной стороны от дворца, небольшой объем павильона размещен на продолжении продольной оси парадного двора;

- два корпуса служб, которые на архивном чертеже обозначены как старый каретный сарай и старая конюшня (нач. XIX в.); их низкие протяженные объемы вытянуты вдоль оси двора и ограничивают пространство двора с северной и южной сторон; невысокие корпуса служб находятся в непосредственной близости от дворца и такое соотношение еще более усиливает главенствующую роль дворца в объемно-пространственной композиции центральной части ансамбля;

- два жилых флигеля, один из которых в архивном чертеже назван новым каретным сараем, а другой — манежем, (1770-80-е гг.); их объемы торцевыми фасадами обращены к парадному двору, продольные оси флигелей перпендикулярны оси двора; по своему расположению эти два здания создают своеобразную кулису, зрительную архитектурную преграду, за которой, с восточной стороны, раскрывался весь ансамбль парадного двора, спроектированного и построенного в строгом соответствии с требованиями эпохи классицизма; с западной стороны от зданий флигелей находился пейзажный парк;

- здание конюшни (кон. 1780-х — нач. 1790-х гг.) расположено к югу от дворца, на берегу Верхнего пруда; это низкое здание имеет интересный рисунок плана (Рис. 6), в котором сочетается прямоугольный корпус с примыкающим к нему полукруглым объемом, образующим внутренний двор полукруглого очертания; конюшня, по своему размещению в системе плана центрального ядра, сейчас разрушает строгую симметрию всего композиционного построения в этой части ансамбля; однако, по архивным данным, с северной стороны от дворца прежде располагался такой же объем, не сохранившийся до нашего времени.

Таким образом, Дворцовый комплекс в центральной части усадьбы Барышниковых за длительный период своего существования с кон. XVIII в. почти не утратил основных элементов своей первоначальной объемно-пространственной композиции, построенной в соответствии с требованиями эпохи классицизма. Симметричное расположение всех сооружений относительно оси парадного двора, ориентация этой оси на главное здание в ансамбле — дворец, в сочетании с размещением этой достаточно жесткой композиционной системы в самом живописном месте имения — на мысу, образованном двумя большими водоемами с окружающими их парками, все это образует единый архитектурно-ландшафтный ансамбль, отличающийся исключительным своеобразием.

Ось парадного двора в своем западном продолжении не имеет планировочного развития. Сразу за корпусами флигелей здесь раскинулся старейший парк усадьбы, в котором прослеживаются отдельные черты пейзажного парка. Частично сохранились первоначальные границы территории этого парка: с северной стороны имеется обваловка вдоль дороги на Дорогобуж, с западной стороны — липовая аллея.

В северо-западной части пейзажного парка, непосредственно у его границ, находится храмовый комплекс, состоящий из двух церквей: Михаила Архангела (1794 г.) и Андрея Стратилата (1847 г.) (Рис. 7).

Высокий объем храма Михаила Архангела (Рис. 8) доминирует в этом комплексе. Он занимает совершенно особое место среди других построек усадьбы, что соответствует и его назначению фамильной усыпальницы рода Барышниковых. Центрическое композиционное построение его объема, торжественные четырехколонные портики ионического ордера, оформляющие

все фасады храма, четверик которого увенчан крупной ротондой, перекрытой куполом с круглой главкой над ним, великолепная прорисовка всех архитектурных деталей — все это ставит этот памятник архитектуры в один ряд с превосходными образцами зрелого классицизма.

Церковь Андрея Стратилата расположена севернее церкви Михаила Архангела, в некотором отделении от нее. Она построена в формах позднего классицизма, имеет в плане латинский крест, над средокрестьем которого возвышается восьмерик. Небольшие размеры церкви, ее скромное архитектурное решение определяют место этого сооружения в ансамбле как объекта второго плана, которому не принадлежит ведущая роль. Тем не менее, объем храма, необыкновенно удачно поставленный у дороги из Дорогобужа при въезде в центральную часть усадьбы, придает ему особое звучание, превращает в важный элемент, который развивает и обогащает композицию ансамбля в целом.

Другие усадебные постройки, формирующие этот интереснейший архитектурно-ландшафтный ансамбль, размещаются за прудами, напротив основного ядра. Особый интерес представляет Андреевская крепость, расположенная на бровке правого берега Верхнего пруда. Затейливый силуэт ее строений, спроектированных зодчим в конце XVIII в. в формах псевдоготики, имитирующих средневековую крепость, вносит разнообразие в природный ландшафт, придает ему черты особой выразительности. Наиболее живописный вид на эти постройки открывается из окон дворца и с балкона мезонина.

На правом берегу Нижнего пруда, вдоль дороги, расположен комплекс хозяйственных построек, датируемых кон. XVIII в. Он состоит из нескольких зданий, вытянутых в одну линию. В северной части находятся два протяженных объема амбаров

с высокими кровлями, между которыми поставлено здание конторы, прежде имевшее купольное завершение. В южной части, у дороги, ведущей к плотине, расположены склады. От этого здания открывается замечательный вид на открытое пространство Нижнего пруда, через который хорошо виден мезонин дворца, возвышающийся над кронами деревьев.

В истории ансамбля усадьбы можно выделить два основных этапа, два периода формирования существующего сейчас комплекса. Постройки каждого из этих периодов, как по своему архитектурному решению, так и по принципу размещения в природной среде, имеют свои особые характерные черты.

Первый период связан с творчеством М. Казакова, или его школы, и датируется концом XVIII в. В это время на мысу, образованном двумя обширными прудами, был построен усадебный дом (позднее перестроенный Д. Жилярди), конюшни и каретный сарай. В некотором отдалении от главных строений усадьбы, за пейзажным парком, возведена церковь Михаила Архангела. На противоположном берегу одного пруда сооружена Андреевская крепость, на берегу другого выстроен комплекс хозяйственных построек.

Основной особенностью пространственной структуры всего ансамбля в этот период является сочетание присущей барокко живописности с отдельными элементами раннего классицизма. В построении центрального ядра усадьбы использован характерный для классицизма принцип симметричного расположения построек относительно оси, на которой стоит главный дом. Вместе с тем эта ось, при продолжении ее в восточном направлении, ориентирована на сильно выступающий мыс, образованный изгибом линии правого берега Нижнего пруда. Таким

образом, этот выразительный природный элемент ландшафта становится частью композиции комплекса. Такой прием корреспондируется и с планировочным решением самой живописной постройки усадьбы — Андреевской крепости. Очертания ее плана вписаны естественным образом в существующую природную среду; стены крепости следуют изгибающейся береговой линии Верхнего пруда.

Второй этап датируется первой третью XIX в., когда в усадьбе Алексино работал Д. Жилярди. В эти годы по его проекту был перестроен главный дом и построен Музыкальный павильон в архитектурных формах позднего классицизма. Можно предположить, что по проекту Д. Жилярди получила дальнейшее развитие центральная часть усадебного комплекса, преобразованная им в Дворцовый комплекс. Окончательно оформилась главная продольная ось основного ядра усадьбы, которая стала осью обширного парадного двора крупного ампиричного ансамбля.

Описание основных элементов ансамбля с их краткой характеристикой составлено с использованием материалов к Своду памятников истории и культуры, в сборе которых автор этой статьи принимала участие в конце 1960-х гг.³ С тех пор прошло более тридцати лет. За эти годы значительно ухудшилось как состояние самих архитектурных памятников, так и всего ансамбля в целом, его ландшафтной среды.

В здании дворца используются лишь несколько помещений, остальные пустуют и постепенно разрушаются. Особую тревогу вызывает состояние южной части здания и мезонина — в прежние времена в мезонине размещалась небольшая гостиница. С его балкона тогда можно было видеть интереснейшие постройки усадьбы, в особенности затейливую композицию Андре-

евской крепости, отражающуюся в зеркале прудов с живописными, покрытыми зеленью берегами.

Несколько лет тому назад сгорела крыша у северного жилого флигеля, сейчас от этого здания остались только наружные стены, состояние которых близко к критическому. Огромными и трудно восстанавливаемыми стали утраты элементов декоративного убранства на фасадах и в интерьере уникального памятника архитектуры — церкви Михаила Архангела. Постепенно зарастает пространство бывшего парадного двора, на территории которого в 1960-е гг. были посажены маленькие липы, которые теперь превратились в большие деревья и их кроны нарушили важные визуальные связи между постройками усадебного комплекса в его самой ценной центральной части.

До недавнего времени во многих зданиях усадебного комплекса размещались различные службы Смоленского конезавода № 16 имени С.М. Буденного. После того, как конезавод построил новые корпуса за территорией усадьбы и усадебные постройки почти перестали ремонтироваться, начался активный процесс их разрушения.

В связи с той огромной историко-архитектурной ценностью, которую представляет ансамбль усадьбы Барышниковых для нашей отечественной культуры, необходимо в ближайшее время подготовить специальную программу по его сохранению и восстановлению.

Первым этапом в этой программе следует разработать систему эффективных мер, способных защитить архитектурно-ландшафтный комплекс от опасности диссонирующего нового строительства на его территории. Требуется разработать проект зон охраны ансамбля, определить режимы содержания отдельных частей усадебного комплекса и утвердить этот проект решением Администрации Смоленской области.

Наиболее сложной и трудно разрешимой проблемой в вопросе сохранения ансамбля несомненно является регенерация всех строений усадьбы, возвращение их к жизни в современных условиях. Найти формы нового функционального использования для таких развитых дворцовых комплексов, построенных в иную эпоху с совершенно другим жизненным укладом — это одна из самых сложных задач в деле их охраны. Невозможно создавать во всех усадьбах музеи, не просто разместить в них дома отдыха или дома творчества и др.

В данном случае проблема сохранения архитектурно-ландшафтного ансамбля усадьбы Барышниковых в с. Алексино, который до наших дней не утратил основные черты первоначальной объемно-пространственной композиции и большей части уникальных построек, прямо зависит от выбора активной новой формы его жизнедеятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

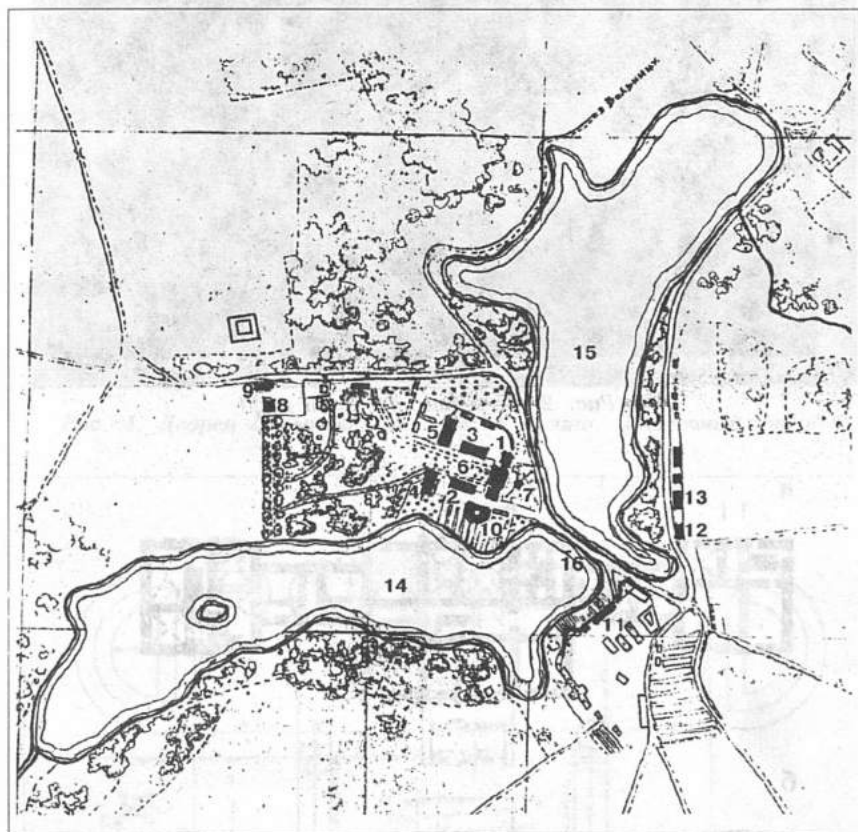
¹ Проект опубликован И.С.Хозеровым в статье «Новые документы о творчестве Д.Жильярди» «Архитектура СССР», 1941, № 2.

² Смоленский государственный областной архив. Ф. 114. Оп. 5. д. 95 (б/д), Л. 10. Архивные материалы переданы автору статьи сотрудниками Смоленского музея-заповедника.

³ Материалы обследования опубликованы в кн.: Архитектурные памятники Смоленской области. Каталог. В 2-х кн. Редактор-составитель В.И. Плужников. М., 1987. Кн. 2. С. 398-412.

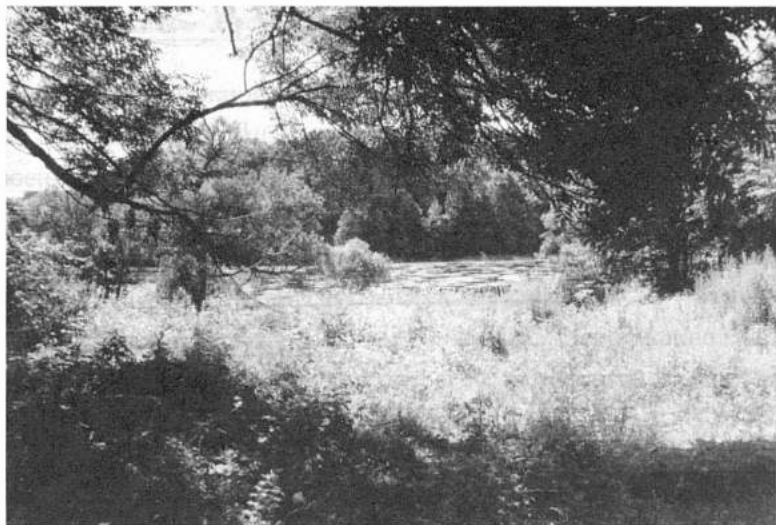
Иллюстрации к статье П.Е. Камeneвой

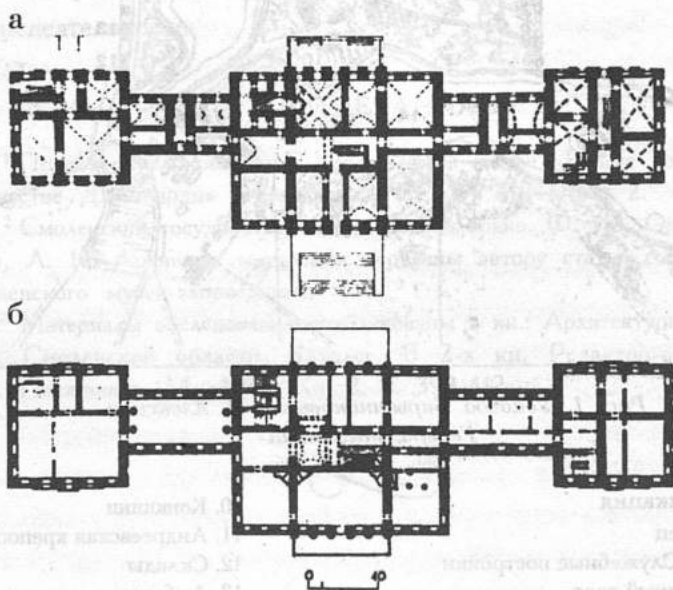
*Рис. 1. Усадьба Барышниковых в с. Алексино.
Генеральный план*

Экспликация

1. Дворец	10. Конюшни
2,3,4,5. Служебные постройки	11. Андреевская крепость
6. Парадный двор	12. Склады
7. Музыкальный павильон	13. Амбары
8. Церковь Михаила Архангела	14. Верхний пруд
9. Церковь Андрея Стратилата	15. Нижний пруд
	16. Плотина

Рис. 2. Алексино. Нижний пруд

*Рис. 3. Дворец Барышниковых в с. Алексино.
План а — первый этаж, б — второй этаж*

Рис. 4. Дворец Барышниковых в с. Алексино. Восточный фасад

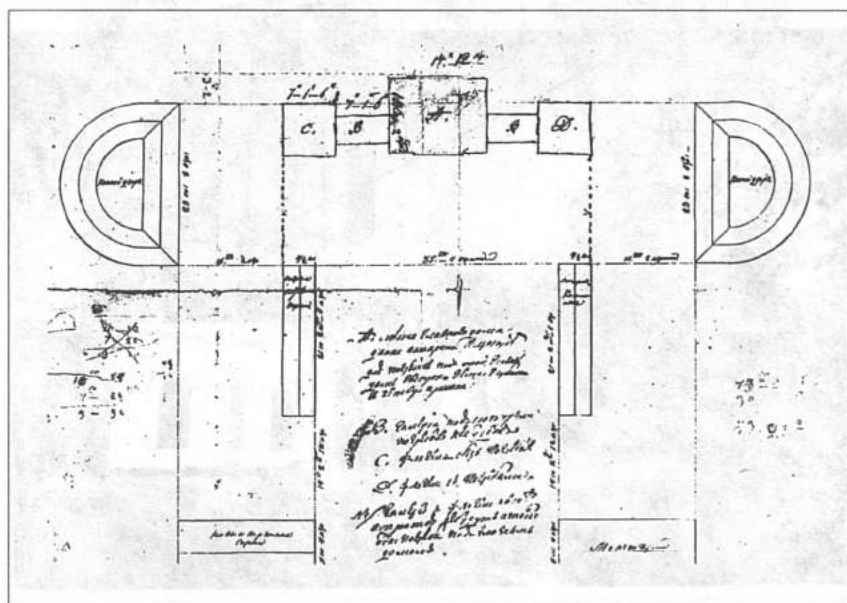

Рис. 5. «План находящимся каменным строениям в с. Алексино». Чертеж из Смоленского государственного областного архива

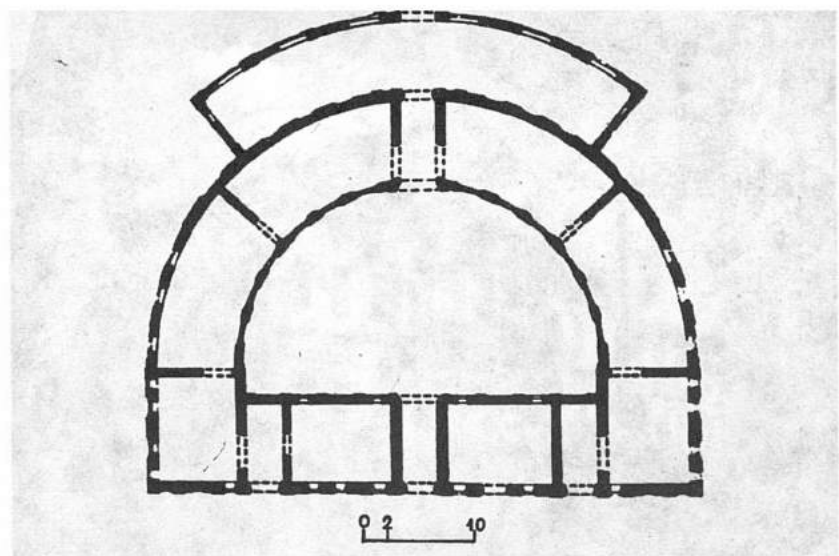

Рис. 6. Алексин. Конюшни. План

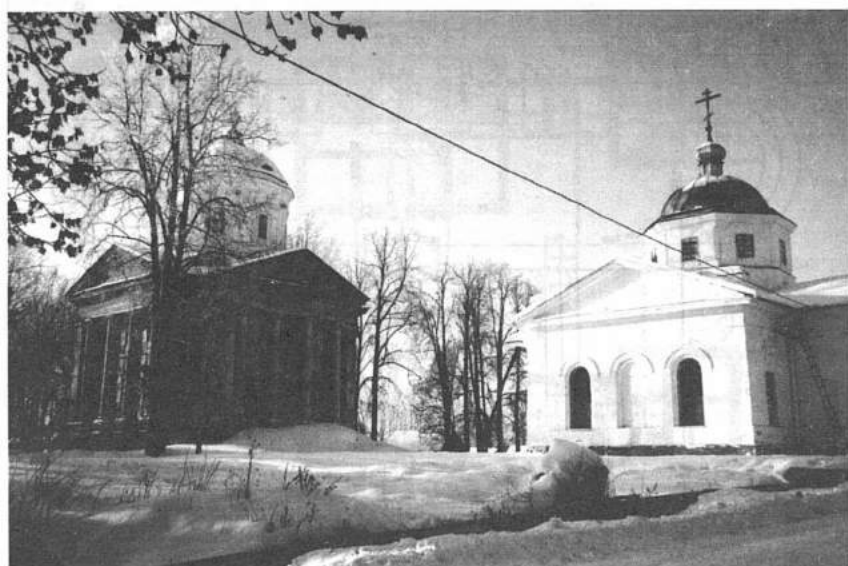

Рис. 7. Алексин. Церковь Михаила Архангела (слева) и церковь
 Андрея Стратилата (справа)

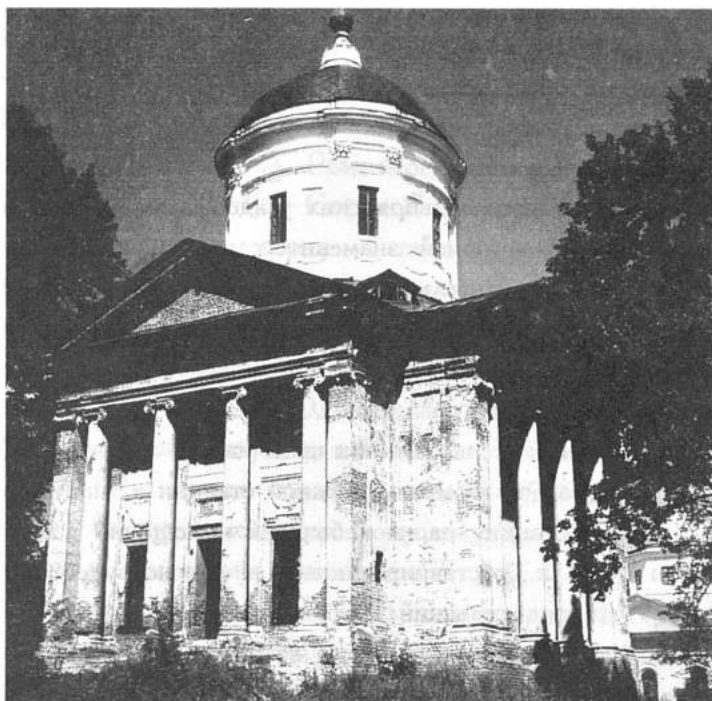

Рис. 8. Алексино. Церковь Михаила Архангела

А. В. ТИХОНОВА

ИЗ ИСТОРИИ ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЫ МАЧУЛЫ

Из многочисленных дворянских усадеб Смоленщины Мачулы, связанные с историей знаменитых смоленских дворянских фамилий Реадов и Энгельгардтов, достойны внимания: имение представляло собой к нач. XX в. интересный хозяйственно-экономический и архитектурный комплекс, было хранилищем высокохудожественных коллекций.

Современный путешественник ныне найдет в Мачулах (в четырех километрах от железнодорожной станции «Энгельгардтовская») лишь «останки» парка и бывший помещичий дом второй половины XIX в., реставрированный и реконструированный в 1978-1979 гг. под сельский клуб.

Но запустение здесь было не всегда...

Известно, что с начала XIX в. имение Мачулы принадлежало Реадам — дворянскому роду, ведущему свое начало из Англии. В 1716 г. в Россию на службу прибыл Яков Андреевич Реад (ум. между 1764 и 1766 гг.), который был определен в Смоленский артиллерийский гарнизон, где и окончил службу в чине генерал-майора начальником гарнизона. Внук Якова Андреевича, Андрей Иванович Реад (ум. в 1818), также дослужился до генерал-майора и в 1816 г. значился владельцем села Мачулы Ельнинского уезда, в котором тогда числилось 600 душ крестьян.

После смерти А.И. Реада Мачулы перешли по разделу к его сыну Николаю Андреевичу (1792-1855), участнику Отечественной войны 1812 г., дослужившемуся до генерал-лейтенанта. Н.А. Реад погиб в Крымскую кампанию в августе 1855 г. в сражении при Черной. Затем Мачулы наследовал другой сын А.И. Реада, Яков Андреевич Реад,¹ майор в отставке, Дорогобужский уездный предводитель дворянства в 1828-1831 гг.²

В конце 1860-х гг. Я.А. Реад передал имение дочери Софье в качестве приданого. Муж Софьи Яковлевны Реад — Александр Платонович Энгельгардт — также принадлежал к известной фамилии.

Выходцы из Швейцарии, представители рода Энгельгардтов оказались в России в качестве пленных, захваченных в ходе Ливонской войны в 1558 г. Один из Энгельгардтов — Вернер, состоя уже в польской службе, в 1630-х гг. получил земли близ Смоленска. После взятия города русскими войсками в 1654 г. Энгельгардт принес присягу русскому государю и сохранил за собой прежние земельные пожалования.³

Вернер (в православии Еремей) Энгельгардт стал родоначальником многочисленной смоленской ветви рода,⁴ к которой принадлежал и Александр Платонович Энгельгардт, потомок Вернера в седьмом колене.

А.П. Энгельгардт (1845-1903) окончил в 1867 г. юридический факультет Московского университета, затем служил судебным следователем при Смоленской палате уголовного и гражданского суда. Много лет состоял секретарем Смоленского губернского дворянского собрания, мировым и почетным мировым судьей в Духовщинском, Смоленском, Поречском уездах Смоленской губернии, был гласным Смоленского уезда

в 1875-1892 гг.⁵ Однако наибольшую известность среди смолян А.П. Энгельгардт приобрел как энергичный и деятельный городской голова. Он находился на этом посту более 12 лет (1877-1890 гг.). За это время были открыты новые учебные заведения и городской историко-археологический музей; организовано бесплатное обслуживание горожан в губернской земской больнице за счет средств городского бюджета; созданы местное пожарное общество и общество взаимного городского страхования; в городе появился водопровод, выстроены здания городской думы, Александровского реального училища и т.д. Несмотря на большие расходы городская казна при Энгельгардте значительно пополнилась за счет арендных статей города.⁶

В 1890 г., при переводе А.П. Энгельгардта казанским вице-губернатором, он был удостоен звания почетного гражданина г. Смоленска. Позже Александр Платонович стал почетным гражданином Архангельска, где с 1893 по 1901 г. был губернатором и успел многое сделать для развития русского Севера. Такого же звания он был удостоен в Саратове, где так же состоял губернатором в 1901-1903 гг. Последняя его должность — товарищ министра земледелия и государственных имуществ России.⁷

В Смоленске А.П. Энгельгардт стал владельцем дома, построенного в стиле необарокко в 1878-1879 гг. (ныне Дворец бракосочетания на ул. Глинки, д. 4).

Дом в Мачулах датируется 1862-1872 гг., вероятно, его строительство мог начать тесть Александра Платоновича — Я.А. Реад, но основное строительство осуществлялось уже при А.П. Энгельгардте. Дом в Мачулах представлял собой каменное двухэтажное здание (30x22x12 м, высота с учетом второго

этажа) в 16 комнат с отоплением 14 изразцовыми печами. Близ дома были парк с прудами и фонтаном, оранжерея, беседка с кирпичными опорами, деревянный флигель управляющего в 7 комнат. К дому вела липовая аллея с каменной парадной аркой. Ныне сохранился лишь помещичий дом с шестью пилястрами по западному фасаду, с декоративными наличниками на окнах, выложенными из кирпича зубцами, украшающими второй этаж. На уровне второго этажа в центральной части восточного фасада располагается веранда, от которой вниз спускается лестница с металлическими перилами и ступеньками из белокаменных плит.⁸

По свидетельствам современников, Александр Платонович Энгельгардт «был хозяин превосходный»,⁹ в 1872-1883 гг. он состоял президентом Смоленского общества сельского хозяйства.¹⁰ Одним из первых смоленских помещиков Александр Платонович приобрел фосфоритную муку, изготавливаемую из рославльских фосфоритов (по указаниям своего племянника А.Н. Энгельгардта — химика и публициста, автора знаменитых «Писем из деревни»).¹¹ В 1889 г. на Смоленской областной сельскохозяйственной и кустарной выставке малых серебряных медалей были удостоены представленные из Мачул лен и рожь, большой серебряной медали — скот (симментальские метисы).¹²

Официально владелицей Мачул была жена А.П. Энгельгардта — Софья Яковлевна (1838-1882), которая осталась последней представительницей рода Реадов на Смоленщине. В 1881 г. за Софьей Яковлевной состояли майорат Гумино на территории царства Польского (2 тыс. дес.), имения Реадов в Бельском, Рославльском, Смоленском уездах (всего 3,9 тыс. дес.) и в Ельнинском уезде — с. Мачулы (800 дес.).¹³

В ночь с 15 на 16 сентября 1882 г. С.Я. Реед погибла под колесами почтового поезда Московско-Брестской железной дороги, на котором возвращалась с мужем из Москвы в Смоленск.¹⁴ Неясные обстоятельства смерти породили слухи, что это было самоубийство.¹⁵

А.П. Энгельгардт в 1889 г. передал в Смоленский городской историко-археологический музей фамильные реликвии рода Реедов. Некоторые из них до сих пор хранятся в фондах Смоленского государственного музея-заповедника.¹⁶

Наследником Мачул стал сын А.П. Энгельгардта — Александр Александрович Энгельгардт (1870 — между 1922 и 1938), при котором эта дворянская усадьба пережила свой расцвет. Выпускник Александровского лицея, Александр Александрович в 1915 г. достиг уже чина действительного статского советника и камергера, с 1908 г. вплоть до октябрьских событий 1917 г. бессменно исполнял должность Ельнинского предводителя дворянства.¹⁷ К 1917 г. во владении А.А. Энгельгардта находилось около 1375 дес. земли в Ельнинском, Рославльском и Смоленском уездах.¹⁸ Из всех имений особенно дорогим для владельца были Мачулы, связанные с памятью о родителях.

Александр Александрович Энгельгардт еще в 1890-х гг. весьма успешно занимался управлением отцовскими имениями. Так, на первой Сычевской выставке 1895 г. А.А. Энгельгардт получил серебряную медаль по отделу льноводства от Смоленского общества сельского хозяйства.¹⁹

По данным Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. Мачулы (957, 8 дес. Земли²⁰) были имением образцовым: здесь не менее 12 лет применялся 14-12-польный севооборот; овес и рожь, употреблявшиеся в хозяй-

стве, были завезены из Швеции; семена льна закуплены в Псковской области; скот преимущественно симментальской породы,²¹ большой фруктовый сад (1475 корней²²), мельница с водяной турбиной, сыроварня, кузница,²³ в усадьбе проведен водопровод, действовало электрическое освещение от динамомашин.²⁴ Были в Мачулах и традиционно поддерживаемая владельцами имения православная церковь с приходской школой, и созданная на средства А.А. Энгельгардта бесплатная народная чайная.²⁵

После Октябрьского переворота 1917 г. Мачулы не избежали национализации, проведенной в 1918 г.²⁶ Имение было признано «самым ценным из всех хозяйств Ельнинского уезда». ²⁷ В июне 1921 г. уполномоченным Ельнинского политбюро при управлении Ельнинской Рабоче-Крестьянской милиции были описаны находившиеся в Мачулах и подлежащие изъятию обширные коллекции монет, орденов, медалей и жетонов, придворные костюмы и мундиры, офицерские погоны и печати, фотографические альбомы, «Карта галереи дворянства», полевые карты и др. (Опись сохранилась).²⁸ С бывшего владельца была взята подписка о невыезде.²⁹

19 июля 1921 года А.А. Энгельгардт написал заявление на имя Председателя Смоленского Археологического института с просьбой «по возможности скорее прислать компетентное доверенное лицо для... осмотра и приемки» принадлежащих ему «различных старинных вещей художественной работы и исторической ценности», которые «прошу Вас взять ... ради сохранения в Смоленский Археологический музей». ³⁰ 18 августа Смоленское губернское музейное управление выдало А.А. Энгельгардту охранную грамоту за № 12502. В описи, прилагаемой к ней, составленной А.А. Энгельгард-

том, указаны предметы старинной мебели в стиле Людовика XV и ампир, посуда английского и китайского фарфора, «каменная мозаичная икона Спасителя, 1 иконка вышитая серебром» и др., отдельным пунктом значились «гравюры и альбомы».³¹

Но под предлогом того, что следствие еще не закончено, ГУБЧК затягивала передачу ценностей музею.³² В общей сложности в 1919-1921 гг. из Мачул в Ельнинский музей поступило 216 предметов: из них 6 картин, 75 предметов оружия (в том числе римского, суданского, персидского, русского), 65 чучел редких зверей, предметы домашней утвари и обстановки, фотографии.³³ Во время оккупации Смоленщины в годы Великой Отечественной войны уездный музей сильно пострадал. Ныне известно лишь об одной картине из имения Мачулы — «Ганкред и Клоринда» (1761 г.) кисти Лагрене-старшего, которая находится в Государственной Третьяковской галерее, а поступила в 1925 г. из Государственного музея изящных искусств.³⁴ Возможно, в 1920-х гг. центральные музеи приобрели из Мачул не только указанное полотно.

В Государственный архив Смоленской области из Мачул 27 декабря 1929 г. поступил личный фонд Александра Платоновича Энгельгардта — отца последнего владельца (21 ед.хр. за 1785-1901 гг.).³⁵

В октябре 1922 г. Александр Александрович Энгельгардт вместе с детьми тайно уехал в Москву, однако «от зоркого ока слежки органов ГПУ»³⁶ им будет трудно укрыться.

Жена Александра Александровича Энгельгардта — Наталья Ивановна Ознобишина уже к июню 1921 г. умерла.³⁷ Старший сын Николай (1893 — после 1937), офицер кавалерии, в гражданскую войну эмигрировал в Югославию.³⁸

Младший сын Александр Энгельгардт (1896-1938) окончил, как и отец, Александровский лицей (в 1916 г.). С февраля 1919 г. находился в составе Красной Армии:³⁹ работал секретарем отдела артиллерийского снабжения Белорусско-Литовской (позднее 16-й) армии, демобилизовался в 1922 г., будучи инспектором конского состава Московского управления военных учебных заведений. Затем работал в Московской конторе «Стройинструмент» старшим инженером по холодной обработке металлов.⁴⁰

1 мая 1938 г. Александр Александрович Энгельгардт-младший был арестован органами НКВД,⁴¹ обвинен по печально знаменитой 58-й статье и расстрелян по приговору «тройки» 17 сентября 1938 г.⁴² Реабилитирован лишь 4 февраля 1958 г. решением Военной коллегии Верховного суда СССР.⁴³

Последнее упоминание о дочери бывшего владельца Мачул Софье Александровне Энгельгардт (1894-19?) относится к марту 1958 г., когда она получила справку о гибели и реабилитации брата. Видимо, замуж Софья Александровна так и не вышла, потому как фамилии своей не изменила.⁴⁴

Линия родословной прервалась, но, возможно, за рубежом живут потомки эмигрировавшего в Югославию Николая Александровича Энгельгардта.

Имение «Мачулы» после национализации было превращено в совхоз, в усадебном доме в 1918 г. находился сиротский приют, а затем — администрация совхоза. Во время капитального ремонта в 1923 г. внутренняя планировка дома была сохранена, но в 1941-1943 гг. она была разрушена из-за попадания в здание бомбы.⁴⁵ Стены, несмотря на внутренние разрушения, выстояли (толщина их 70-90 см). Вырублен оказался почти весь усадебный парк и сад. Уже в 1978-1979 гг. дом пережил второе

рождение благодаря реставрации, которую, к сожалению, так и не удалось завершить: восточный фасад с парадным входом и красивой лестницей остался в руинах.

Хозяйство Коминтерн с центром в Мачулах ныне переживает трудные времена, поэтому бывший помещичий дом редко открывает свои двери и как сельский клуб... Проблема рачительного и состоятельного хозяина для бывших дворянских усадеб, действительно, наиболее острая.

Сегодня уже невозможно вернуть в Мачулы прежние художественные коллекции — они безвозвратно утрачены, но возможно привести в порядок само здание и близлежащую территорию, и сделать это для всех, кому дорога история русской дворянской усадьбы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Приложение к трудам Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. СПб., 1860. Том IV. Извлечения из описаний имений по Велико-Российским губерниям. Смоленская губерния. С. 60.

² Савина С.Е. Род Реадов на Смоленской земле // Смоленское дворянство. Родовые гнезда. Вып. 4. М.: Изд. Смоленского Дворянского Землячества, 1999. С. 28-34.

³ ГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1343. Оп. 21. Д. 819. Л. 121; РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства). Ф. 572. Оп. 1. Д. 478. Л. 1 об.; Д. 491. Л. 1; Д. 510 а. Л. 1-1 об.; Смоленский гос. музей. В.с. 2854/34.

⁴ Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга: В 2 т. 2-е изд. СПб., 1895. Т. 2. С. 406-441 (294 чел. смоленской ветви). В составленной автором родословной смоленской ветви рода Энгельгардтов XVII-XX вв. — 424 чел.

⁵ ГАСО (Государственный архив Смоленской области). Ф. 65. Оп. 1. 864. Л. 10-37.

⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 85. 1890 г. Л. 2-4; Энгельгардт А.П. Обзор

деятельности Смоленского городского общественного управления за 4-х летие с 1883-1886 год. Смоленск, 1887. 14 с.

⁷ См. подробнее: Тихонова А.В. Воистину человек // Край Смоленский. 1992. № 10. С. 40-45.

⁸ ГАСО. Ф. Р-247. Оп. 1. Д. 79. Л. 7-12 (Историческая справка науч. сотр. Смоленской специальной научно-производственной мастерской В.Машенцева от 15 ноября 1978 г.). Но в справке неверно указан заказчик дома — вместо А.П.Энгельгардт, А.А.Энгельгардт.

⁹ РГАЛИ. Ф. 572. Оп. 1. Д. 344. Л. 8 об.

¹⁰ Справочная книжка Смоленской губернии на 1873 год. Смоленск, 1873. С. 57; Иванов В.И. Краткий очерк деятельности Смоленского общества сельского хозяйства за 1858-1912 год. Смоленск, 1912. С. 9.

¹¹ Мясоедов К.В. Сведение о разработке и употреблении Рославльских фосфоритов // Отчет Смоленского общества сельского хозяйства состоящего под Августейшим покровительством Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича Старшего за 1885 год. Смоленск, 1886. С. 45.

¹² Отчет о присуждении наград экспонентам Смоленской сельскохозяйственной и кустарной выставки 1889 г. Смоленск: Губ. тип., 1889. С. 12, 25, 39-40.

¹³ СОМ 8536. Л. 1; ГАСО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 57. Л. 51 об.

¹⁴ ГАСО. Ф. 48. Оп. 2. Д. 1772. 1882 г. Ч. III. Церковь № 8. Сентябрь. Запись № 22; Смоленский вестник. 17 сентября 1882 г. № 110. С. 2; 19 сентября 1882 г. № 111. С. 2

¹⁵ Энгельгардт Н.А. Эпизоды моей жизни. // РГАЛИ. Ф. 572. Оп. 1. Д. 344. Л. 8.

¹⁶ СОМ 8536. Отношение А.П.Энгельгардта в Смоленский исторический музей от 3 апреля 1889 г. Опись документов, портретов и разных предметов, относящихся к роду дворян Смоленской губернии Реадов...; Краткий каталог предметов древностей Смоленского городского историко-археологического музея. Составил хранитель древностей музея В.И.Грачев с краткими сведениями о достопримечательностях г. Смоленска. Смоленск, 1908. С. 31-34; Герб рода Реадов (СОМ 11682. Ц-1-600), патент на чин подполковника А.Реада, 1764 г. (СОМ 8481), купчая крепость на покупку дворовой майором Я.А.Реадом от 1829 г. (СОМ 8280), седло и треуголка Е.А.Реада (СОМ 6480, 9852).

¹⁷ Памятная книжка лицейстов. СПб., 1911. С.131; ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. Д. 124. 1915 г. Л. 23 об.-24; Оп. 6. Д. 43. 1913 г. Л. 34 об.

¹⁸ ГАСО. Ф. Р-653. Оп. 2. Д. 37. Л. 1; Ф.7 Оп. 3. Д. 6. Л. 46, 82 об.

¹⁹ Доклад Сычевской уездной земской управы XXXI очередному Сычевскому уездному земскому собранию о первой Сычевской сельскохозяйственной и кустарной выставке бывшей в сентябре 1895 г. с 9 по 19 число. Ржев: Тип. А.Т. Иванова, 1895. С. 4.

²⁰ ГАСО. Ф. Р-653. Оп. 2. Д. 15. Л. 1.

²¹ ГАСО. Ф. Р-653. Оп. 2. Д. 37. Л.1, 4 об., 5 об.

²² ГАСО. Ф. Р-653. Оп. 2. Д. 37. Л. 4.

²³ ГАСО. Ф. Р-653. Оп. 2. Д. 15. Л. 1 об.

²⁴ ГАСО. Ф. Р-653. Оп. 2. Д. 37. Л. 1 об.; ф. Р-247. Оп. 1. Д. 79. Л. 11-12.

²⁵ ГАСО. Ф. Р-653. Оп. 2. Д. 37. Л. 1 об.

²⁶ ГАСО. Ф. Р-130. Оп. 1. Д. 196. Л. 101, 1.

²⁷ ГАСО. Ф. Р-130. Оп. 1. Д. 196. Л. 101.

²⁸ Там же. Л. 25.

²⁹ Там же. Л. 41-41 об., 10-10 об.

³⁰ ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 622. Л. 47.

³¹ Там же. Л. 58-58 об.

³² Там же. Л. 61.

³³ ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 3919. Л. 100-101 об., 112-113.

³⁴ Государственная Третьяковская галерея. Каталог живописи XVIII-начала XX века (до 1917 года). М.: Изобразительное искусство, 1984. С. 546.

³⁵ ГАСО. Дело фонда № 326. Л. 1.

³⁶ Архив управления ФСБ РФ по Смоленской области. Д. 10903-с. Л.61.

³⁷ Там же. Л. 7.

³⁸ ЦОА ФСБ РФ. г. Москва. Д. № р-10790. Л. 13 об.

³⁹ Добровольно (в период добровольного комплектования) вступило в Красную армию около 8 тысяч бывших офицеров, а в результате призывов с 12 июня 1918 г. по 15 августа 1920 г. в РККА было взято на учет 48 409 бывших офицеров. См.: Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917-1920 гг. / Отв. ред. В.И.Петров. М.: Наука, 1988. С. 37, 108-111, 134, 144-146, 166, 167.

⁴⁰ ЦОА ФСБ РФ. г. Москва. Д. № р-10790. Л. 10, 12, 2.

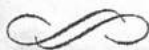
⁴¹ Там же. Л. 2.

⁴² Там же. Л. 67, 68.

⁴³Там же. Л. 70.

⁴⁴Там же.

⁴⁵ ГАСО. Ф. Р-247. Оп. 1. Д. 79. Л. 12.

Иллюстрации к статье А.В. Шихоновой

Рис. 1. Бывший дом А.П.Энгельгардта в селе Мачулы Починковского района Смоленской обл. (Фото В.Г.Павловского 1995 г.)

Рис. 2. Александр Платонович Энгельгардт (1845-1903).
(Фото 1880-1890-х гг.)

*Рис.3. Бывший дом А.П.Энгельгардта в Смоленске.
Фото В.Г. Павловского 1998 г.*

Рис. 4. Александр Александрович Энгельгардт (1896-1938).
(Фото из следственного дела 1938 г.)

А. А. ФИЛИПОВА

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ УСАДЬБЫ ХМЕЛИТА В XVII — XX вв.

Прославленная именем автора бессмертной комедии «Горе от ума» родовая усадьба Грибоедовых Хмелита, расположенная в Вяземском уезде Смоленской губернии, не раз привлекала внимание исследователей.

Научная работа созданного здесь единственного в России музея А.С. Грибоедова не ограничивается только изучением его жизни и творчества. Окружение писателя, в том числе смоленское, история усадьбы Хмелита на всем протяжении её существования, судьба близлежащих усадеб, как входящих в состав музея-заповедника, так и находящихся в зоне его влияния, являются предметом самого пристального изучения.

Хозяйственное состояние усадьбы Хмелита остается до сих пор наименее изученным вопросом. В настоящей работе делается попытка анализа немногочисленных документов середины XVIII — первой трети XIX в., в том числе описей, планов генерального межевания, экономических примечаний к ним и др. по архивным, мемуарным и малоизвестным материалам.

История села Хмелиты («Скоробова тож») прослеживается с XVI в. Но наиболее яркую страницу составляет период сер. XVII — XIX вв., когда усадьба Хмелита принадлежала роду Грибоедовых, и период конца XIX — 1-й четверти XX вв., когда она принадлежала Волковым.

Первое «хозяйственное» описание грибоедовской Хмелиты встречается в 1682 г: «...В селе ж двор вотчинников Ивана Грибоедова, а в нем дворовых его людей 22 человека, да крестьянских и бобыльских 11 дворов, людей в них 67 человек, да 5 дворов пустых пашни пахотные вотчинниковы средние земли 5 чети, да крестьянские пашни 50 чети, да тростником и лесом поросло по пашне 25 чети».¹

По описи владений сына Ивана Грибоедова Тимофея Ивановича Грибоедова от 12 января 1723 г. в помещицкой усадьбе: «... двор помещиков, в нем приказчик Федор Никитин, ... 3 человека м.п., 1 человек ж.п. вместе с детьми, да дворовые деловые люди ... приказчик, конюхи и скотники.. 11 человек м.п., 8 человек ж.п. вместе с детьми да крестьян 12 дворов 47 человек м. п., 47 человек ж. п. вместе с детьми».² Грибоедовы постоянно увеличивают свое поместье в Вяземском уезде, выменивая и получая в наследство от родственников новые деревни и пустоши. Всего в 1723 г. за Т.И. Грибоедовым «179 чтв. с третником лесу пашенного и непашенного болота 211 дес, а четвертьми иметца 421 чтв. в одном поли, а в 3 поля 150 чтв. Без третника в поле, а в дву по тому ж».³

Под барскую запашку в усадьбе отводились лучшие земли, которых было сравнительно мало. Господская пашня занимала до 20% всей посевной площади. Господствующими зерновыми культурами являлись рожь и овес, при ведущем трехпольном севообороте сохранялись еще подсека и перелог. Основными земледельческими орудиями оставались соха и деревянная борона, серп и коса. Хозяйство было натуральным.

В первой четверти XVIII в. промышленность в Смоленской губернии развивалась слабо — сказалась Северная война, но в Хмелитском стане уже начинает действовать металлообрабатыва-

ющий завод, владельцем которого был «посадский человек из города Вязьмы — Василий Фролов»,⁴ развиваются ремесла — строительство барок, кузнечное дело, изготовление посуды и др.

«В с. ж Хмелите в помещиковом дворе движимого: ржи четвертей с 5, пшеницы с четверть, овес четвертей с 30, ячменью четвертей с 8, конопель с четверть, гречи четверти з 2, на конюшенном дворе 15 лошадей, 4 жеребенка, на скотном дворе 4 коровы, 4 подтелка, 15 свиней, шестера овец, двоя гусей, двенадцетера утят, 2 курицы индейских, 20 кур русских...»⁵

Судя по описи, Хмелита в 20-30-е годы XVIII века стала уже центром большой вотчины, в которой развивается натуральное хозяйство и появляются первые зачатки капиталистического производства. Сама усадьба еще невелика, дворовых людей, которыми управляет приказчик, совсем немного.

Усадебное строительство и ведение хозяйства требовало не только изысканного вкуса, но и достаточных денежных средств. Хмелита приобретает облик богатой «каменной усадьбы» и переживает свой настоящий расцвет при Федоре Алексеевиче Грибоедове, деде будущего драматурга. К середине XVIII в. имение значительно выросло, к 1778 г. земельные владения составляют 1208 дес. 2200 сажень пашни и 62 десятины луга.⁶ В 50-60 гг. XVIII века при Федоре Алексеевиче в усадьбе разворачивается большое каменное строительство, все деревянные постройки постепенно были снесены.

В «Экономических примечаниях к плану Генерального межевания» 1778 г. говорится, что в Хмелите был построен «дом господский каменный, о двух этажах с четырьмя флигелями и оградой, регулярный парк с глухими и открытыми аллеями. В нем имеются разные цветники с каменными статуями. В регулярном же саду два копаных пруда с саженой рыбою карасями и линиями...». План и

примечания к нему позволяют представить облик этого богатейшего в округе и вообще в Смоленской губернии «дворянского гнезда».⁷

В селе Хмелита и шести деревнях помещика Ф.А. Грибоедова в 1781 г. насчитывалось 519 крестьян мужского пола. В господском доме «... мастеровые люди: музыканты, певчие, архитекторы; конный завод для себя, манеж, берейторы, егеря, кондитеры, водошники, которые делают для домашнего расхода разных сортов водку, кузнецы, слесари, столяры, кухмистеры, ткачи, которые работают немецкие скатерти, живописцы, золотари, лаковщики, переплетчики, седельники, сапожники, башмачники, портные мужские и женские, медники, ружейники, колесники, ложечники, штукатурщики, каменщики, плотники, печники, пивовары, бердовщики, суконщики, свечники, оконщики, бочкари, кирпичники, кожевники, да женского разного мастерства золотошвей, манжетные да кружевные плетошницы. Всеми вышеописанными мастеровыми людьми производится работа для господского домашнего расхода».⁸

Во второй половине XVIII в. помещики стали производить продукцию сельского хозяйства на продажу. Хлеб из грибоедовского имения поступал в Петербург через Гжатскую пристань, а на внешний рынок — через Бельскую. Увеличение производства хлеба в имении достигалось различными путями: расширялась господская запашка за счет крестьянских наделов, вводились сельскохозяйственные улучшения (трехпольный севооборот заменили многопольным), сеяли сортовыми семенами. Доходность имения повышалась и за счет крепостных крестьян, увеличения барщины и оброка.⁹

Представленный в экспозиции музея план Генерального межевания грибоедовской Хмелиты и экономические примечания к нему являются важными источниками для характеристики хозяйственного состояния усадьбы Хмелита в XVIII в.

В крестьянском хозяйстве, наряду с повсеместно распространенным домашним производством льняных, пеньковых и шерстяных тканей, часть которых предназначалась для рынка, в экономических примечаниях названы и другие традиционные виды промысловых занятий крестьян (гончарное дело, извоз и т.д.).

В постоянном пользовании крестьян находились огороды и конопляники, которые составляли наиболее ценную часть крестьянских наделов. Некоторые крестьяне имели небольшие плодовые сады. В основном огородничество и садоводство носили потребительский характер, но к концу XVIII столетия крестьяне тоже стали производить сельскохозяйственные продукты на продажу. Они сбывали их на ярмарках и торжках, которые существовали не только в Вязьме и Сычевке, но и в самой Хмелите и окрестных крупных селах — Семеновском, Торбееве, Дугине, Панове. Например, грибоедовский крепостной крестьянин Макар Борисов «продал гжатскому купцу Воробьеву более 3 тыс. пудов овса на сумму 892 руб. 24 коп.»¹⁰ Некоторые крестьяне приобретали землю в собственность, арендовали мельницы или строили свои небольшие предприятия. Это уже были представители нарождающейся сельской буржуазии.

По замыслу хозяина усадьбы, трудами многочисленных крепостных в Хмелите было создано не только замечательное архитектурное творение. Здесь возник экономический сельскохозяйственный и землеустроительный комплекс. И хотя после Ф.А. Грибоедова имением никто не занимался столь неутомимо, оно успешно функционировало еще много десятилетий.

Ф.А. Грибоедов умер в 1786 г. в Москве. После него осталось «в разных наместничествах по четвертой ревизии 2709 крепостных душ, московский двор»¹¹ и долгу 55 тысяч рублей.

У Федора Алексеевича Грибоедова было пятеро детей: сын и четыре дочери. Одна из них, Анастасия Федоровна, стала матерью автора комедии «Горе от ума». Единственный сын Ф.А. Грибоедова, Алексей Федорович, после смерти отца наследовал прекрасно налаженное и организованное хозяйство.

По описи 1799 года ему принадлежит «село Хмелита з деревнями Черемошина, Барсуками, Походневая, Горелковая, Ломами и Семеновская». Число крестьянских дворов — 109, м.п. — 522, ж.п. — 521.¹²

«Село Хмелиты по обе стороны речки Скоробовки, в том селе церкви каменных две: 1-я во имя Казанская пресвятыя Богородицы с пределами 1-й рождества Иоанне Предтечи, 2-й святителя Николая Чудотворца, 2-я на новом кладбище во имя Алексея человека Божия. Третья церковь деревянная во имя Успения Божией Матери. Господский дом... каменной с флигелями и садами регулярным и плодовитым при (оном) ветреная мельница имеется, разных мастерств мастерские... земля иловая, крестьяне на пашне, хлеб родится средственно, но лутше рож и овес».¹³

Всего в 1799 г. у А.Ф. Грибоедова — 4494 десятины, 696 сажень земли,¹⁴ скотные дворы, конный завод и манеж, рыбное хозяйство в прудах.

Хмелита времен А.Ф. Грибоедова неразрывно связана с именем будущего драматурга. Здесь автор бессмертной комедии часто бывал в детстве и юности (1790-е — 1810-е гг.) с матерью и сестрой Марией Сергеевной.

Дворовых людей, обслуживающих усадьбу, насчитывалось более трехсот человек. Алексей Федорович (дядя поэта), знаменитый хлебосол, известный всей Москве балами и увеселительными затеями, перенес свой уклад зимней московской жизни в

летнюю резиденцию Хмелиту, превратив ее в роскошную загородную усадьбу с прекрасной картинной галереей, домашним театром, музыкантами и хором цыган.

Говоря о хозяйственной жизни Хмелиты первой четверти XIX века, бывший крепостной Грибоедовых старик Прокоп вспоминал, что в усадьбе были разные мастерские: «...и мебель, и все, что было нужно там делали. Мой дед был столяром. Отец мой мебельщиком был, много он мебели в дворце сделал».¹⁵

Крестьяне вотчины А.Ф. Грибоедова всегда владели ремеслами, торговали, занимались извозом, гончарным промыслом, делали деревянную посуду. Одним из основных занятий было строительство барок и вырубка леса. Крестьяне Суботниковской вотчины А.Ф. Грибоедова Малофей Лукьянов и Никита Алексеев «с товарищи, с позволения господского продали в 1809 году разным купцам для строительства барок лесного материала в пустоши Татариновой на десять барок по цене 450 рублей за каждую».¹⁶ Такие примеры наглядно показывают развитие на строительстве речных судов элементов капиталистического предпринимательства среди зажиточных крестьян.

В условиях, когда земледелие и промысловые занятия не обеспечивали простого воспроизводства, крестьяне оставляли деревню и уходили на сторонние заработки. Они занимались «каменной и плотничной работой», перевозкой хлеба на Бельскую и Гжатскую пристани, нанимались на разные работы в Москве, Риге, Петербурге.

Из письма А.Ф. Грибоедова своему управляющему Миленбургу в Петербург от 19 ноября 1799 г. известно, что в Петербурге жили и платили барину оброк по 25 рублей в год два каретника, кузнец и портной. Жили оброчные мастера и в Москве.¹⁷

Из «Дела о взыскании с А.Ф. Грибоедова кредиторами денег» узнаем, что постоянные долги мучают владельца Хмелиты. В документе упоминаются семь кредиторов, которые требуют от властей взыскания с А.Ф. Грибоедова долгов. Он скрывается от уплаты, с него берут подписку о невыезде из Москвы до уплаты нужной суммы.¹⁸

Денежные затруднения хозяина усадьбы, конечно, частично связаны с кампанией 1812 — 1814 гг. Несмотря на то, что Хмелита, в отличие от других смоленских имений, не пострадала, Грибоедовы расходовали деньги на оказание помощи армии фуражам, поставляли рекрутов.¹⁹

В книге владельческих доходов за 1813 г. «коллежский советник Алексей Федорович сын Грибоедов о получении доходов с имения Вяземского уезда объявлен в Москве».²⁰

Усадебная жизнь в Хмелите и окрестностях продолжается и в послевоенное время, но уже не с такой роскошью.

В 1833 г. скончался дядя драматурга А.Ф. Грибоедов. Имение наследственно перешло к его дочери, Е.А. Паскевич, а от нее — к ее сыну, Ф.И. Паскевичу.

В 1860 г. граф Ф.И. Паскевич передал Хмелиту своим родным сестрам — А.И. Волконской и А.И. Лобановой-Ростовской. Никто из наследников дяди драматурга в Хмелите постоянно не жил. В 1869 г. Хмелита ушла в чужие руки. Она была продана «со всеми принадлежащими ей землями Сычевскому купцу первой гильдии Сипягину, а этот продал немцу Ланге».²¹

Из «Летописи села Хмелиты» явствует, что, как и в прежние времена, основным занятием хмелитских крестьян остается хлебопашество. Продолжают развиваться различные промыслы и торговля: изготовление спичек, деревянной и глиняной посуды.

Многие хмелитские крестьяне уходят на заработки в Санкт-Петербург и Москву, где нанимаются на заводы и фабрики. С постройкой железной дороги прекратились занятия крестьян извозом.²²

В 1891 г. граф П.А. Гейден купил Хмелиту для своей единственной дочери Варвары Петровны, вышедшей замуж за В.А. Волкова-Муромцева, в качестве свадебного подарка, хотя усадьба была запущена и требовала больших финансовых затрат.

Волковы были последними владельцами Хмелиты с 1891 по 1918 г. При них Хмелита переживает свое настоящее возрождение, став образцовым рентабельным хозяйством, где использовались новейшие агротехнические методы ведения сельского хозяйства. При новых владельцах Хмелита возвращает себе также былую известность и славу культурного дворянского гнезда, как это было во времена Грибоедовых.

На праздник Николы Вешнего 9 мая в Хмелите проходила ярмарка. Отовсюду приезжали ремесленники, строили торговые ряды и в них выставляли свои изделия: глиняные горшки, покрытые глазурью, тарелки и миски с рисунками, ситец, вышитые ткани, атлас и бархат. Здесь же продавали женские украшения, игрушки, кожаную обувь.

Волковы принадлежали к тому типу помещиков, для которых усадьба была ценна не только своей прекрасной архитектурно-парковой средой, где так естественно функционировал желанный загородный быт. Для них чрезвычайно важна была и другая сторона усадебной жизни — хозяйственная. Одновременно с обновлением поместья превращалось в рационально организованную экономию, основанную на новейших научных достижениях в области полеводства, садоводства, животноводства. В.А. Волков одним из первых на Смоленщине начал перестраивать свое хо-

зяйство на капиталистический лад. Занявшись сельским хозяйством, он начал с того, что стал сеять лён, завел собственных рабочих лошадей, купил машины и сельскохозяйственный инвентарь, стал вести хозяйство с помощью наемной рабочей силы.²³

Имение занимало 5000 десятин, из них 540 десятин пахотной земли, остальное — лес и луг. В полеводстве применялась девятипольная система севооборота, 540 десятин пахотной земли было разбито на 9 одинаковых полей. В основном сеяли озимые, весной — только овес.

Лён был одним из главных источников дохода для усадебного и крестьянского хозяйства.

При усадьбе было 11 десятин фруктового сада, где выращивались яблоки разных сортов, вишни, сливы, груши. Было много ягод: малина, ежевика, красная, черная и белая смородина, клубника и садовая земляника. Экзотические фрукты выращивались в усадебной оранжерее.

Для ведения образцового прибыльного хозяйства необходимо было разводить хорошие породы скота. Поначалу хмелитское стадо было далеко не идеальное. Однако к 1914 г. большая часть стада стала элитной и была записана в «Кровяную книгу».²⁴

Сыроварня, которую арендовал старый швейцарец Шильдт, была очень выгодна и Волковым и крестьянам. Сыровар Шильдт скупал все молоко, которое ему привозили, а сыр поставщикам продавал за полцены. Крестьяне постепенно тоже стали увеличивать количество коров и интересоваться качеством молока и сыра.

При усадьбе содержались две конюшни — рабочая и выездная. В рабочей всегда было не менее 40 лошадей, постоянно проводились опыты по улучшению качества жеребят, как усадебных, так и крестьянских.

Повседневные связи усадьбы с крестьянами всегда начинались с хозяйственной деятельности. Именно у владельцев усадьбы обучались крестьяне соседних сел и деревень, знакомясь с основными правилами ведения сельского хозяйства, именно в усадьбе можно было получить образцы семян и удобрений.

В Хмелитской округе крестьянам трудно было приобретать сельскохозяйственные орудия. В.А. Волкову долго не удавалось уговорить крестьян вступать в кооперативы. Но в 1911 г. крестьянский кооператив в Хмелите приобрел веялки и молотилки, их поддержали однодворцы, а затем и жители окрестных деревень.

Большую часть усадебных земельных угодий занимали леса. В Хмелите работал собственный лесопильный завод, который изготавливал строительные материалы и занимался переработкой отходов.²⁵

Кроме лесопильного завода, переработкой продукции в Хмелите занимались маслобойный и кирпичный заводы, две мельницы, процветала кожевенная артель. В имении была своя кузница, столярные мастерские, автомобильный гараж, ледник. Загребенскую мельницу Волковых долгое время арендовали хмелитские крестьяне.²⁶

Революция нарушила мирное течение жизни семейства Волковых. Имение было национализировано, художественные ценности из усадьбы вывезены, а сами Волковы оказались разбросанными по свету. Хмелита навсегда осталась для них символом покинутой России.

Благодаря усилиям подвижников и энтузиастов во главе с В.Е. Кулаковым, сейчас, после 30-летней реставрации, Хмелита возрождается для новой, теперь уже музейной жизни.

Духовная аура этого удивительного места ощущается всеми, кому дорого наследие А.С. Грибоедова, кто способен почувствовать очарование русской усадьбы.

Некоторые виды хозяйственной деятельности из опыта русской усадьбы ещё предстоит возродить и использовать в современной практике музеев-заповедников. Это разведение цветов, плодовых деревьев, пчел, рыбы в прудах, изготовление сувениров из лесных отходов, возрождение народных кустарных промыслов — гончарного, вышивки, вязания, плетения кружев; разведение уток на прудах, лошадей. И делать это необходимо не только в практических, но и в экспозиционных целях. Разумеется, речь не идет о полной рентабельности музея-заповедника, так как учреждения культуры не должны свою основную просветительскую миссию подменять хозяйственной. Но возрождение этих реалий будет способствовать и возрождению облика усадьбы, близкого к историческому. Хотелось бы, чтобы в музейных декорациях существовала подлинная жизнь усадьбы.

В перспективе деятельность музея-заповедника, связанная с формированием экспозиционного пространства, должна учитывать не только все многообразие включенных в него историко-культурных и природных памятников, но и сохранившиеся и возрождающиеся формы социокультурной и хозяйственной деятельности усадьбы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 622, л. 236-240.

² РГАДА, ф. Вотчинной коллегии, 1723 г., кн. 229/5286, 2-я пол., л. 244-250 об.

³ РГАДА, ф. Вотчинной коллегии, 1723 г., кн. 229/5286, 2-я пол., л. 244-250 об.

⁴ Смоленский край в истории СССР. — Смоленск: 1971 г., С. 50.

⁵ РГАДА, ф. Вотчинной коллегии, 1723 г., кн. 229/5286, 2-я пол., л. 244-250 об.

⁶ ОПИ ГИМ, ф. 123, ед. 3, л. 43.

⁷ Экономические примечания к Вяземскому уезду Смоленской губернии // ЦГАДА, ф. 1355, ед. хр. 1454, л. 306-306 об.

⁸ Там же.

⁹ Рябков Г.Т. Смоленские помещичьи крестьяне в кон. XVIII — 1-ой пол. XIX в. М.: Прометей, 1991 г.

¹⁰ Там же, С. 58.

¹¹ Овчинников Г.Д. К родословной А.С. Грибоедова // Отечественные архивы, № 6, 1999 г., С. 80.

¹² РГАДА, ф. 1355, оп. 1, ед. хр. 1453, л. 57 об.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, л. 58.

¹⁵ Фонд музея-заповедника «Хмелита». КП-1770. Письмо Волкова Н.В. Кулакову В.Е., С. 14.

¹⁶ Рябков Г.Т. Смоленские помещичьи крестьяне в кон. XVIII— 1-ой пол. XIX в. М.: Прометей, 1991 г., С. 194.

¹⁷ Тархова Н.А. Грибоедовская усадьба Хмелита // А.С. Грибоедов. Материалы к биографии. Л.: Наука, 1989 г., С. 58.

¹⁸ ИЛРИ, 10040/1. Дело о взыскании с него (А.Ф. Грибоедова) кредиторами денег.

¹⁹ Вяземский филиал ГАСО, ф. 239, св. 1, д. 27, л. 3.

²⁰ ГАСО, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 3, л. 115.

²¹ Летопись о селе Хмелита // ИРЛИ, кол. Н.К. Пиксанова, л. бн.

²² Там же.

²³ Волков-Муромцев Н.В. Юность. От Вязьмы до Феодосии. (1902-1920 гг.). М.: 1997 г. С. 70-77.

²⁴ Там же. С. 71.

²⁵ Кассовая книга конторы имения Хмелиты В.П. Волковой. 1916 окт. 1 — 1917 окт. // РГАДА, ф. 1455, оп. 6, ед. 395.

²⁶ Вяземский филиал ГАСО, ф. 482, оп. 1, д. 27, л. 1-34.

А. И. ДАВЫДОВ, А. А. ФИЛИПОВА

**МЕМОРИАЛЬНАЯ УСАДЬБА НАХИМОВЫХ
В СЕЛЬЦЕ ГОРОДОК.
К ПРОБЛЕМЕ МУЗЕЕФИКАЦИИ**

На территории историко-культурного и природного музея-заповедника «Хмелита» находится родина национального героя России, знаменитого флотоводца адмирала Павла Степановича Нахимова.

В июле 2002 года исполняется 200 лет со дня его рождения. В преддверии этого юбилея музей-заповедник «Хмелита», озабоченный судьбой мемориальных нахимовских мест, разработал программу их музеефикации.

Для начала немного истории.

В метрической книге Смоленской губернии Вяземского уезда за 1802 год есть запись: «Сельца Городок у господина майора Степана Михайловича сына Нахимова с женою его Феодосию Ивановнуу родился сын Павел крещен священником Георгием Овсянниковым 27 числа а при крещении его восприемники были господин Сычевской округи подпоручик Николай Матвеев сын Нахимов да девица Анна Степанова дочь Нахимова».¹

Предки адмирала были уроженцами Харьковской губернии и служили в Ахтырском казачьем полку, там же расквартированном. Первым на Смоленской земле оказывается в середине XVIII в. дед Павла Степановича — Михаил Мануилович Нахимов, который приобрел в Сычевском, Бельском и Вяземском уездах Смоленской

губернии большие земельные владения. Родина адмирала — село Городок, основанное на месте пустоши. Пронино, — впервые упоминается в составе владений Нахимовых в 1778 году² как собственность двоюродного деда Павла Степановича — Семена Мануиловича Нахимова, от которого по его бездетности оно переходит в конце XVIII в. к его племяннику майору Степану Михайловичу Нахимову, отцу адмирала Павла Степановича.

У родителей адмирала — Степана Михайловича и Федосьи Ивановны, урожденной Козловской — было шестеро детей. Пятеро сыновей: Николай, Платон, Иван, Сергей, Павел связали свою жизнь с морской службой.

Усадьба Городок была небольшой и небогатой. В «Экономических примечаниях на дачи Вяземского уезда за 1799 г.» сохранилось описание этой усадьбы: «Пустошь Пронина, а по мирскому званию Городок. Ныне состоит за секунд-майором Степаном Нахимовым.

19 Крестьянских дворов 2, мужского пола 7, женского 13, подселением 2 десятины, пашни 44 десятины 970 сажен, сенных покосов 14 десятин 290 сажен, лесу 106 десятин 960 сажен, неудобных мест 9 десятин. Всего 176 дес. 100 саж. В селе Городок господской деревянный дом на суходоле на большой Бельской дороге. Земля иловатая. Хлеб родится средственной, и крестьяне на хлебопашестве».³

20 Из-за многочисленности семьи С.М. Нахимова и бедности его имения, будущий адмирал П.С. Нахимов, по семейному преданию, в детстве до 1813 года иногда жил в имении своего двоюродного дяди и крестного отца Николая Матвеевича Нахимова в Сычевском уезде, в селе Волочек, считая себя его воспитанником. В 1813 году Павел Нахимов был отправлен из Смоленской губернии в Петербург для поступления в Морской кадетский корпус, куда и был

принят 3 мая 1815 года. Этот же корпус к тому времени закончили два старших его брата — Платон и Николай, там учился тогда брат Иван, а позже поступил туда последний из братьев — Сергей, в будущем тоже адмирал. Соучениками Павла Степановича по корпусу были такие замечательные в будущем люди, как В.И. Даль, И.Д. Завалишин, Н.А. Бестужев, М.Ф. Рейнеке, впоследствии контр-адмирал, самый близкий друг Нахимова, и другие.

Окончив в 1818 году кадетский корпус, П.С. Нахимов плавает по Балтийскому и Белому морям, а в 1822 — 1825 годах совершает под командованием М.П. Лазарева кругосветное плавание; затем в Средиземном море у берегов Греции в 1827 году под Наварином участвует в сражении против турок в составе русской эскадры, находящейся под командованием адмирала Л.П. Гейдена, на корабле «Азов», капитаном которого был М.П. Лазарев. За участие в этом сражении лейтенант Нахимов был награжден российским орденом Св. Георгия 4 ст. и греческим орденом Спасителя. Он был произведен в чин капитана-лейтенанта.

В 1834 году в чине капитана 2-го ранга П.С. Нахимов был переведен на Черноморский флот, где и остается до конца жизни. Одержав победу над турками при Синопе на берегах Малой Азии, он стал одним из главных организаторов и вдохновителей обороны Севастополя в Крымскую войну 1853-1855 годов. Адмирал Нахимов погиб на Малаховом кургане 28 июня 1855 года за полтора месяца до сдачи города англо-франко-турецким войскам.⁴

Участвуя в великих исторических событиях, находясь в многочисленных плаваниях по всем морям и океанам мира, П.С. Нахимов не порывал со своей смоленской родиной, где жили его родители и многочисленные родственники. Хотя после окончания кадетского корпуса ему очень редко приходилось бывать на смоленской земле, он вел постоянную переписку с проживающими

там родными. Сохранилось его письмо к двоюродному брату Андрею Михайловичу Нахимову, написанное из Крыма незадолго до гибели, где он пишет о своем желании посетить родные места.

Небольшое смоленское отцовское имение братьев Нахимовых сельцо Городок находилось в их нераздельном владении, а после смерти Павла Степановича, который был холост, становится достоянием его братьев и племянников.⁵

К концу XIX в. земли сельца Городок приобретаются А.И. Кудрявцевой. Новая владелица строит в 1898 году в Городке дом на другом месте. Старый нахимовский дом был к тому времени, по-видимому, снесен за ветхостью.⁶

После революции в 20-х годах, в Городке недолгое время существует совхоз,⁷ а потом, с 30-х до 70-х годов, — Масловский льнозавод. Производственные мощности завода в довоенные годы частично располагались в старых зданиях, сохранившихся ещё с нахимовского времени. В результате войны 1941-1945 годов завод был разрушен; при его восстановлении и расширении в послевоенные годы была произведена полная перепланировка территории.

Никаких архитектурных остатков усадьбы Нахимовых до наших дней не дошло. Так же трагично сложилась судьба церкви Спаса Нерукотворного Образа в с. Спас-Волжинском, которая пережила Великую Отечественную войну, но была разобрана на кирпич в начале 50-х гг. В начале 90-х гг., когда прокладывали асфальтированную дорогу в с. Городок, остатки церкви подверглись значительным дополнительным разрушениям, а фундамент был засыпан балластом — грунтом, служащим основанием для современной дороги.

В одно время с ликвидацией Масловского льнозавода, в ходе кампании по укрупнению колхозов были уничтожены все близлежащие к Городку деревни, в том числе село Спас-Волжинское и

центр сельсовета — деревня Маслово. При строительстве дороги в село Городок Масловское городище было срыто, а грунт от него использовали под отсыпку основания дороги.

В 1982 году на месте дома Кудрявцевых в Городке была ошибочно установлена мемориальная доска с надписью: «На этом месте стоял дом, в котором 5 июля 1802 года родился П.С. Нахимов — великий русский флотоводец, герой Синопского морского сражения и Севастопольской обороны в период Крымской войны 1853-1856 годов».⁸

При разработке институтом «Спецпроектреставрация» (руководитель проекта Янович Я.Д., 1992 г.) схемы организации историко-культурного и природного музея-заповедника А.С. Грибоедова «Хмелита» особо подчеркивалась уникальность этой территории для русской истории и культуры в результате сплетения исторических судеб выдающихся личностей — А.С. Грибоедова и П.С. Нахимова. Музей-заповедник формируется вокруг двух важнейших исторических аспектов:

- 1) мемориальных мест, связанных с пребыванием здесь Грибоедова;
- 2) родины адмирала Нахимова.⁹

По первоначальному замыслу разработчиков Схемы организации историко-культурного и природного заповедника «Хмелита» предполагалось «в урочище Городок воссоздать усадебные постройки для размещения музейной экспозиции, воссоздание деревни на её историческом месте, усадебного парка».¹⁰ Тщательно изучив и проанализировав все имеющиеся документы и материалы натурных обследований, музей-заповедник отказался от этой идеи, так как считает воссоздание дома Нахимовых невозможным из-за полного отсутствия данных о старом доме, в том числе изобразительных материалов и планов. Современные

подходы к проблемам музеефикации не позволяют даже поставить вопрос о реализации проекта воссоздания дома Нахимовых на мемориальном уровне в настоящее время.

В 1997-98 гг. было произведено натурное обследование усадьбы Нахимовых в с. Городок, которое позволило определить место её расположения и основные компоненты первоначального плана усадьбы. Здесь сохранились несколько прудов и фрагменты усадебного парка. Дендрологические обследования способствовали обнаружению старых посадок лип, дубов, ясеней и др., возраст которых соответствует времени возникновения усадьбы Городок.

В 1999 г. было проведено частичное вскрытие фундамента Спасской церкви для дальнейшего его исследования и консервации. Работы производились под научным руководством Центральной научно-реставрационной производственной мастерской (ЦНРПМ) Министерства культуры РФ.

Археологические раскопки позволили выявить остатки церкви в Спас-Волжинском, которая была построена в 1798 г. Обнаруженные при этом предметы переданы в фонд музея-заповедника. Они относятся ко времени, когда многочисленные Нахимовы были владельцами усадьбы и постоянно посещали свою приходскую Спасскую церковь.

25.12.1998 года Главой администрации Смоленской области утвержден проект зон охраны музея-заповедника в целом. Проект был разработан музеем-заповедником, согласован с Центральным Советом ВООПИК и Министерством культуры Российской Федерации. Земли общей площадью 14,6 га, в том числе в Городке — 9 га и С. Волжинском — 5,6 га являются территориями памятников культуры и охраняются в соответствии с законом об охране памятников истории культуры РФ и находятся в ведении музея-заповедника «Хмелита».¹¹

Сейчас окрестности Городка в радиусе нескольких километров представляют собой местность незаселенную, лишенную коммуникаций, электричества, водоснабжения. Они частично используются под сельскохозяйственные угодья и заготовку леса и дров.

В зоне влияния музея-заповедника находится с. Волочек — еще одно нахимовское имение. Это большое село не входит в состав музея-заповедника. Оно расположено в Холм-Жирковском районе и поныне остается значительным населенным пунктом, в котором находится центральная усадьба акционерного сельскохозяйственного общества. В советское время с. Волочек было переименовано в Нахимовское, так как долгое время ошибочно считалось местом рождения П.С. Нахимова. На территории села Нахимовского среди современной застройки еще можно обнаружить остатки прежней планировки бывшей помещичьей усадьбы, а на берегу пруда фундамент каменного, уже в послевоенные годы разобранного на кирпич господского дома. На кирпич была также разобрана и усадебная церковь Святых Мучеников. Возле дома уцелели отдельные фрагменты некогда обширного парка с просматриваемыми аллеями, где сохранились усадебные флигели. Их изображения, как и самого господского дома, имеются у потомка рода Нахимовых А.П. Нахимова.¹² Пребывание адмирала Нахимова отмечено мемориальной доской на одном из зданий усадьбы. Исторической достопримечательностью села Нахимовского является расположенное на берегу Днепра средневековое городище. К юбилею П.С. Нахимова необходимо разработать и реализовать мероприятия, позволяющие сохранить эти памятные места.

Программа музеефикации нахимовских мест предусматривает создание разножанровой и территориально разделенной экспозиции:

1. Музей под открытым небом «Сельцо Городок — родина

П.С. Нахимова», включающий в себя усадьбу Городок, погост Спас-Волжинский с сохранившимся некрополем Нахимовых.

2. Мемориально-ландшафтная зона вокруг усадьбы Городок, т.е. культурный ландшафт, связанный своей исторической памятью с П.С. Нахимовым.

3. Экологическая пешеходная тропа по старому Бельскому тракту от усадьбы Городок до с. Волочек с включением в неё исторических мест, природных объектов и достопримечательностей: старинных городищ, мест бывших почтовых станций, церквей и остатков барских усадеб.

4. Основная военно-историческая экспозиция, посвященная П.С. Нахимову, должна разместиться в одном из флигелей XVIII в. в усадьбе Хмелита, в которой мог бывать в детстве будущий адмирал Нахимов.

Подготовительным этапом в создании основной музейной экспозиции была выставка «Верный сын России» из фондов Государственного Исторического музея и музея-заповедника «Хмелита», открытая в 1996 г., в год празднования 300-летия Российского флота и просуществовавшая до середины 1998 г. Её авторы — ст. научный сотрудник И. Крайванова и художник Е. Богданов.

Выставка пользовалась огромным успехом у посетителей. Патриотическое служение П.С. Нахимова Отечеству, его военные подвиги, его подвижничество и благородство оказались весьма созвучны нашему времени. Для многих посетителей было настоящим открытием само существование родины П.С. Нахимова в смоленском крае. Очень важно, что единственный в России музей П.С. Нахимова будет находиться не в столице или в крупном областном центре, а в самой глубинке русской провинции, на его родине.

В контексте разнообразных влияний семья, детство, смоленское окружение П.С. Нахимова сыграли огромную роль в

формировании личности будущего великого флотоводца. Здесь его корни и истоки.

Нам представляется, что столь разнообразный по представленной тематике музей, выходящий за пределы здания и включающий в себя мемориально-культурный ландшафт, будет поистине замечательным памятником П.С. Нахимову.

В современной экономической ситуации музеефикация по-прежнему остается одним из самых надежных и проверенных жизнью способов сохранения и спасения русской усадьбы.

Музей-заповедник «Хмелита» надеется, что юбилей П.С. Нахимова будет способствовать дальнейшему возрождению этого исторического места.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАСО, ф. 48, оп. 1, ед. 160.

² РГАДА, ф. 1337, оп. 1, ед. хр. 3774, л. 13.

³ Там же, ф. 1355, оп. 1, ед. хр. 1453.

⁴ Общий морской список. СПб.: 1893. Ч. 7. Л. 587.

⁵ Фонд музея-заповедника «Хмелита». КП-2332/74, л. 10.

⁶ Там же, л. 11-13.

⁷ Там же, л. 63.

⁸ Там же, л. 58-59.

⁹ Там же, л. 28.

¹⁰ Архив музея-заповедника. Схема организации историко-культурного и природного музея-заповедника «Хмелита». Т. 1. Кн. 1. Л. 6; Т.2. Кн. 1. Л. 44-76.

¹¹ Архив музея-заповедника. Историко-культурное обоснование территории. Т.1. Кн. 1. Л. 6. Т.2. кн. 1. Л. 44-76.

¹² Там же, т.5, кн. 1, л. 12.

Л. М. КОЗИКОВА

**ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ
СМОЛЕНСКОГО МУЗЕЯ: КРЕСТЬЯНСКИЙ КОСТЮМ
ВЯЗЕМСКОГО УЕЗДА В XIX веке**

Смоленщина, ввиду своего положения между разными в экономическом, историческом и этническом отношениях регионами, в этнографическом плане очень разнообразный район. Это наглядно выражено в народном костюме, особенно в женском, как наиболее сохранившемся.

В северо-восточной части Смоленской губернии, в которую входил и Вяземский уезд, бытовал великорусский тип женского костюма. Коллекция крестьянской одежды Вяземского уезда в Смоленском музее сравнительно небольшая и представлена предметами XIX — начала XX столетия. Она сформировалась в основном из двух источников: из собрания Е.Н. Клетновой, поступившего в музей в начале 20-х годов, и экспедиционных сборов последних десятилетий.

Этнографические экспедиции по области дали возможность не только пополнить музейные коллекции, но и установить границы разных типов крестьянского костюма Смоленской губернии.

Определяющим предметом северо-великорусского типа женского крестьянского костюма Смоленской губернии (в том числе и Вяземского уезда) был косоклинный сарафан, который на Смоленщине имел свои местные (временные и территориальные) особенности.¹

Общий силуэт сарафана — трапециевидный: кроме основных двух полотнищ спереди и одного сзади обязательно наличие нескольких косых боковых клиньев (отсюда и его название — косоклиный). В зависимости от места бытования, покроя, материала, украшений косоклиный сарафан в этом регионе назывался по-разному: «ферязь», «сукман», «полбумажник», «клинастик», «синикин», «сорококлин», «китайка»... В музейной коллекции преобладают праздничные экземпляры (их берегли, передавали по наследству — и собирателям они доступней). Отличались они шириной, качеством ткани, богатством отделки, аккуратностью исполнения. И назывались соответственно — «бодрый», «добрый», «богатый», «свадебный»... Изготавливался такой сарафан из домотканины, из льняных или шерстяных нитей. В этот период использовалась и фабричная хлопчатобумажная ткань — китайка. По цвету синий или черный, реже красный, праздничный косоклиный сарафан богато украшался нашивками — лентами, тесьмой, позументом, шнурами и др. Их расположение — традиционно — подол, верх сарафана (лямки, проймы); часто декорировался и передний, срединный шов. Однотонный по цвету сарафан хорошо сочетался с другими предметами костюма (Рис. 1).

Несмотря на многообразие в покрое и «украсах» женских рубах этого региона, можно отметить и общие их качества. Основа рубахи («стан») чаще был составной: «чехлик», «станушка» — верхняя часть, «подстава» — нижняя. Горловина, сильно соборенная под узкую обшивку, плотно облегает шею. Рукав — зауженный книзу или прямой, собранный внизу под манжет. Цветовой и орнаментальный акцент «украш» рубах — на плечье. Полосы затканки, браного ткачества, вышивки дополнялись нашивками из цветного ситца, тесьмы, позумента.

Орнамент тканых и шитых украс — геометрический, в поздних вариантах — растительный, исполненный вышивкой крестом красными и черными нитями. Звонкий, мажорный цветовой строй оплечья рубах поддерживался легким цветовым аккордом на обшивке ворота и внизу рукавов (Рис. 2).

В комплексе с косоклинным сарафаном в рассматриваемый период в данном регионе бытовали старые, традиционные формы головных уборов (сборники, повойники, кокошники, ряски, кички, сороки и др.). Появляются и новые, «модные», из фабричных материалов — сорокообразные шапки-косынки, шапки с хвостами, шапки с начельниками.

Дополняли народный костюм тканые и плетеные многоцветные пояса («рябушки») из фабричной тесьмы с концами из краля и бисера. Праздничный костюм обязательно включал шейные и нагрудные украшения.

Женский крестьянский костюм даже в пределах одного региона был разнообразен и многопредметен. Была одежда для дома и для улицы, праздничная и будничная, сезонная, ритуальная.

Существенно дополняют наши сведения о народном костюме Вяземского уезда предметы крестьянской одежды из собрания Екатерины Николаевны Клетновой (1869 — не ранее 1937), проявившей себя во многих областях науки и культуры. В круг ее интересов и занятий входило и коллекционирование. Ее родовое имение Кочетово, близ Вязьмы, во время революции было разорено и разграблено. Уцелела лишь часть этнографических коллекций и среди них предметы крестьянской одежды Вяземского уезда. На основе изучения тканого и шитого орнамента бытовых крестьянских предметов Клетнова написала работу «Символика народных украс Смоленского края».²

Уникальными являются четыре насовки из собрания Клетновой. Это древний, так называемый «глухой» сарафан, к концу XIX века вышедший из употребления. Исполнялись насовки из отбеленного льняного холста. Покрой их — туникообразный (из одного полотнища, перегнутого по утку на плечах), с выкройной горловиной и проймами для рук, по бокам — по два клина. Горловина и подол украшены вышивкой, ткачеством, полосами крашеного холста. Данные насовки — летний вариант этой одежды (для обрядов, жатвы...). Рис. 3.

В древность уходит история бытования головных уборов из коллекции Клетновой. Головной убор, как и костюм в целом, состоял из нескольких предметов. На традиционно причесанные волосы надевался чепец, держащий прическу. На чепец — еще убор, который придавал форму всему головному убору. Это холщовые шапочки с жесткой передней частью разнообразной формы. По терминологии Клетновой, это — «роги», «подобрусники», «колоды» (Рис. 4). Эти редкие, уникальные предметы женских головных уборов к концу XIX века вышли из употребления. Поверх этих формообразующих предметов головного убора надевался традиционный для данной местности завершающий предмет убора — повойник, кика, сорока. По необходимости повязывался еще убрus, косыня, плат, шаль и др.

Предметы женской одежды Вяземского уезда из собрания Клетновой (рубахи, насовки, головные уборы) не образуют полного комплекта женского крестьянского костюма, но дополняют коллекцию одежды Смоленского музея ранними ее образцами.³

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Козикова Л.М. Женский крестьянский костюм с косоклинным сарафаном Смоленской губернии XIX, нач. XX вв. Смоленск, 2000.

² Клетнова Е.Н. Символика народных украс Смоленского края. Смоленск, 1924.

³ Козикова Л.М. Этнографические коллекции Е.Н. Клетновой в Смоленском музее // «Родной Смоленщине — ум, талант, любовь». Научно-краеведческая конференция, посвященная археологу и этнографу Е.Н. Клетновой. Вязьма, 1999. С. 23-25.

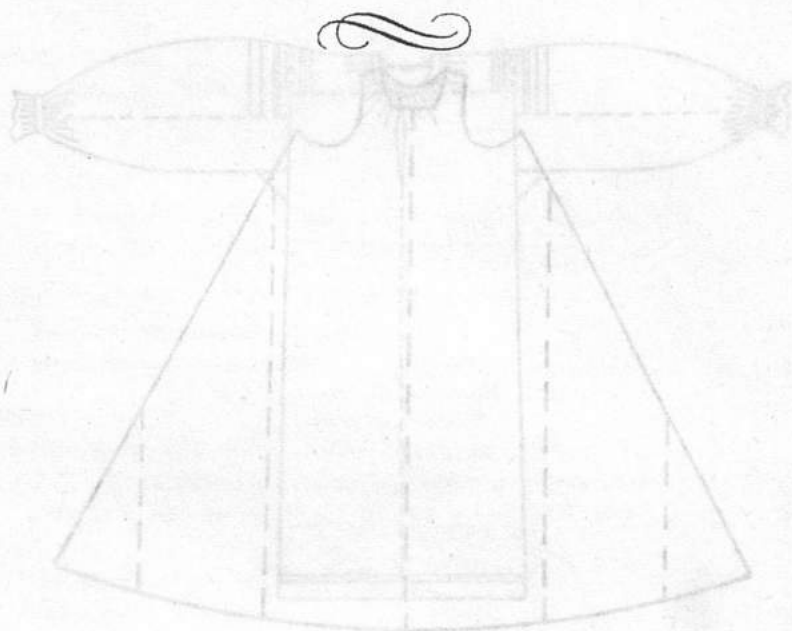
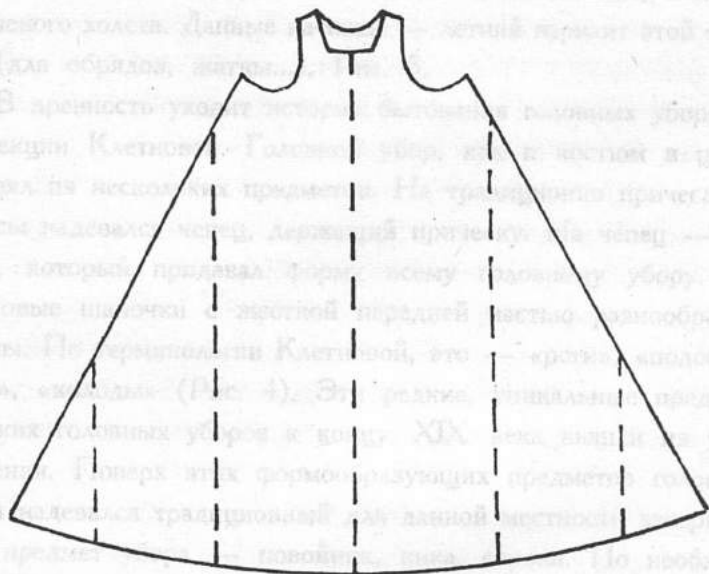
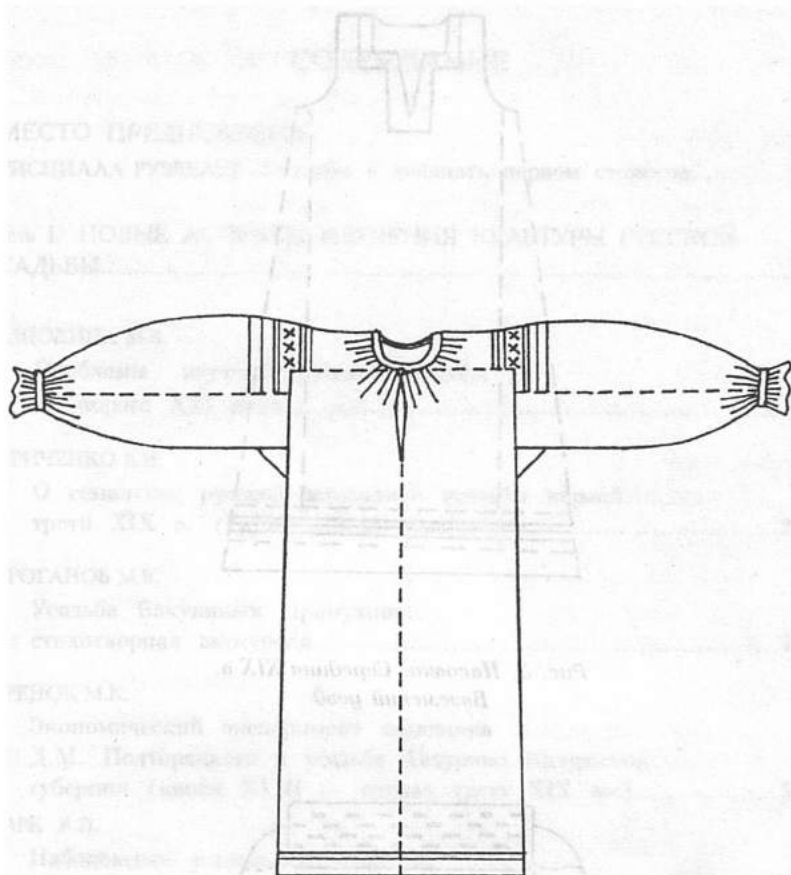

Рис. 1. Костюм крестьянки из коллекции Е.Н. Клетновой
Вязьма, 1999

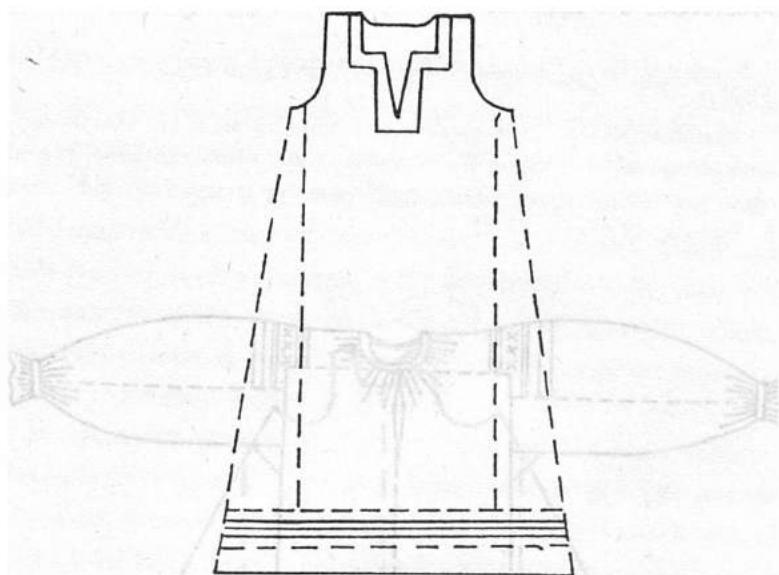

*Рис. 1. Косоклиный сарафан второй половины XIX в.
Вяземский уезд*

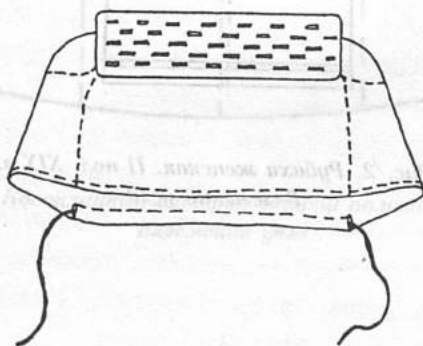
Козикова Л.М. Вяземский крестьянский костюм с косоклиным сарафаном. Смоленский губернский музей. XIX, 1924, XX тв. Смоленск, 2000.

*Рис. 2. Рубаха женская. II пол. XIX в.
Вяземский уезд*

*Рис. 3. Пасовка. Середина XIX в.
Вяземский уезд*

*Рис. 4. Подобрустик. Середина XIX в.
Вяземский уезд*

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ПРИСЦИЛЛА РУЗВЕЛЬТ. Хмельта в двадцать первом столетии..... 3

Часть I. НОВЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ РУССКОЙ

УСАДЬБЫ..... 9

НАЦОКИНА М.В.

Проблемы изучения русской усадьбы
на пороге XXI века..... 11

КИРИЧЕНКО Е.И.

О семантике русской загородной усадьбы первой
трети XIX в. (Грузино А.А. Аракчсва)..... 24

СТРОГАНОВ М.В.

Усадьба Бакупиных Прямухино:
стихотворная экскурсия..... 40

ГУРЕНОК М.К.

Экономический эксперимент помещика
Д.М. Полторацкого в усадьбе Авчурино Калужской
губернии (конец XVIII — первая треть XIX вв.)..... 52

СТАРК В.П.

Набоковские усадьбы в прошлом,
настоящем и будущем..... 69

РОЗОВ А.Н.

Проблема взаимоотношения сельского священника
и помещика..... 88

ПОЛЯКОВА М.А.

Усадьбная культура и социальные потрясения
в России в двадцатые годы XX века..... 113

ЗЛОЧЕВСКИЙ Г.Д.

Вклад ОИРУ и создание библиографии «Подмосковных»..... 128

Часть II. ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ РУССКОЙ УСАДЬБЫ.....141

ВЕДИНИН Ю.А.
Современные проблемы
сохранения русского усадебного ландшафта.....143

КУЛЕШОВА М.Е.
Правовые проблемы
сохранения русской усадьбы.....156

ШУЛЬГИН П.М.
Экопомпическое возрождение русской усадьбы.....166

ТЫДМАН Л.В.
О воссоздании утраченных памятников архитектуры.....178

ЗАВЬЯЛОВА Н.И.
Зоны охраны исторических усадебных
комплексов: проблемы разработки,
установления, функционирования.....190

НУЖДИНА А.М.
Проекты зон охраны
в сохранении русской усадьбы.....199

ПОКРОВСКАЯ Е.Н.
Опыт сохранения деревянных усадеб.....205

АГАМАЛЯН А.Г.
Усадьба Приюттино:
проблема юридического статуса
и административного подчинения.....210

РАЗИНА Н.Г.
Из опыта реставрационного проектирования
усадебного дома в Остафьево.....219

СИНЕОКОВА Т.А.
Из опыта спасения и сохранения усадьбы
Л.А. Тамбурер в подмосковном поселке Удельная.....227

БЕККЕР А.Ю., ШАКС А.И.

- Михалково: старинная усадьба
в условиях мегаполиса.....240

Часть III. УСАДЬБЫ СМОЛЕНЩИНЫ: ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ.....255

КАМЕНЕВА Т.Е.

- Проблемы сохранения усадьбного ансамбля
Барышниковых в с. Алексинно
(Дорогобужский район).....257

ТИХОНОВА А.В.

- Из истории дворянской усадьбы «Мачулы».....272

ФИЛИПОВА А.А.

- Хозяйственное состояние
усадьбы Хмелита в XVII-XX вв.....287

ДАВЫДОВ А.И., ФИЛИПОВА А.А.

- Мемориальная усадьба Нахимовых в сельце
Городок. К проблеме музеефикации.....300

КОЗИКОВА Л.М.

- Из истории этнографической коллекции Смоленского
музея: Крестьянский костюм вяземского уезда
Смоленской губернии XIX века.....309

Научное издание

РУССКАЯ УСАДЬБА НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА

Хмелитский сборник. Выпуск 3

Сборник статей

Научный редактор *Ю. А. Веденин*

Редакторы: *Ю. Б. Виниченко, Ю. С. Макаревич*

Утверждено к печати Редакционно-издательским советом

Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия
имени *Д. С. Лихачёва*

Лицензия № 020730 от 3 марта 1998 г.

Компьютерная вёрстка и дизайн *Н.П. Лакутина*

Компьютерная обработка иллюстраций *Н.П. Лакутина*

Подписано в печать 23 февраля 2001 г.

Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура *Academia*

Бумага офсетная. Печать офсетная,

печ. л. 20. Тираж 700 экз. Заказ № 1158

Российский научно-исследовательский институт

культурного и природного наследия

имени *Д. С. Лихачёва*

129366, Москва, ул. Космонавтов, 2

ФГУП ордена «Знак Почета» Смоленская областная типография

им. *В. И. Смирнова*, 214000, г. Смоленск,

проспект имени *Юрия Гагарина*, д. 2

О. М. Версунь

